

*«И расцветают
звёзды слов...»*

Литературно-поэтическое слово
в творчестве композитора
Георгия Дмитриева

Собрание текстов

Составитель П.Г. Дмитриев

Содержание

От составителя.....	11
1961	12
Песни одинокого путника. <i>Стихи Ли Бо</i>	13
1963	17
Два гротеска для баса и фортепиано. <i>Стихи Эрве Базена, Орхана Вели</i>	18
1964	20
Две русские песни	21
«Ты спросишь...». <i>Стихи Э. Межелайтиса</i>	22
1966	23
Два стихотворения Расула Гамзатова.....	24
1967	25
Три стихотворения Фёдора Ивановича Тютчева	26
1968	28
Сапожник. <i>Стихи А.С. Пушкина</i>	29
1969	30
Три детских стихотворения Робера Десноса.....	31

1970	33
Из персидской народной поэзии.....	34
1972	36
Три стихотворения Ленгстона Хьюза.....	37
Поучительная история. <i>Стихи В. Татарина</i>	39
1974	40
Из болгарской народной поэзии.....	41
1975	43
Любимая и потерянная. <i>Либретто Г. Дмитриева по одноимённому роману Морли Каллагана</i>	44
Песни безвременья. <i>Стихи И. Никитина, М. Михайлова, Н. Некрасова</i>	74
Священные знаки. <i>Стихи Н. Рериха</i>	77
1976	81
Перевозчик. <i>Стихи А. Твардовского</i>	82
Венок полевых цветов. <i>Стихи Е. Серовой</i>	84
1977	89
Шесть детских песен. <i>Стихи Г. Ладоницкова, Ю. Тувима, Р. Скучайте, Ф. Грубина, Л. Дворжака, В. Незвала</i>	90

1978	93
Нравоучительные истории. <i>Совместные стихи А.С. Пушкина и Н.М. Языкова</i>	94
Три романса на стихи Михаила Юрьевича Лермонтова.....	95
«Любил и я в былые годы». <i>Стихи М.Ю. Лермонтова</i>	97
Три стихотворения Николая Рубцова	98
1979	100
Памяти Александра Сергеевича Пушкина. <i>Стихи А.С. Пушкина, А. Деметьева</i>	101
1980	103
Александрю Блоку. <i>Стихи А. Ахматовой</i>	104
Четыре стихотворения Иннокентия Анненского	105
Две русские народные песни	107
1982	108
Голоса скрипок. <i>Стихи А. Блока</i>	109
1983	111
Апостол правды. <i>Стихи Т. Шевченко</i>	112
Из «Повести временных лет». <i>Текст древнерусской летописи</i>	114

1984	119
Два настроения.	
<i>Стихи В. Каменского, А. Белого</i>	120
1985	123
Космическая Россия.	
<i>Тексты К.Э. Циолковского, Ю.А. Гагарина.</i>	
<i>Стихи М. Ломоносова, А. Фета,</i>	
<i>В. Маяковского, народные</i>	124
Entre elle et moi.	
<i>Стихи на французском языке</i>	
<i>А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева</i> ...	131
Последний шмель.	
<i>Стихи И. Бунина</i>	135
1987	138
Старорусские сказания.	
<i>Стихи И. Бунина</i>	139
1988	146
Stabat Mater dolorosa.	
<i>Стихи А. Ахматовой («Реквием»)</i>	147
Ясный свет.	
<i>Стихи А. Блока</i>	155
1989	157
Стенька Разин.	
<i>Стихи М. Цветаевой</i>	158
Семь детских стихотворений	
Осипа Мандельштама.....	161

1990	164
Всенощное бдение. <i>Канонические тексты</i>	165
1991	171
Тайная вечеря. <i>Стихи В. Набокова</i>	172
1993	175
Messe in D. <i>Канонический латинский текст</i>	176
1996	178
Праведная Русь. <i>Стихи анонима XVI века, С. Бехтеева, М. Волошина, Ю. Кублановского, Ю. Кузнецова</i>	179
1997	183
Завещание Николая Васильевича Гоголя. <i>Тексты Н.В. Гоголя, канонические тексты</i>	184
1998	193
Арфа серафима. <i>Стихи А.С. Пушкина, Филарета, митрополита Московского</i>	194
Симфония ликов. <i>Стихи А. Майкова, А. Ахматовой, К. Романова, А. Белого</i>	198
1999	202
Святитель Ермоген. <i>Исторические, канонические, народные тексты. Стихи Ю. Кублановского</i>	203

2000	217
Поздние песни.	
<i>Стихи А. Твардовского</i>	218
Четыре романса на стихи Ивана Алексеевича Бунина.....	220
Преподобный Савва Игумен.	
<i>Текст из Пролога в переводе с церковнославянского А.С. Пушкина, канонические тексты, стихи А.С. Пушкина и Ю. Кублановского</i>	222
2001	229
Песни паладина.	
<i>Стихи А. Блока</i>	230
2002	240
Шесть хоров на стихи русских поэтов.	
<i>Стихи К. Батюшкова, А. Кольцова, А.К. Толстого, К. Бальмонта, Д. Мережковского, иеромонаха Романа</i>	241
2003	246
Братские песни.	
<i>Стихи А. Хомякова</i>	247
2004	250
9 мая.	
<i>Канонический текст, стихи А. Твардовского</i>	251
Китеж всплывающий.	
<i>Стихи Ю. Кузнецова</i>	252
Богатырские песни.	
<i>Стихи Ю. Кузнецова</i>	255

2005	258
«И в День Победы...».	
<i>Стихи А. Ахматовой, И. Эренбурга</i>	259
Две песни Алексея Васильевича Кольцова.....	260
Куликовский триптих.	
<i>Канонические тексты</i>	262
Земля высóка.	
<i>Канонические тексты</i>	263
2006	265
Владимирская Богоматерь.	
<i>Стихи М. Волошина</i>	266
2007	267
Воскресное литургическое пение.	
<i>Канонические тексты</i>	268
Четыре стихотворения Юрия Кузнецова.....	278
2008	281
Картинки из старинной книжки.	
<i>Стихи И. Бунина</i>	282
«И вместо точки я поставлю солнце...».	
<i>Стихи Ю. Кузнецова</i>	289
Пророк.	
<i>Стихи М.Ю. Лермонтова</i>	292
2009	295
Поэт.	
<i>Стихи Н. Заболоцкого</i>	296

«Я устал от двадцатого века». <i>Стихи Г. Иванова, М. Цветаевой, О. Мандельштама, Н. Клюева, В. Шаламова, В. Соколова</i>	300
2010	303
Пять стихотворений Георгия Иванова.....	304
Зимний путь. <i>Стихи С. Есенина</i>	306
2011	309
Шесть романсов. <i>Стихи В. Брюсова, И. Северянина, Н. Гумилёва, З. Гиппиус, В. Ходасевича, Вяч. Иванова</i>	310
Испанские песни. <i>Стихи Федерико Гарсиа Лорки</i>	313
Приложение	
Именной указатель авторов текстов.....	317

От составителя

Музыка, связанная со словом, занимает в творчестве композитора Георгия Дмитриева главенствующее положение. Об этом свидетельствует как количество такого рода произведений в авторском портфеле, так и их содержательная значимость, во многом определяемая жанрово-стилистическим разнообразием литературных источников, широтой тем и сюжетов, свободой в обращении к различным эпохам и культурам.

Предлагаемый вниманию заинтересованных читателей сборник — это собрание поэтических, литературных, канонических, историко-документальных текстов, на основе которых Г.П. Дмитриевым на протяжении полувека были созданы музыкальные произведения. Такое собрание способно помочь в понимании и оценке творческой эволюции композитора, в постижении содержательной сути многих его сочинений.

Тексты расположены в хронологической последовательности — по годам создания музыкальных произведений и под их названиями. Произведения датируются годом их окончания; при различной датировке отдельных частей — годом завершения цикла; при наличии позднейших музыкальных редакций, сохраняющих неизменной литературную основу, — годом возникновения первой редакции.

Стремясь к информативной стройности картины, составитель счёл необходимым ограничиться только основным корпусом произведений композитора (согласно авторскому Каталогу), а также воздержаться от публикации текстов большей части произведений для детей.

1961

ПЕСНИ ОДИНОКОГО ПУТНИКА

(Из китайской классической поэзии)

вокальный цикл для баритона,
флейты (флейт) и фортепиано.

Стихи Ли Бо.

Перевод с китайского А. Гитовича

1. Прелюдия

2. Весенним днём брожу у ручья Лофутань

Один, в горах,
Я напеваю песню,

Здесь, наконец,
Не встречу я людей.

Всё круче склоны,
Скалы всё отвесней,

Бреду в ущелье,
Где течёт ручей.

И облака
Над кручами клубятся,

Цветы сияют
В дымке золотой.

Я долго мог бы
Ими любоваться —

Но скоро вечер,
И пора домой.

3. Смотрю на водопад в горах Лушань

За сизой дымкою вдали
Горит закат,
Гляжу на горные хребты,
На водопад.
Летит он с облачных высот
Сквозь горный лес —
И кажется: то Млечный Путь
Упал с небес.

4. Жду

За кувшином вина
Я послал в деревенский кабак,
Но слуга почему-то
Пропал — задержался в пути.
На холмах на закате
Горит расцветающий мак,
И уж самое время,
Чтоб рюмку к губам поднести.
Потихоньку б я пил,
У восточного сидя окна,
И вечерняя иволга
Пела бы мне за окном.
Ветерок прилетел бы,
И с ним — захмелев от вина —
Утомлённому путнику
Было б нескучно вдвоём.

5. Под луной одиноко пью

Среди цветов поставил я
Кувшин в тиши ночной
И одиноко пью вино,
И друга нет со мной.
Но в собутыльники луну
Позвал я в добрый час,
И тень свою я пригласил —
И трое стало нас.
Но разве, — спрашиваю я, —
Умеет пить луна
И тень, хотя всегда за мной
Последует она?
А тень с луной не разделить,
И я в тиши ночной
Согласен с ними пировать
Хоть до весны самой.
Я начинаю петь — и в такт
Кольшется луна,
Пляшу — и пляшет тень моя,
Бесшумна и длинна.
Нам было весело, пока
Хмелели мы втроём,
А захмелели — разошлись,
Кто как — своим путём.
И снова в жизни одному
Мне предстоит брести
До встречи — той, что между звёзд,
У Млечного Пути.

6. Думы тихой ночью

У самой моей постели
Легла от луны дорожка.

А может быть, это иней?
Я сам хорошо не знаю.

Я голову поднимаю —
Гляжу на луну в окошко,

Я голову опускаю —
И родину вспоминаю.

7. На закате солнца вспоминаю Шаньчжун

Дождь кончился,
И в дымке голубой

Открылось небо
Дивной чистоты.

Восточный ветер
Обнялся с весной

И раскрывает
Юные цветы.

Но опадут цветы —
Уйдёт весна,

И человек
Начнёт вздыхать опять.

Хотел бы я
Всё испытать сполна

И философский камень
Отыскать.

1963

ДВА ГРОТЕСКА

для баса и фортепиано

1. Вши

Под шерстью меридианов
моих мозговых полушарий,
шурша, копошатся вши.
По всем извилинам шарят,
во всех уголках плодятся,
плодятся, чтоб выжить, остаться,
остаться, чтоб тиф эгоизма
вечно вершил делами.

Чешется честь отчаянно,
совесть чешется тоже.
Чешут они в четыре руки
кожу, кожу, кожу.
Кожу твою, мою и его
в сыпи, в царапинах, в язвах даже.
Тщетно мазью своей осторожно
кожу благотворительность мажет.

О, век двадцатый,
изобрети новое ДДТ,
где «Д» — доверье, второе «Д» — долг,
«Т» — теплота души.
О, век двадцатый, когда, наконец,
переведутся вши?!

*Стихи Эрве Базена.
Перевод с французского...(?)*

2. Для вас!..

Разве не всё на свете для вас,
люди, братья мои?
Разве ночи и дни,
и белесые бельма луны,
неба серого холст,
и краски, что радуют глаз,
разве не всё на свете для вас?

Разве мягкая кожа девичьих рук,
каблуков почтальона стук,
и «доброе утро» прохожих,
и лодки, раскрашенные пёстро, —
всё, что ново, как жизнь,
и, как жизнь, старо,
всё, что было и будет, и есть сейчас, —
разве не всё на свете для вас?

Разве капли пота на лбу,
трибуналов военных своры,
и смертные приговоры,
и гвозди в стандартном гробу,
смерть, живущая в сером, тяжёлом свинце,
и ясная жёсткость последней зари,
и надгробные камни, как точки, поставленные в конце,
разве не всё на свете для вас,
люди, братья мои?

*Стихи Орхана Вели.
Перевод с турецкого...(?)*

1964

ДВЕ РУССКИЕ ПЕСНИ

для меццо-сопрано (баритона) и фортепиано.

Слова народные

1. Колыбельная

Уж ты, сон да дрёма,
Зайди к дочке в головá.
Сон идёт по лавочке
В красненькой рубашечке,
А дрёма по стене
В белой одеялочке.

2. Про кота (шуточная)

Как у котика кота
Кузовок было овса.
Всё натолочено, всё намолочено.
А на что коту овёс?
Коту пиво варить,
Коту пиво варить,
Коту сына женить!

«ТЫ СПРОСИШЬ...»

для баритона (меццо-сопрано)
и фортепиано.

Стихи Э. Межелайтиса.

Перевод с литовского Б. Слуцкого

Ты спросишь, зачем слишком рано светлела,
Седела мой голова, что была, словно пашня темна?
От светлого счастья, что в сердце беду одолело,
Пресветлою стала она.

Когда же беда окончательно сгинет и скроется,
В моей седине не мелькнёт ни единая тёмная нить.
Как яблоня белая, вырасту я у околицы
И буду стоять и светить!

1966

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

для меццо-сопрано (баритона) и фортепиано.

Перевод с аварского Н. Гребнева

1. Песни

Есть три заветных песни у людей,
В них всё людское горе и веселье.
Одна из песен всех других светлей —
Её слагает мать над колыбелью.

Вторая — тоже песня матерей.
Рукою глядя щёки ледяные,
Её поют над гробом сыновей...
А третья песня — песни остальные.

2. Время

Утро и вечер,
Солнце и мрак —
Белый рыбак,
Чёрный рыбак.

В мире, как в море,
И кажется мне:
Мы, словно рыбы,
Плывём в глубине.

В мире, как в море,
Не спят рыбаки,
Сети готовят
И ладят крючки.

В сети ли ночи,
На удочку дня
Скоро ли время
Поймает меня?

1967

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ФЁДОРА ИВАНОВИЧА ТЮТЧЕВА

для сопрано и фортепиано

1. «Когда в кругу убийственных забот...»

Когда в кругу убийственных забот
Нам всё мерзит — и жизнь, как кáмней гряда,
Лежит на нас, — вдруг, знает Бог откуда,
Нам на душу отрадное дохнёт,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.

Так иногда, осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее доли,
Вдруг ветер подует, тёплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...

2. «Всё, что сберечь мне удалось...»

Всё, что сберечь мне удалось
Надежды, веры и любви,
В одну молитву всё слилось:
Переживи, переживи!

3. «Если смерть есть ночь...»

Если смерть есть ночь, если жизнь есть день —
Ах, умаял он, пёстрый день, меня!..
И сгущается надо мною тень,
Ко сну клонится голова моя...

Обессиленный, отдаюсь ему..
Но всё грезится сквозь немую тьму —
Где-то там, над ней, ясный день блестит
И незримый хор о любви гремит...

1968

САПОЖНИК

притча для баритона (баса) и фортепиано.

Стихи А.С. Пушкина

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?» ...
Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
«Суди, дружок, не свыше сапога!»

Есть у меня приятель на примете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах,
Но чёрт его несёт судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

1969

ТРИ ДЕТСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯ РОБЕРА ДЕСНОСА

для меццо-сопрано (баритона) и фортепиано.

Перевод с французского М. Кудинова

1. Муравьед

— Вам встречался муравьед?

Зажигают в доме свет.

— Вам встречался муравьед?

Яркий свет, хороший свет...

— Вам встречался муравьед?

Нет!

Не встречал я муравьеда,

Он вернулся от соседа,

Потушил он в доме свечи

И такой был тёмный вечер,

Что ни мне, ни муравьеде

Было не до встречи.

2. Пеликан

Капитан Джонотан

Видел много разных стран,

И в одной из этих стран

Был им пойман пеликан.

Стал он жить у капитана.

Снёс яйцо. И утром рано

Вдруг услышал Джонотан

Крик второго пеликана.

Снёс яйцо второй. О горе!
Третий вылупился вскоре,
И могло бы без конца
Так и продолжаться это,
Если б не было яичниц,
Если б не было омлета.

3. Муравей

Муравей восьмиметровый
Обзавёлся шляпой новой...
— Не бывает так! Не бывает так!

Муравей в телеге длинной
Возит уток и пингвинов...
— Не бывает так! Не бывает так!

Говорит он по-французски,
По латыни и по-русски...
— Не бывает так! Не бывает так!

Ну, а если так?

1970

ИЗ ПЕРСИДСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

вокальный цикл для баритона и фортепиано.

Перевод Н. Гребнева

1. «Жизнь — беда, но горе спрячь в груди»

Жизнь — беда, но горе спрячь в груди,
Будь мужчиной, если ты мужчина,
Если ж нет, по кладбищу пройди —
Вот где слабых приютит чужбина.

[.....]

Там, в родном краю, давным-давно
Милая счастливою весною
По моим губам любви вино
Разлила, но не пила со мною.

[.....]

Был когда-то жар в моей крови,
Тайны жизни постигал, но вскоре
Понял я, что в медресе любви
Нечему учиться, кроме горя.

2. Дочь и мать

Дочь с матерью — со старою каргой —
Подходят важно к бане городской.
Но дочь мне нравится, и я согласен
Быть старой ведьме преданным слугой.

Не шее милой родинки горят,
Их целовать не мне: я не богат.
Есть у меня из всех богатств на свете —
Враги, долги да порванный халат.

3. «Ах, дорогая, не тяни, чего же ты молчишь?»

— Ах, дорогая, не тяни, чего же ты молчишь?
Спроси согласия у родни, чего же ты молчишь?
— Давно у брата и отца просила я согласия,
Не соглашаются они, — чего же ты молчишь?

4. «Уж если ты мне причинила боль...»

Уж если ты мне причинила боль
И ранила, — не сыпь на рану соль.
Уж если ты меня сама убила, —
Ты мне сама и саван сшить изволь.

И проводи в последний мой чертог,
Где я лежать останусь одинок —
Бессильный, чтоб могильный сдвинуть камень,
Восстать и вновь ступить на твой порог.

Ты, Азраил, и ты, о ангел мой,
Прошу — отсрочьте час мой роковой:
Я слишком мало видел счастья в жизни,
Чтоб умереть, чтоб прорасти травой.

5. «Ты не суди меня так строго, милая»

Ты не суди меня так строго, милая,
И без того печали много, милая.
Тебя любить мне люди не дадут,
Как я, надейся лишь на Бога, милая!

Возьмём Коран, его страницы, милая,
Пусть нам предскажут, что случится, милая.
Но если посулит он нам беду,
Пусть и Коран испепелится, милая!

1972

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕНГСТОНА ХЬЮЗА

для баритона и фортепиано.

Перевод с английского М. Зенкевича

1. Воздушный блюз

Мне сказали: на Севере жизнь хороша.
Мне сказали: на Севере жизнь хороша.
И вот я на Севере без гроша.

Вместо, завтрака я глотаю
утренний воздух пустой,
вместо завтрака я глотаю
утренний воздух пустой,
а на ужин я получаю
вечерний воздух густой.

И вот я танцую и веселюсь,
и вот я танцую и веселюсь,
и распеваю воздушный блюз.

2. Утром с похмелья

Я, кажется, выпил вчера
и был немного пьян.
Я, кажется, выпил вчера,
и в голове туман.
В этот проклятый ликёр
был подмешан дурман.

Ночью я видел во сне,
что нахожусь в аду,
и грохот ужасный мне
чудился ночью в бреду.
Проснулся и вижу, что Бэйби рот
открыла, как бегемот.

Я сказал: не храни, о Бэйби!
Дай уснуть хоть на час один.
Не храни, моя крошка Бэйби!
Дай уснуть хоть на час один!
Ты нежная женщина, Бейби,
а хранишь, как сотня мужчин.

3. Если б...

Если б имел я сотню
в дырявом кармане моём,
то я купил бы мула
и поехал верхом.

Если б имел я тысячу,
купил бы автомобиль
и покатил по дороге,
поднявши облаком пыль.

А если б имел миллион я,
купил бы самолёт,
и мне бы в Америке всюду
оказывали почёт.

Но нет у меня миллиона,
в кармане нет и гроша —
и только от этого «если б»
кажется жизнь хороша.

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

для меццо-сопрано (баритона) и фортепиано.

Стихи В. Татаринова

Жирафа сказала:
«Послушай, сынок:
Пойди прогуляйся —
Хороший денёк,
Но только сначала
Старательно, с мылом,
Ты шею свою
Обязательно вымой.
А то тебя звери
В лесу повстречают
И с грязною шеей
Тебя не узнают.
Все скажут, что ты
Из родни бегемота
И только недавно
Покинул болото.
Успели умыться
И львёнок, и ёж,
А ты посмотри,
На кого ты похож!»

Молчит жирафёнок...
Но всем было видно,
Что он не грязнуля
И что ему стыдно.
Случайно подслушал я
Их разговор
И шею старательно
Мою с тех пор.

1974

ИЗ БОЛГАРСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

вокальный цикл для сопрано,
кларнета и фортепиано.

Перевод Н. Гребнева

1. «Не ложится мне, не спится...»

Не ложится мне, не спится,
И матери тоже.
Всё смекает, за кого бы
Меня выдать замуж.

Может, чабану захочет
Отдать свою дочку?
Нет, мне чабана не надо:
Вслед за овцами своими,
Словно чёрт, он скачет.

Может быть, отдать владельцу
Лавки бакалейной?
Не пойду я: бакалейщик
Сам не хуже крысы
По мешкам шныряет!

Ты отдай меня, родная,
Вольнищику в жёны,
Под весёлую вольнку
Сладко петь я буду.

2. «Об заклад побились девица и парень...»

Об заклад побились
Девица и парень,
Что вместе спать будут,
А грешить не будут.

Он конём ручался,
Конём за пять сотен,
Она — ожерельем
За тысячу с лишком!

Парень, как ягнёнок,
Спит беды не знает,
А его подруге
Всё никак не спится,
Она шепчет тихо:
«Проснись, мой любимый,
Жаркими руками
Стан обвей мой тонкий,
Прикоснись губами
К щекам моим алым,
Бог с ним, с ожерельем
За тысячу с лишком,
Что же ты жалеешь
Коня за пять сотен?»

3. «Падает дождик...»

Падает дождик,
Дождик, как жемчуг,
Милый коня вороного седлает.
Едет он счастья искать на чужбине,
Может быть, там заработает денег.

Я говорю: «Погоди, любимый!
Здесь проведи эту зиму и лето,
Деньги всегда заработать можно.
Молодость людям даётся однажды,
Молодость, словно роса, исчезает,
Утром бывает, а в полдень уж нету...»

1975

ЛЮБИМАЯ И ПОТЕРЯННАЯ

камерная лирическая опера в двух действиях,
девяти картинах.

Либретто Г. Дмитриева по одноимённому
роману Морли Каллагана*

Место событий: Город на Западе...

Время событий: Недавно...

Действующие лица:

Джим Макэлпин, журналист

Пегги Сандерсон

Мистер Карвер, издатель газеты

Кэтрин, его дочь

Чак Фоли, приятель Джима

Мэлон, репортёр

Вольгаст, владелец ресторана и бара

Бушар, инспектор полиции

Агню, квартирная хозяйка Пегги** }

Философическая дама }

Эстетическая девица

Профессор }

Первый белый }

Бизнесмен }

Второй белый }

Политик

Негр-официант

Джоан, негритянка, эстрадная певица,
соседка Пегги

* Morley Callaghan — The Loved and the Lost. London 1961.

Морли Каллаган — «Любимая и потерянная». М., 1973 г. Перевод с английского Е. Коротковой.

** Роли, объединённые скобкой, могут быть поручены одному исполнителю.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Прелюдия

Картина I

Богатая, со вкусом обставленная гостиная. У телефона — мистер Карвер, пожилой видный мужчина, издатель газеты.

Карвер: ...Вы не желаете учесть, Перкинс, нынешний спрос на либеральные идеи. Такие вещи нужно принимать во внимание!...У меня одна из самых влиятельных газет в стране! Её выписывает каждый, кто прочно устроился в жизни. Прочно, прочно!...Короче: газете нужна дискуссионная колонка, а главное, молодой сотрудник. Иначе газета вылетит в трубу! (бросает трубку, расхаживает по комнате) ... чёрт знает что!

Входит Кэтрин — дочь Карвера, красивая, элегантно одетая двадцативосьмилетняя женщина.

Кэтрин: Добрый вечер, папа. Я прямо с заседания. Устала, но, говорят, моё выступление было удачным!

Карвер: Это радует меня! Сказать по правде, последнее время я беспокоился за тебя: ты так одинока, так переживаешь это своё неудачное замужество!

Кэтрин: Но это была не моя вина! Я понимаю, на моём месте все так говорят, но эта его постоянная отчуждённость, постоянная отчуждённость!

Карвер: К тому же он пил, запустил дела своей фирмы!

Кэтрин: И прожили-то мы всего три месяца...

Карвер: А как тебе нравится этот Джим Макэлпин?

Кэтрин: Он мне нравится, Джим — интересный человек!

Карвер: Правда, у него ни гроша за душой...

Кэтрин: Он ведь не бизнесмен!

Карвер: И, тем не менее, остановился здесь в самом фешенебельном отеле...

Кэтрин: Красивый жест: сжёг за собой мосты!

Карвер: Мне кажется, он хоть сейчас готов взяться за работу, если... я решу его принять...

Кэтрин: А ты решишь. Может и не сразу, но решишь...

Появляется Джим Макэлпин — высокий широкоплечий мужчина лет тридцати с небольшим, в строгом костюме.

<i>Кэтрин:</i>	<i>Джим:</i>	<i>Карвер:</i>
А вот и мистер	Добрый вечер,	Добрый вечер!
Макэлпин!	Кэтрин! Добрый	Проходите
Добрый вечер,	вечер, мистер	и садитесь,
Джим!	Карвер!	Макэлпин!

Джим садится рядом с Кэтрин. Карвер с интересом наблюдает за ним.

Как вы относитесь	
к Петрарке,	Петрарка всегда
Джим?	мне казался
	несколько
Вот как? В самом	рассудочным.

деле? Постойте-ка,
а Катулл, Джим?
Хоть на Катулле
мы с вами
сойдёмся?

Отчего же,
на Катулла я
согласен!

Давно я не
видел дочь такой
оживлённой,
меня радует её
повеселевший
взгляд!

Карвер: А что вы скажете о Черчилле?

Кэтрин: О Черчилле?

Джим: О Черчилле?...От восемнадцатого века синтаксис, от девятнадцатого — шляпа!

Карвер: Шляпа? (озадачен)

Кэтрин смеется.

(сообразив) Недурно, недурно! Дерзко и смешно!
(в сторону) Конечно, он умён, а главное, либерален!
(обращаясь к Кэтрин и Джиму) Покидаю вас, — мне ещё нужно поработать.

Карвер уходит.

Кэтрин: Расскажите мне что-нибудь!

Джим: Ну что ж, мне вспомнилась как раз одна забавная история. Забавная... Первый важный шаг на жизненном пути одного мальчугана. В том городке, где он вырос, их соседями были весьма состоятельные люди, и хотя тот мистер никогда не здоровался с его отцом, мальчик играл иногда с теми детьми — вы ведь знаете, ребятишки знакомятся очень легко. Однажды те дети пригласили его к себе. Когда он пришёл, их мать встречала гостей. «А это что за мальчик?» И лицо её сделалось, как каменное... Все дети в дом ушли, а его никто не звал. Там веселились, пели песни, знакомые песни, мальчик все их отлично знал... Его щенок подбежал к двери и залаял. «А что если дети выйдут и позовут его?» Открылась дверь и в ней появился лакей: «Пошёл отсюда, слышишь ты, пошёл отсюда, слышишь, пошёл вон!» Мальчик прижал собачонку к груди и бросился прочь. Сердце его, казалось, выстукивало: «Кто этот мальчик, это что за мальчик, кто этот мальчик, этот мальчик кто?!» — «Ну погодите, погодите!»...Мальчуган по ту сторону порога... мальчуган по ту сторону порога...

Кэтрин: Жаль бедного малыша! Помочь ему хотела бы, чтобы успеха в жизни добился!...А знаете, что интересно? У нас родство душ... Это приятно, приятно и ново...

Джим: Как хорошо всё, Кэтрин!

Кэтрин: Всё хорошо, всё будет отлично, Джим!

Джим: Не сомневаюсь...

Кэтрин: Что ж, до завтра!

Джим: До завтра!

Целует Кэтрин и порывисто уходит.

Кэтрин: Какой это мужественный человек... «Как хорошо всё, Кэтрин!» Я верю, он оценит мою самоотверженность!

Интерлюдия

Картина II

Часть бульвара. Небольшое открытое кафе под тентом. Падает снежок — к концу картины всё сильнее. Джим ожидает здесь своего друга.

Джим: Вот этого никак понять не могу! Этот вечный скептик, давний мой приятель Чак, не влюбился ли он? Придёт с какой-то девушкой! «Неужели тебе не хочется увидеть девушку свежую, как маргаритка!?»

Появляется Чак Фоли, роскошно одетый, рядом с ним девушка. На ней дешёвое пальто с пояском, легкие туфельки. Снежинки тают на её волосах. Эти ничем не прикрытые волосы с пробором посередине делают её похожей на девочку.

Чак: Здорово, Джим! Это Пегги Сандерсон.

Джим: Здравствуйте, Пегги!

Джим пожимает руку Пегги. Чак отходит к стойке.

Пегги: Только чур мне скоро уходить! Не правда ли, славное кафе, — удобное, если ты торопишься?

Джим: Вы промокли...

Пегги: Снег никогда не надоедает мне. Это — как в детстве... Помните, как мы радовались первому снегу?

Чак приносит коктейли для себя и Джима и кофе для Пегги.

Чак: Мы ждали не снега, а льда!

Пегги: А по мне вашего льда хоть бы не было. Зато как чудесно проснуться утром и в первый раз увидеть снег на полях!

Чак: Здесь зимы снежные...

Пегги: Мне нравится этот город, к тому же это порт и здесь общаются люди разных рас. По утрам меня слишком рано будит колокольный звон, но чувствую я себя здесь, как дома.

Чак: Да вы счастливица, Пегги!

Пегги: Счастливица? Счастье только в том, чтоб замечать такие вещи.

Из кармана пальто Пегги торчит какая-то брошюрка. Джим берёт её, просматривает.

Джим: Среди этих негритянских писателей есть неплохие.

Пегги: (с интересом) Они знакомы вам?

Джим: У них и поэты есть хорошие!

Пегги: По-моему, да! А вам они нравятся, Чак?

Чак: (небрежно) Ещё бы! Кому же они не нравятся!?

Пегги: Кое-кому не нравятся...

Пегги: *Джим:*

Чак:

Ну, мне пора!

Выпейте ещё

Останьтесь, Пегги! чашечку.

Нет, я правда

спешу — до

свиданья!

Жаль!

Пегги берёт у Джима свою книжку и уходит.

Чак: (восхищённо) Послушай, Джим! Ну что особенного здесь она сказала? А в то же время... Другая бы старалась блеснуть своим образованием, но только не Пегги! Хотя она кончила колледж, кстати, тот же, что и ты! В ней ведь шика нет, но столько женственности!

Джим: Необычная девушка!

Чак: Одну минутку!

Чак замечает появившегося грузного, довольно пожилого человека и направляется к нему. Это — Мэлон, репортер бульварной газетки. Они приветствуют друг друга и начинают в стороне какой-то оживленный разговор. Джим остаётся один.

Джим: Кажется, я понял, в чём её прелесть. Мечтательный взгляд, спокойное и ясное лицо и эта мягкая безмятежность делают Пегги трогательно милой. А как легко одета она, совсем летние туфельки! По такому

снегу девушка промочит ноги, не успев даже улицу
перейти... Необычная девушка...

Чак и Мэлон подходят к Джиму.

Чак:

Джим:

(возбуждённо)

Послушай, Джим!

Это мистер Мэлон...

(знакомясь)

Джим Макэлпин...

...рассказывает такое!

Он знает Пегги и,

оказывается...

Мэлон: (развязно) Ну, да! Малютка Пегги равнодушна к этим трубочистам и сколько их у неё! Правда, явных доказательств нет, да это несущественно! Сам я охладил к малютке Пегги, а то бы тоже мог... Впрочем, ей подавай лишь чёрное мясо, чёрное мясо, а наш брат белый ей не по вкусу, видите ли!

Джим: Но это что-то несправедливое! Ведь сами вы сказали, что точных обвинений нет!

Чак: Дыма без огня не бывает...

Мэлон: (с напором) А зачем она ходит в негритянские кафе! Почему она может говорить, как с лучшим другом, со всяким чернокожим подонком? Почему сторонится порядочных людей, которые честь ей могли бы оказать!? Уверяю вас, её завертели эти черномазые, а попробуй белый к ней подступиться, ему отставку даст, — в общем, ей подавай лишь чёрное мясо, чёрное мясо, побольше черномазых парней!

Джим: Всё это ничего не доказывает! Так и святую можно обвинить!

Чак:

Святую!? Да что ты себе
вообразил!

Мэлон:

Святую! Ха-ха-ха!
Святую! Ха-ха-ха!
Святую! Ха-ха-ха!

Мэлон: Это крошка Пегги-то святая!? Ну знаете! Да я бы право не рискнул бы с нею переспать, нет, не рискнул бы с нею переспать!

Джим: А ты-то, ты-то, Чак, ещё недавно, как хорошо ты о Пегги говорил! Девушке нужно помочь!

Чак: Ты не для того сюда приехал. Думай о карьере! Советую больше внимания уделять Кэтрин. Старый Карвер не зря с тобой заигрывает: причина — Кэтрин!

Мэлон: А ты, Чак, подумай, украшает ли твоё бюро эта любительница негров!? (многозначительно) Общественное мнение нужно уважать!.

Мэлон отходит в сторону. Чак, чувствуя себя несколько виноватым, задерживается.

Чак: (примирительно) Ну, старик, мы идём к Вольгасту. Там мы пьём всерьёз. И выбрось, пожалуйста, всё из головы... Нас обманул её мечтательный взгляд!

Чак хлопает Джима по плечу, догоняет Мэлона, оба уходят.

Джим: (с досадой) Да зачем мне действительно эта девушка! Я о карьере думать должен! Но неужели слова Мэлона правда? Мечтательный взгляд, спокойное и ясное лицо и эта мягкая безмятежность — можно ли поверить, что это лишь обман? А разве мне нельзя всё проверить? Узнать Пегги получше? А снег всё падает. По такому снегу девушка промочит ноги, не успев даже лицу перейти... Необычная девушка...

Интерлюдия

Картина III

Комната Пегги: почти никакой мебели, на голых стенах — пятна сырости. В комнате — Пегги, одетая в рабочий комбинезон, в дверях — миссис Агню, квартирная хозяйка, с коробкой в руках.

Агню: Сегодня утром к вам приходил один молодой человек и просил передать вот это. (Отдаёт Пегги перевязанную коробку.) «Скажите мисс Сандерсон, что это ей от одного незнакомого». Какой шутник, должно быть, этот ваш «незнакомый»? У вас ведь много друзей!?

Пегги:

Спасибо, миссис Агню, вы очень любезны!

Агню:

Да что вы, милочка, не стоит! Такой симпатичный и мне улыбнулся, сразу видно — порядочный человек... (уходит)

Пегги: (раскрывает коробку) Зимние ботинки! Как трогательна эта дружеская забота! Кто бы мог додуматься? (примеряет ботинки) Должно быть, это Джим Макэлпин — он так внимателен ко мне... И как раз впору!.. Я обратила на него внимание, когда заметила его сочувствие неграм. Это важно, мне это о многом говорит!

Джоан: (из-за двери) К вам можно, соседка?

Пегги: Заходите, Джоан!

Появляется молодая, бедно одетая негритянка с маленьким ребенком на руках.

Джоан: Нельзя ли моего малыша у вас ненадолго оставить?

Пегги: Конечно, давайте его сюда!

Джоан: Спасибо, Пегги! Он спит...

Джоан уходит. Пегги остаётся одна, баюкает малыша.

Пегги: Спи-усни, крошка маленький Джонни!
Спи-усни, крошка маленький Джонни!
Ты сейчас спишь спокойно, будущий вечный беглец.
Только теперь ты спишь спокойно,
будущий вечный беглец.
Если белого человека, пусть даже очень скверного,
Если белого, даже плохого, доведут до крайности,
Знает он, ещё с детства знает,
что может позвать полисмена.
Знает он, ещё с детства знает,
что может позвать полисмена.
Белого полисмена.
Если ж чёрного ярость охватит —
хочет слепым стать, зажмуриться.
Если негру мозг ярость туманит —
не нужно ему правосудия.
Знает он, ещё с детства знает: бело́ лицо правосудия.
Знает он, ещё с детства знает: бело́ лицо правосудия.
Белого правосудия.
Негр предпочтёт такому лицу
кромешный ад гнева и ярости,
Негр предпочтёт, а потом побежит,
терзаемый страхом опасности.
Знает он, ещё с детства знает,
что в этом мире он вечный беглец.
Знает он, ещё с детства знает,
что в мире белых он вечный беглец.
От белых беглец.

Задумывается. Джим Макэлпин приоткрывает дверь и останавливается в нерешительности и удивлении.

Пегги: (с улыбкой) Какой ошеломлённый вид!

Джим: Что за маскарад, Пегги?

Пегги: (оглядывая свой комбинезон) Теперь я фабричная работница... Нужно ведь жить на что-то...

Джим: (притворно) Да-да! На прежнем месте вы неважно работали. Чак говорил мне...

Пегги: (с возмущением) Что за вздор?! Причина другая... Да проходите же...

Джим снимает пальто. Возвращается Джоан.

<i>Пегги:</i>	<i>Джоан:</i>	<i>Джим:</i>
У вас такой прелестный малыш и даже не проснулся!	Наконец-то вернулась. Вы, настоящий друг для нас, спасибо вам большое!	Значит, Пегги дружна с негритянскими женщинами...

Пегги передаёт Джоан ребёнка, провожает её до двери, возвращается.

Пегги: Спасибо за ботинки, Джим!

Джим: Так вы догадались!? (после некоторого молчания) ... Нам бы дружить с детства...

Пегги: Вы бы меня не одобряли.

Джим: Почему же?

Пегги: Многим и тогда не нравилась моя дружба с неграми.

Джим: (не может скрыть удивления) Но каким образом? Там, где вы жили, было много негров?

Пегги: Нет... одна семья... Джонсоны...

Во время рассказа Пегги, Джим берёт лист бумаги, карандаш и рисует её.

У них было пятеро детей, их мать у нас служила. Вот так и вышло: детство моё прошло бок о бок с ними. Ведь я одиноко в своей семье росла — без мамы, отец вечно занят. И дети эти стали мне, как сёстры мои и братья... Отец с годами стал другим: всё деньги, деньги, бизнес! Уволены Джонсоны, а мне нельзя даже видиться с ними... Тогда я из дома навсегда ушла — и стало на сердце свободно так! Порой мне трудно, но никогда пути моего я не брошу...

- Джим:* (задумчиво) Кажется, я понимаю... верность детству... Джонсоны... (оживлённо) Портрет ваш готов!
- Пегги:* Покажите! (рассматривает рисунок)... Похоже... очень...
- Джим:* (подписывает рисунок, шутливо) «Пегги — работница».
- Пегги:* Мы его сюда повесим!
- Джим:* Отлично!

Прикрепляет рисунок к стене. Неожиданный удар с улицы — оконное стекло разбито.

(с тревогой) Что это!? Мне так тревожно за вас!

- Пегги:* (спокойно) Ну что вы, Джим... Мальчишки играли в снежки... Неловкий бросок, должно быть...
- Джим:* Хорошо, если так... Но эта враждебность, эти увольнения...
- Пегги:* (очень решительно, убеждённо) Оставим это! Терпеть не могу, когда меня держат за рукав!

Картина IV

Гостиная Карверов: небольшой светский приём. Среди гостей — Джим. Здесь же и хозяйева — Карвер, Кэтрин.

Профессор: (к одному из гостей, как бы продолжая разговор) ... меня отнюдь не тревожит то, что вы называете гнётом католического пуританизма...

Бизнесмен: Экономическое и эстетическое варварство, стремящееся приблизить наш конец...

<i>Философическая дама:</i>	<i>Политик:</i>
...жизнь, жизнь — бесконечная	(у столика с закусками)
цепь губительных утрат и	Отличный сельдерей,
бренность, и бренность всего,	начинённый сыром,
что нам дорого...	отличный, отличный
	сельдерей!

Эстетическая девица: Отчего это мне совершенно не хочется слушать симфоний? А лишь квартеты, да, да, одни квартеты...

Джим: Пегги! С ней все так трудно, путанно и трудно!

Профессор: ...пренебрегаем и другими важными вещами...

Бизнесмен: Энергетический кризис, цены на топливо...

Кэтрин: *Философическая дама:* *Политик:*

Это наши друзья — умные, влиятельные люди!
Раньше мне с ними скучно было, хоть плачь, но знать, что это нужно вам, о, это меняет дело!

Любовь, любовь — неземное состояние, в котором пребывают истинно христианские натуры!

Отличный сельдерей, отличный сельдерей, начинённый сыром!

(отходит от Джима)

Эстетическая девица: (очередному из гостей)
Отчего это мне совершенно не хочется слушать симфоний? А лишь квартеты, да, да, одни квартеты...

Джим: (в раздумье)
Кэтрин была бы мне идеальной женою!
Но Пегги?

К Джиму подходит Карвер.

Карвер: (указывая на Политика) Вы знаете кто это? Подойдём к нему — он вам может пригодиться! (Подходят к Политику)

Политик: (Карверу) Отличный сельдерей, начинённый сыром!

Карвер: (почтительно) Я тут рассказывал Джиму о вашей речи...

Политик: (жуёт, невнятно) ... они полагают... глупый самообман...

Джим: (в сторону, пораженный внезапной мыслью) Глупый самообман, глупый самообман! Объяснись я с Пегги, и может быть, может быть...

Карвер: (недовольно) Вы что-то сказали, Джим?

Джим: Это... была... сильная речь!

Политик одобрительно мычит.

Карвер: (поучительно) Сила и твердость, твердость и сила — вот аргументы!

Политик доволен.

Кэтрин:

(Джиму)

Старайтесь понравиться всем, не будьте прямодушны, откровенны...

Вы ведь знаете, я какая? Если человек мне симпатичен, хочется всё в нём подправить! (отходит)

Бизнесмен:

...непостижимые пути валютных неурядиц...

Философическая дама:

Брак, брак — социальный институт, в котором отразились общественные интересы...

Эстетическая девица:

Совершенно не хочется слушать симфоний! А лишь квартеты, да, да, одни квартеты...

Джим:

Конечно же, я стараюсь...

Эти замашки Кэтрин вызывают неприязнь к ней. А сам я? Не то ли самое пытаюсь делать с Пегги?

Джим: (заметив Профессора) Здесь профессор Филдинг! Пегги наверняка училась у него! Филдинг, Филдинг, старина!

Профессор: Рад вас видеть, Джим!

Джим: На-днях мы вас вспоминали: встретил приятеля, а с ним ваша бывшая студентка. (Притворяется, будто вспоминает) Кажется, Сандерсон?!

Профессор: Какая с виду?

Джим: (невольно восторженно) Похожа на девочку, цветами усышающую путь перед новобрачными...

Профессор: Гм! (вспомнив) Ах, да! Обыкновенная студентка!
(Расходятся)

Бизнесмен: ...объединения концернов, трестов, синдикатов...

Философическая дама: ...смерть, смерть —
неизбежный конец, который завершает наши земные тяготы и страдания...

Эстетическая девица: (обращается к Джиму с удивлением) Вы спрашивали о Пегги Сандерсон? Вы с ней знакомы?

Джим: (девице, поспешно) Нет-нет! Нет-нет! Не Пегги Сандерсон, а Бетти Сингелтон, да, Бетти Сингелтон! (Отходит в сторону)

Слуга Карверов выносит картину в тяжелой раме.

Карвер: (показывая на картину) Наша новая покупка!

Кэтрин: (с гордостью) Настоящий Ренуар!

Джим: (в стороне от гостей, которые толпятся перед картиной) Как мне стыдно! Я отрекся от Пегги и словно растоптал в душе что-то хорошее!

Эстетическая девица: Как удачно подходит цвет этой картины к тональности стен!

Политик: Отличный Ренуар, а какие краски, отличный, отличный Ренуар!

И я хочу одного:
быть с нею вместе,
всегда вместе!

Меняется освещение и лица всех персонажей, за исключением Джима, вдруг предстают фантастическими уродливыми масками.

- Эстетическая девица:* А порой вдруг случится: нисколько не хочется слушать квартеты... А лишь концерты, концерты!. Отчего это мне совершенно не хочется слушать симфоний? А лишь квартеты, да, да, одни квартеты...
- Философическая дама:* Честь, честь — вот единственный оплот, который помогает в море житейских бурь и искушений... Жизнь, жизнь — бесконечная цепь губительных утрат и бренность, и бренность всего, что нам дорого...
- Кэтрин:* Меня тревожит Джим — мне кажется, что я его не знаю... Раньше я так не думала, я знала, что с ним во многом мы едины, во всём к одному стремимся...
- Политик:* Сила и твердость! Твердость и сила!. Мы им покажем!. Отличный Ренуар, а какие краски, отличный, отличный Ренуар!
- Профессор:* На нас ложится миссия белого человека! ...Пренебрегаем и другими важными вещами... Меня отнюдь не тревожит то, что вы называете гнётом католического пуританизма...
- Карвер:* Один мой сотрудник толстоват, и я рекомендовал ему диету, а чтобы он не увиливал, приказал его ежедневно взвешивать! Ха-ха! Ха-ха!
- Бизнесмен:* Определенные круги способствуют упадку в сфере производства!. Экономическое и эстетическое варварство, стремящееся приблизить наш конец... Энергетический кризис, цены на топливо...
- Эстетическая девица:* Как удачно подходит цвет этой картины к тональности стен!
- Бизнесмен:* Непостижимые пути валютных неурядиц... Объединения концернов, трестов, синдикатов...

Вместе

Джим: Пегги! Ведь я люблю вас, Пегги!

Восстанавливается обычное освещение.

<i>Кэтрин:</i> (Джиму со значением) «Как хорошо всё», верно, Джим? О, я вам хороший, верный друг!	<i>Джим:</i> (сухо) Я высоко ценю вашу дружбу! До свиданья! (Уходит)
---	---

Гости толпятся у двери, прощаются.

<i>Эстетическая девица:</i>	Восхитительный вечер!	} Вместе
<i>Философическая дама:</i>	Пора, пора!	
<i>Политик:</i>	Отличный, отличный вечерок!	
<i>Профессор:</i>	Но мне желательно узнать...	
<i>Бизнесмен:</i>	Мы созвонимся и обсудим...	

Гости расходятся.

Кэтрин: Его кто-то уводит, уводит от меня!

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Картина V

Комната Пегги. Джим один.

Джим: Я договорился с Пегги, что в часы её работы могу заниматься здесь. Не очень-то приятно в этой дыре. Но я стремлюсь проникнуть к Пегги в сердце, и тогда её жизнь вольётся в русло моей жизни... (Достаёт и развешивает несколько эстампов) Вот и эти эстампы Матисса — пусть увлекут её туда, где просто и светло, подальше от проблем негритянских кварталов!...Потом я повезу Пегги знакомиться с моим отцом в наш старый дом. «Славная девушка! Отчего бы вам не пожениться?» И первая ночь, когда мы вместе... Как невероятно, удивительно, что рядом — она! И я касаюсь груди, её шеи, затылка... И запрокинув голову, закрыв глаза, она поворачивается ко мне с полураскрытыми губами!

Стук в дверь. Джим открывает. На пороге Вольгаст, приземистый, пожилой, лысый мужчина, владелец ресторана и бара, где собираются Чак Фоли, Мэлон и т. п., и где бывал Джим. Оба удивлены встрече.

Джим: Вольгаст?

Вольгаст: Мистер Макэлпин? А Пегги?

Джим: (смутившись) Я тоже её жду...

Вольгаст заходит в комнату.

Вольгаст: Странные мыслишки залетают иной раз в голову... Вот почему-то мне вспомнилось детство, и хозяйская лошадь, я так любил её, белую лошадь... Хозяин продал лошадь на живодерню. Хозяину совсем наплевать, что мальчик плачет, зато это повод папаше, чтоб выпороть мальчика кнутом, выпороть кнутом, выпороть кнутом!...И пусто так на душе... Пред смертью папаша подозвал меня и так сказал:

«Плохо получилось тогда, сынок, с лошадьё. По-старайся завести свою собственную лошадь, белую лошадь!» И вот впервые в жизни я прочно стою на ногах. У меня мой кабачок — моя «белая лошадь», и я не позволю, чтоб кто-то мне эту музыку испортил, музыку испортил, музыку испортил!... Кстати, ваша подружка...

Джим: Пегги?

Вольгаст: ...привела ко мне черномазого...

Джим: И что же?

Вольгаст: (очень напряженно, поначалу сдерживаясь, потом исступленно) Да тó: в другой раз я разобью бутылку и этим зазубренным концом порежу ей лицо, порежу ей лицо, порежу ей лицо!! (яростным шепотом) Пусть забудет дорогу в мой кабачок!!!

Уходит, хлопнув дверью.

Джим: Новая опасность! Как убедить её, что добрыми порывами не разрушить каменных преград...

Входит Пегги, замечает эстампы.

Пегги: Как красиво! Я так люблю Матисса — спасибо Джим! Должно быть, вы кучу денег истратили...

Джим: (хмуро) Вольгаст к вам приходил, он...

Пегги: (решительно прервав Джима) Я с ним сейчас поговорила...

Джим: (неуверенно) Вы ведь не послушаете меня?

Пегги: (твёрдо) Нет, Джим, этот вопрос для меня давно решён! (мягко, с теплотой) Лучше я расскажу вам о фабрике... Мои новые подруги... У каждой из них есть заветная мечта. Вот Иветт: совсем еще девочка, мечтает об учебе... Или Элен: больна туберкулёзом, хотела бы пожить у теплого моря... Или Мари... или Бетси... Теперь я знаю: у многих работниц, хоть и белых, жизнь тоже несладкая, как и у негров...

Джим: Пегги, почему бы вам не дружить с девушкой вашего круга?

Пегги: (насмешливо) Может, с дочкой Карвера?

Джим: (беззлобно) А вы — язва!

Пегги: Или с этой — (передразнивает) — «квартеты — симфонии»?

Джим: (оправдываясь) Достойная особа!

Пегги: (с иронией) В самом деле?

Пегги не выдерживает — фыркает. Смеется и Джим.

Долго не могут успокоиться.

Джим: (сквозь смех) Ну что за ребячество!

Смеются.

Я не могу без вас, Пегги!

Пытается её поцеловать, но Пегги мягко отстраняется.

Пегги: Не надо, Джим! (шутливо)...И вообще пора освободить квартиру...

Дружески выпроваживает Джима.

Джим: (в дверях) Где вы будете вечером?

Пегги: В кафе, сегодня поёт Джоан.

Джим: (торжественно) Я разыщу вас и скажу что-то очень, очень важное!

Уходит.

Интерлюдия

Картина VI

Негритянское кафе, вечер. В глубине сцены — небольшая эстрада, на которой выступает Джоан в сопровождении ансамбля. С одной стороны сцены — вход в кафе, с противоположной — стойка бара. У стойки — Чак Фоли. За одним из дальних столиков, у эстрады — Пегги. Она в белой блузке, темной юбке, одна. У стойки, за другими столиками — немногочисленные посетители кафе: негры, мулаты, белые.

Песенка Джоан:*

Джоан заканчивает номер. Посетители приветствуют её аплодисментами, свистом. Оркестранты на эстраде на время замолкают. Появляется Джим, останавливается у входа, взглядом ищет Пегги среди посетителей, потом направляется к ней, но его замечает Чак.

Чак: Джим! Здорово, старина!

Джим: (с плохо скрываемой досадой) Привет, Чак!

Здороваются. Чак отводит Джима к стойке бара.

Чак: С успехом! (Пьют) О твоих статьях много разговоров и споров! Что ж, корни пущены, что ж, корни пущены... (более интимно) Ну, а как с Кэтрин?

Джим: (раздражённо) Ну при чём же здесь Кэтрин, ну при чём же здесь Кэтрин!?

Чак: (недоверчиво) Ты это зря! (с убеждённостью) Причина именно в ней, причина именно в ней!

Джим только рукой машет. Ансамбль начинает новый номер. Некоторые из посетителей танцуют. В кафе вваливается компания подвыпивших белых. Среди них — Мэлон, Вольгаст. Они останавливаются у входа и бесцеремонно разглядывают посетителей. Мэлон замечает Пегги.

* Текст песенки выполняется для конкретной постановки с учетом актуальной тематики (расовой, антивоенной, экологической и т. п.).

Мэлон: (приятелям) Здесь птичка!

Вольгаст: (возбуждённо) Проучим её, ребята!

Мэлон направляется к столику Пегги, развязно подсаживается к ней, что-то нашёптывает. Остальные из этой компании расходятся в разные точки зала.

Джим: Как заколотилось сердце!

Мэлон кладёт руку на плечо Пегги, она сбрасывает её, отодвигается. На них начинают обращать внимание. Джим решительно направляется в их сторону, но Чак останавливает его и возвращает к стойке бара.

Чак: Стой! Куда ты? Не делай из себя посмешища!

Негр-официант:

Мэлон:

(Мелону, вежливо)

Прошу вас, мистер, не
нарушать приличий!

(подчёркнуто нагло)

Пошёл, черномазый, к чёрту!

Мэлон демонстративно придвигается к Пегги. Официант трогает его за плечо, Мэлон вскакивает и бьёт официанта.

Мэлон: Напросился!?! Вот тебе!!!

Все вскакивают с мест. Танцующие останавливаются. Музыканты прерывают импровизацию. Один из оркестрантов быстро подходит к Мэлону, отгаскивает его в сторону и бьёт — тот валится с ног. Джим пытается пробиться к Пегги, но ему мешают столпившиеся посетители, а Чак хватает его и удерживает силой.

Джим: Пегги!

Чак: Спокойно, Джим, спокойно!

Органист: (ввязавшемуся в драку оркестранту) Луис! С ума сошёл!? Нас же первых отсюда выгонят!!

Начинает играть. Другие музыканты постепенно к нему присоединяются. Этот музыкальный фон длится до конца картины.

Пожилый негр: Пегги! Иди к нам, девочка!

Первый белый : Да не суйся ты, черномазая свинья!
(из компании Мэлона)

Плюёт в негра, тот отвечает ударом. Драка разрастается. Пегги стоит растерянная и испуганная.

Второй белый: Белых бьют, а нам смотреть!?

Бьёт ближайшего негра.

Джим: (тщётно пытаясь вырваться из рук Чака) Пегги! Пегги! Сюда!

Чак: Ты что!? Озверел? Тут и до мокрого дела недолго!

Негр-официант раскинул руки, закрывая Пегги от дерущихся.

Вольгаст: (нарочито истерично) Негр лапает потаскушку!

Женский голос: Полиция едет!

Голоса посетителей: Прекратите! Хватит! Полиция! Полиция едет! Ну будет, будет! и т. п.

Потасовка утихает. Пегги стоит в центре, вцепившись в плечи скрещенными руками.

Мэлон: Вот из-за этой маленькой сучки всё началось!!

Первый белый: Да-да! Смотрите на неё, смотрите! Ах ты, дрянь паршивая, ах дрянь!!

Вольгаст: Это же смутьянка, первостатейная смутьянка!!

Второй белый: Верно, гнать её отсюда!!

Мэлон: Пошла вон, шлюха!

Джим: (Чаку) Пусти, пусти!!

Голоса белых: (из компании Мэлона) Сука! Гнать её! Потаскуха поганая! Проучить её! Пошла вон отсюда! и т. п.

Пегги наклоняется за пальто, выпрямляется, идёт, потом бежит. Свист, улюлюканье, выкрики белых. В неё чем-то бросают. Пегги выбегает из зала.

Джим: (Чаку, с бессильной ненавистью) Чтоб ты сдох!

Чак: (отпуская Джима) Тебя же удержал от скандала!

Джим бежит к выходу, расталкивая толпу.

Джим: Пегги, Пегги!

Интерлюдия

Картина VII

Комната Пегги. Пегги и Джим вдвоём. Джим взволнованно ходит из угла в угол. Пегги сидит с безучастным видом.

Пегги: У вас в ботинках вода...

Джим: Бежал, ничего не разбирая!

Пегги: Так поставьте их к батарее...

Джим: Это мысль! (Снимает ботинки и ставит их к батарее)
А вы как добрались?

Пегги: На такси... у самых дверей такси... только вышла и сразу такси... (Не выдерживает, бросается лицом на подушку, плачет).

Джим: Ну полно, Пегги! Успокойтесь же, наконец!

Пегги: (спокойнее, но со слезами) Это все Мэлон, Мэлон виноват во всём! Ах, нет, нет, нет! Всё это я натворила! Это всё из-за меня!

Джим: (мягко) Тут дело в обстоятельствах и ни в чём другом.

Пегги: Вы так хорошо со мной говорите, Джим!

Джим: Я люблю вас, Пегги!

Пегги: И напрасно!

Джим: Я люблю вас, сердцу не прикажешь...

Пегги: Я слышала ваш голос там.

Джим: А мне казалось — не слышите.

Пегги: Эти ужасные лица... Будто не люди — демоны из дурного сна... Откуда эта ярость? Взбесились, точно одержимые... И только ваш голос... Человеческий голос...

Джим: В нашей жизни наступил перелом. Я люблю вас, Пегги, я люблю тебя, Пегги, и никогда не расстанусь с тобой!

Пегги: В нашей жизни наступил перелом. Ты мне дорог, Джим, ты меня понимаешь и в трудный час не оставил одну!

Джим: Мы уедем в город другой, подальше отсюда, ты забудешь своё бунтарство, оставишь свои заблуждения, и начнётся новая, правильная жизнь!...Я останусь?

Пегги: Если хочешь...

Джим: О Пегги, Пеги, Пегги!

Поцелуй.

Пегги: Мои заблуждения... моё бунтарство... новая правильная жизнь... (Снимает со стены рисунок Джима, задумчиво его рассматривает). ... «Пегги-работница»... Неужели это ошибка — сочувствие неграм, уход из дома и эта вот фабрика... «Пегги-работница»... Неужели это нелепость — оставаться собою, жить, как сердце велит!? (выпускает листок из руки).

Пегги готовит кофе. Джим один в стороне. В его настроении происходит перемена.

Джим: Не верится, что я и впрямь её избранник! Она одинока — и мне отдаёт теперь любовь! А если б кто-то другой первым пришёл сюда? Но нет, нет, нет! Я просто голову теряю! А как же работа у Карвера, как же моя карьера?! (с раздражением) Какая кошмарная ночь и эта комната!

Пегги приносит кофе.

Джим: (отчуждённо) Может, тебе... вам просто одиноко?

Пегги: (удивлённо) Что такое, Джим?

Джим: Ничего. То есть... вы уверены, что любите именно меня?!

Пегги: (искренне) Я в себе не сомневаюсь, Джим!

Джим: Этого мне и хочется, этого мне и хочется! Вы ведь понимаете? Я поступил бы непорядочно...

Пегги внимательно смотрит на Джима. Она понимает его неуверенность, слабость, неискренность.

Пегги: Понимаю...

Джим: (с облегчением) Ботинки просохли... (одевает ботинки). Мы увидимся завтра?

Пегги: (устало) Ладно, Джим!

Джим уходит, Пегги остаётся одна.

Гаснет свет. Траурная интерлюдия. В её окончание врывается вой полицейской сирены.

Картина VIII

Сцена разделена на три части. Центральная часть представляет кабинет полицейского следователя (инспектор Бушар); правая — погребок (Джим за столиком); левая — угол гостиной в доме Карверов (Кэтрин с отцом). Переключения действия осуществляются с помощью света.

Освещена центральная часть. Обстановка полицейского участка. За столом инспектор Бушар. Раздаётся телефонный звонок.

Бушар: (сняв трубку) Инспектор Бушар... Да, господин комиссар!... Да... да... из серьёзных одно: (смотрит в бумагу) около трёх часов ночи в своей комнате изнасилована и задушена некто Пегги Сандерсон, фабричная работница... Улики? Рисунок с характерной надписью... передали в газеты... (кладёт трубку).

Освещается правая часть сцены. За столиком в каком-то погребке сидит Джим, пьяный, в лихорадочном состоянии.

Джим: О боже... Пегги... боже мой... Нет, нет! Они её сцапали... они её сцапали... Почему я не остался с ней?... Пегги, милая, где ты?

Освещается левая часть сцены. Гостиная Карверов. Кэтрин и Карвер, просматривающий газету.

Кэтрин: (в стороне) Джим не звонит и не приходит! Как уни-
зительна эта неопределённость!

Карвер: Вот, почитай! (хлопает по газетному листу и пере-
даёт его Кэтрин) Нет-нет, Кэтрин, всё дело в системе
воспитания! Окончить колледж и вести такой сомни-
тельный образ жизни! Негры, бегство из дому! И за-
меть: не на улице где-нибудь случилось, а в квартире!
Значит, преступник из числа друзей. Держу пари, что
это черномазый!

Внимание Кэтрин привлекает опубликованный в газете ри-
сунок Джима. Она торопливо подходит к столу, достаёт лист
бумаги с её изображением и подписью — этот рисунок в своё
время также был сделан Джимом — сравнивает. Недолгая ду-
шевная борьба сменяется решимостью. Всё это происходит во
время монолога Карвера.

Кэтрин: Нет, отец! Вот сравни... (передаёт отцу газету и рису-
нок Джима)

Карвер: Что такое?

Кэтрин: Это Джим Макэлпин мне нарисовал, а это из газеты...

Карвер: Боже милостивый! Не хочешь же ты сказать... (срав-
нивает)...Сомнений нет! Одна рука! Это улика!

Кэтрин: Да!

Карвер: Утаивать её нельзя...

Кэтрин: Да!

Карвер: Но как же твоя судьба?

Кэтрин: А что будет с газетой?

Карвер: Мы не какие-то там второстепенные людишки!

Кэтрин: Мы — Карверы!

Карвер подходит к телефону и набирает номер. Освещается
центральная часть сцены (кабинет Бушара). На его столе зво-
нит телефон.

Бушар: (сняв трубку) Полиция слушает...

Интерлюдия

Освещается вся сцена. Убираются (поднимаются) перегородки, а также оба боковых интерьера. Действие, таким образом, оказывается сведённым в кабинет полицейского инспектора. (Сценическое решение может быть дополнено изображением ареста Джима в погребке и препровождением его в кабинет следователя). Здесь оказываются Кэтрин и Карвер, Джим, инспектор Бушар.

Кэтрин:
Джим, во мне
нашёл ты всё, о
чём мог мечтать,
и ты понимал
это! Предпочёл
другую и кого! А
я-то ждала твоего
предложения,
мечтала: вместе
будем строить
жизнь, во всём
к одному
стремиться! Он
пролез в газету
отца, используя
меня! Какой позор,
какое унижение!

Джим:
Господи! Я этого
не приму! Где же
ты был?! Как мог
такое допустить!
Мы расстались
с любовью,
мы расстались
с любовью!
Ты знаешь, я
уважал её, хотел
чтоб всё было
по-хорошему!
Где же ты был?!
Где же ты был,
Господи!?

Карвер:
Скандал отразится
на газете! Вот тебе
и либеральные
идеи, старый
дуралей! Великое
дело принципы,
великое дело
принципы!
Каждый должен
знать своё место:
цветной и белый,
студент и рабочий!
А что сейчас? Нет
ни к ком почтения
к порядкам!

Бушар: (по телефону) Итак, он вернулся в отель... в котором часу?... Без шляпы и пальто, поэтому вы отчётливо запомнили... так... Спасибо! (кладёт трубку). Это существенно меняет ход дела... (обращается к Джиму) Портье из отеля свидетельствует ваше алиби, мистер Макэлпин! Вы свободны! Скажите только, кто это мог совершить? Вольгаст? Мэлон? Впрочем, одних подозрений мало!

Джим: Мистер Карвер, Кэтрин!

Протягивает Карверу руку, ища сочувствия, но Карвер ему руки не подаёт.

Карвер: (Джиму, холодно) Надеюсь, вы понимаете: ваша работа в моей газете больше немыслима!

Карвер и Кэтрин уходят, но Джим догоняет и задерживает Кэтрин.

Джим: Кэтрин! Нам нужно объясниться!

Кэтрин: (с негодованием) Что!?

Кэтрин даёт пощёчину Джиму и уходит вместе с отцом. Джим окончательно потрясён. Бушар с интересом наблюдает за происходящим.

Бушар: (в стороне) Ах, эта интеллигенция! Чего только не увидишь!

Джим: (совершенно подавленный) Она меня ударила! За что она меня ударила?

В изнеможении опускается на стул, закрыв лицо руками.

Бушар: Да вы не расстраивайтесь! То ли ещё бывает! (настроившись пофилософствовать) Знаете, даже симптоматично, что в этом деле нет улик. В известной степени девушку убило общество. Да, её убило общество!

Очень довольный собой, Бушар захлопывает и прячет в стол папку с бумагами по этому делу.

Затемнение.

Картина IX

Постлюдия

Действие нереальное: это материализация большого воображения Джима... Из сумрака вырисовывается группа людей — все действующие лица предыдущих картин, за исключением Пегги и Джима. Движения людей замедленные — как в замедленном кино. Они вознесли над собой громадную фигуру Белой Лошади — символ собственнических эгоистических устремлений каждого из них.

Хоровой ансамбль: Мы славу тебе поём, Белая Лошадь! }
 Мы славу поём тебе, Белая Лошадь! } 2 раза
 Мы славу поём тебе, Белая Лошадь! }

Джим: (в стороне от толпы). Каждый из нас поклоняется Белой Лошади! И только Пегги... она искала в жизни совсем другое...

Хоровой ансамбль: Мы славу тебе поём, Белая Лошадь! }
 Мы славу поём тебе, Белая Лошадь! } 2 раза
 Мы славу поём тебе, Белая Лошадь! }

Голос Бушара: (из-за сцены, усиленный и искажённый мегафоном) Общество... её убило общество...

В замедленных движениях разыгрывается действие: против толпы выступает Пегги. Джим стоит в стороне от неё и толпы. Толпа надвигается, но Пегги без страха движется навстречу. Толпа её сбивает и поглощает. Джим бросается на помощь, но, поняв, что это ведёт к гибели, уклоняется в последний момент. Толпа отбрасывает его, он падает.

Хоровой ансамбль: (удаляясь) Белая Лошадь! Белая Лошадь!
 Белая Лошадь! Белая Лошадь!

Джим: (вслед) Пегги! Любимая моя!!!

Занавес. Конец оперы.

ПЕСНИ БЕЗВРЕМЬЯ

для смешанного хора без сопровождения

1. «Тяжкий крест несём мы, братья...»

Тяжкий крест несём мы, братья,
Мысль убита, рот зажат,
В глубине души проклятья,
Слёзы на сердце кипят.

Русь под гнётом, Русь болеет;
Гражданин в тоске немой,
Явно плакать он не смеет,
Сын о матери больной.

Нет в тебе добра и мира,
Царство скорби и цепей,
Царство взяток и мундира,
Царство палок и плетей.

И. Никитин

2. «Те же всё унылые картины...»

Те же всё унылые картины,
Те же всё унылые места:
Чёрный лес да белые равнины
По селеньям голь и нищета.

А кругом всё будто стоном стонет...
И вопрос тоскливый сердце жмёт:
Лес ли то со стоном сосны клонит,
Или вьюга твой мне стон несёт,
Изнемогший в вековом томленьи,
Искушённый в вековом терпеньи,
Мой родной, несчастный мой народ?

М. Михайлов

3. На старом кургане

На старом кургане, в широкой степи,
Прикованный сокол сидит на цепи.
Сидит он уж тысячу лет,
Всё нет ему воли, всё нет!

И грудь он когтями с досады терзает
И каплями кровь из груди вытекает.
Летят в синеве облака,
А степь широка, широка!

И. Никитин

4. «Смолкли честные, доблестно павшие...»

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнузданы страсти жестокие.

Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Всё живое, всё доброе косится...
Слышно только, о ночь безрассветная!

Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого,
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются...

Н. Некрасов

5. «Душно! без счастья и воли...»

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна.

Грань над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу народного горя
Всю расплещи!..

Н. Некрасов

СВЯЩЕННЫЕ ЗНАКИ

симфония-концерт для солистов
и смешанного хора без сопровождения.

Стихи Н. Рериха

1. Священные знаки

Мы не знаем. Но они знают.
Камни знают. Даже знают
деревья. И помнят.
Помнят, кто назвал горы
и реки. Кто сложил бывшие
города. Кто имя дал
незапамятным странам.
Неведомые нам слова.
Все они полны смысла.
Всё полно подвигов. Везде
герои прошли. «Знать» —
сладкое слово. «Помнить» —
страшное слово. Знать и
помнить. Помнить и знать.
Значит — верить.
Летали воздушные корабли.
Лился жидкий огонь. Сверкала
искра жизни и смерти.
Силою духа возносились
каменные глыбы. Ковался
чудесный клинок. Берегли
письмена мудрые тайны.
И вновь явно всё. Всё ново.
Сказка-предание сделалось
жизнью. И мы опять живём.
И опять изменимся. И опять

прикоснёмся к земле.
Великое «сегодня» потускнеет
завтра. Но выступают
священные знаки. Тогда,
когда нужно. Их не заметят.
Кто знает? Но они жизнь
построят. Где же
священные знаки?

2. Вспомнится (Утром)

Не знаю и не могу.
Когда я хочу, думаю, —
кто-то хочет сильнее?
Когда я узнаю, —
не знает ли кто ещё твёрже?
Когда я могу, — не может ли
кто и лучше, и глубже?
И вот я не знаю и не могу.
Ты, в тишине приходящий,
безмолвно скажи, что я в жизни
хотел и что достигнуто мною?
Возложи на меня свою руку, —
буду я снова и мочь и желать,
и желанное ночью вспомнится
утром.

3. Привратник

Привратник, скажи, почему
эту дверь затворяешь? Что
неотступно хранишь?» — «Храню
тайну покоя». — «Но пуст ведь
покой. Достоверные люди
сказали: там нет ничего». —

«Тайну покоя я знаю. Её
охранять я поставлен». —
«Но пуст твой покой». —
«Для тебя он пуст», — ответил
привратник.

4. В танце

Бойтесь, когда спокойное придёт
в движенье. Когда посеянные ветры
обратятся в бурю. Когда речь людей
наполнится бессмысленными словами.
Страшитесь, когда в земле кладами
захоронят люди свои богатства.
Бойтесь, когда люди сочтут
сохранными сокровища только
на теле своем. Бойтесь, когда возле
соберутся толпы. Когда забудут
о знании. И с радостью разрушат
узнанное раньше. И легко исполнят
угрозы. Когда не на чем будет
записать знание ваше. Когда листы
писаний станут непрочными,
а слова злыми. Ах, соседи мои!
Вы устроились плохо. Вы всё
отменили. Никакой тайны дальше
настоящего! И с суюмою несчастья
вы пошли скитаться и завоёвывать
мир. Ваше безумие назвало самую
безобразную женщину: желанная!
Маленькие танцующие хитрецы!
Вы готовы утопить себя
в танце.

5. Капли

Твоя благодать наполняет
руки мои. В избытке льётся
она сквозь мои пальцы. Не удержать
мне всего. Не успеваю различать
сияющие струи богатства. Твоя
благая волна через руки льётся
на землю. Не вижу, кто подберёт
драгоценную влагу? Мелкие брызги
на кого упадут? Домой не успею
дойти. Изо всей благодати в руках
крепко сжатых я донесу только
капли.

6. Веселися!

За моим окном опять светит
солнце. В радугу оделись все
былинки. По стенам развеваются
блестящие знамёна света. От радости
трепещет бодрый воздух. Отчего
ты не спокоен, дух мой? Устрашился
тем — чего не знаешь. Для тебя
закрылось солнце тьмою. И поникли
танцы радостных былинки.
Но вчера ты знал, мой дух,
так мало. Так же точно велико
твоё незнание. Но от вьюги было
всё так бедно, что себя ты
почитал богатым. Но ведь солнце
вышло для тебя сегодня. Для тебя
знамёна света развернулись.
Принесли тебе былинки радость.
Ты богат, мой дух. К тебе
приходит знание. Знамя света
над тобою блещет!
Веселися!

1976

ПЕРЕВОЗЧИК

поэма для меццо-сопрано и фортепиано.

Стихи А. Твардовского

Перевозчик-водогрѣбщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

Из песни

— Ты откуда эту песню,
Мать, на старость запасла?
— Не откуда — всё оттуда,
Где у матери росла.

Всё из той своей родимой
Приднепровской стороны,
Из далёкой-предалёкой,
Деревенской старины.

Там считалось, что прощалась
Навек с матерью родной,
Если замуж выходила
Девка на берег другой.

Перевозчик-водогрѣбщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

Давней молодости слёзы.
Не до тех девичьих слѣз,
Как иные перевозки
В жизни видеть привелось.

Как с земли родного края
Вдаль спровадила пора.

Там текла река другая —
Шире нашего Днепра.

В том краю леса темнее,
Зимы дольше и лютей,
Даже снег визжал сильнее
Под полозьями саней.

Но была, пускай не пета,
Песня в памяти жива.
Были эти на край света
Завезённые слова.

Перевозчик-водогрёбщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

Отжитое — пережито,
А с кого какой же спрос?
Да уже неподалёку
И последний перевоз.

Перевозчик-водогрёбщик,
Старичок седой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

ВЕНОК ПОЛЕВЫХ ЦВЕТОВ

цикл песен для детского хора и фортепиано.

Стихи Е. Серовой

1. Подснежник

Выглянул подснежник
В полутьме лесной —
Маленький разведчик,
Посланный весной.

Пусть ещё над лесом
Властвуют снега,
Пусть лежат под снегом
Сонные луга,

Пусть на спящей речке
Неподвижен лёд, —
Раз пришёл разведчик,
И весна придёт.

2. Ландыш

Родился ландыш в майский день,
И лес его хранит.
Мне кажется —
его задень,
Он тихо зазвенит.

И этот звон услышит луг,
И птицы, и цветы...
Давай послушаем.
А вдруг
Услышим — я и ты?

6. Мышиный горошек

Спросили мышек,
Весёлых крошек:
— Скажите, мышки,
Тут чей горошек?

Сказали мышки:
— Тут наш горошек,
Такой кудрявый,
Такой хороший!

Пусть он невкусный,
Пусть он несладкий,
Но в нём мышата
Играют в прятки.

7. Василёк

Как чиста в деревне рожь —
Василёк едва найдёшь.
Всем бы ты, цветок, хорош,
Да зачем ты портишь рожь?
Приходи-ка лучше в сад,
Вот обрадуешь ребят!

8. Кувшинка

Лежит кувшинка на листке,
Как на плоту упругом.
И поплыла бы по реке
К приветливым подругам,
Да вот беда — привязан плот,
Он никуда не поплывёт.

9. Ромашка

Нарядные платица,
Жёлтые брошки,
Ни пятнышка нет
На красивой одежке.

Такие весёлые
Эти ромашки —
Вот-вот заиграют,
Как дети, в пятнашки.

10. Колокольчик

Колокольчик голубой
Поклонился нам с тобой.
Колокольчики-цветы
Очень вежливы.
А ты?

11. Дикая гвоздика

Погляди-ка,
погляди-ка,
Что за красный огонёк?
Это дикая гвоздика
Новый празднует денёк.

А когда настанет вечер,
Лепестки свернёт цветок:
— До утра! До новой встречи! —
И погасит огонёк.

12. Чертополох

На полянке у тропы
Он стоит открыто.
Крепкий стебель да шипы —
Вот его защита.

Если схватят молодца,
Будет драться до конца!

1977

ШЕСТЬ ДЕТСКИХ ПЕСЕН

для сопрано и фортепиано.

Стихи Г. Ладонщикова (1); Ю. Тувима
в пер. с польского Д. Самойлова (2); Р. Скучайте
в пер. с литовского Э. Александровой (3); Ф. Грубина
в пер. с чешского А. Эппеля (4); Л. Дворжака
в пер. с чешского Ю. Вронского (5); В. Незвала
в пер. с чешского И. Токмаковой (6)

1. Поутру

Я беру поутру
Полотенце на́ руку
И бегом босиком
Умываться на́ реку.

В ней вода холодна,
У обрыва омут.
Окунись, оботрусь —
И скорее к дому!

А потом босиком
Перепрыгну ловко
В огород, где растёт
Сладкая морковка.

2. Черешни

Рвал я сегодня черешни,
Красные рвал я черешни.
Сад был рассветный, росистый,
Щебетный, солнечный, вешний.

Веточки, как облитые
Ягодой полновесной,

Свешивались над водою
Голубовато-небесной.

Свешивались над водою,
Мысленно в пруд погружались,
Солнца дрожащие блики
В мокрой траве отражались.

3. Земляничка

От яркого солнца на кочке
Проснулась я летом в жару.
Была я лишь белым цветочком,
Но он облетел на ветру.

Я прячусь в траве по привычке,
Чтоб дети найти не могли.
Я стала теперь земляничкой,
Душистою каплей земли.

4. Ласточки

Ласточки, ласточки,
Как вы поживаете?
Целый день вы, ласточки,
Небо вышиваете
И мелькаете проворно
Нитью синей, нитью чёрной.

Солнышко укроется
За луга в росе,
Вышивка откроется
Нам во всей красе:
Замерцают среди звёзд
В бархатном зените
Золотые нити,
Серебряные нити.

5. Художники

Я домик рисую на жёлтом песке,
А солнышко рядом каштаны рисует.
Маленький прутик держу я в руке,
А солнышко держит кисть золотую.

Стволы у каштанов растут и растут,
Песка не хватило — ложатся на травы.
А кроны, недавно темневшие тут,
Трепещут на глади задумчивой Влтавы.

Какие у солнышка длинные кисти,
Когда наступает закат золотистый!

6. Скоро осень

Осень ты, осень,
Скучные дожди.
Не спеши к нам, осень,
Недельку обожди!

Погоди немножко
Там, за тёмным лесом,
Мы ведь не успели
Попрощаться с летом.

Солнце золотое
Пусть ещё погрееет,
К будущему лету
Все мы постареем...

Хоть не постареем —
На год старше станем.
Время пронесётся,
Точно птичья стая.

Осень ты, осень,
Скучные дожди...
Не спеши к нам, осень,
Немножко обожди!

1978

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

для баса и фортепиано.

Совместные стихи А.С. Пушкина

и Н.М. Языкова

1. Мстительность

Пчела ужалила медведя в лоб,
Она за соты мстить обидчику желала!
Но что же? Умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет мести? — Гроб.

2. Справедливость пословицы

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажгли другую, — что ж? изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

3. Общая судьба

Во ржи был василёк прекрасный,
Он взрос весной, летом цвел
И, наконец, увял в дни осени ненастной.
Вот смертного удел!

ТРИ РОМАНСА НА СТИХИ МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА

для меццо-сопрано (баритона) и фортепиано

1. «И скучно, и грустно...»

И скучно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья! ... что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — всё лучшие годы!
Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа.
И радость, и муки, и всё там ничтожно.
Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка,
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...

2. Молитва странника

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Тёплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную,
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

3. Небо и звёзды

Чисто вечернее небо,
Ясны далёкие звёзды,
Ясны, как счастье ребенка;
О! для чего мне нельзя и подумать:
Звёзды, вы ясны, как счастье моё!

Чем ты несчастлив,
Скажут мне люди?
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звёзды и небо —
Звёзды и небо! — а я человек!..

Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив,
Только завидую звёздам прекрасным,
Только их место занять бы хотел.

«ЛЮБИЛ И Я В БЫЛЫЕ ГОДЫ»

для баса и фортепиано.
Стихи М.Ю. Лермонтова

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.

Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,

Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
Смирновой штучки, фарсы Саши
И Ишки Мятлева стихи...

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

для меццо-сопрано (баритона)
и фортепиано

1. Сентябрь

Слава тебе, поднебесный
Радостный краткий покой!
Солнечный блеск твой чудесный
С нашей играет рекой,
С рощей играет багряной,
С россыпью ягод в сених,
Словно бы праздник нагрянул
На златогривых конях!

Радуюсь громкому лаю,
Листьям, корове, грачу
И ничего не желаю,
И ничего не хочу!

И никому не известно
То, что с зимой говоря,
В бездне таится небесной
Ветер и грусть октября...

2. Дорога

Дорога, дорога,
Разлука, разлука,
Знакома до срока
Дорожная мука.

И отчее племя,
И близкие души,
И лучшее время
Всё дальше, всё глуше.

Лесная сорока
Одна мне подруга.
Дорога, дорога,
Разлука, разлука.

Устало в пыли
Я влачусь, как острожник,
Темнеет вдали,
Приуныл подорожник.

И страшно немного
Без света, без друга.
Дорога, дорога,
Разлука, разлука...

3. Наступление ночи

Когда заря смеркается и брезжит,
Как будто тонет в омутной ночи,
И в гробовом затишье побережий
Скользят её последние лучи,
Мне жаль её... Вот-вот... Ещё немножко...
И, поднимаясь в гаснущей дали,
Весь ужас ночи прямо за окошком
Как будто встанет вдруг из-под земли!

И так тревожно в час перед набегом
Кромешной тьмы без жизни и следа,
Как будто солнце красное над снегом,
Огромное, погасло навсегда...

1979

**ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА
СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА**

концертная симфония для альта,
колоратурного сопрано, баритона и ансамбля
инструментов в трех частях с Эпилогом.
Стихи А.С. Пушкина и А. Дементьева

- I. Исток**
II. Игра
III. Интрига
Эпилог: а) Интермеццо (Слово Современника)

А мне приснился сон,
что Пушкин был спасён.
Сергеем Соболевским.
Его любимый друг
с достоинством и блеском
дуэль расстроил вдруг.
Дуэль не состоялась.
Остались боль и ярость.
Да шум великосветский,
что так ему постыл..
К несчастью, Соболевский
в тот год в Европах жил.

А мне приснился сон,
что Пушкин был спасён.
Всё было очень просто:
на площади у моста
он встретил Натали.
Их экипажи встали.
Она была в вуали —
в серебряной пыли.
Он вышел поклониться,
сказать, что пусть не ждут...

Могло всё измениться
в те несколько минут...
К несчастью, Натали
была так близорука,
что, не узнав супруга,
растаяла вдали...

А мне приснился сон,
что Пушкин был спасён.
Под дуло пистолета,
не опуская глаз,
шагнул вперёд Данзас
и заслонил поэта.
И слышал только лес,
что он бормочет другу.
И опускает руку
несбывшийся Дантес...

К несчастью, пленник чести
так поступить не смел.
Остался он на месте.
И выстрел прогремел...

А мне приснился сон,
что Пушкин был спасён...

(А. Дементьев)

б) Исход (Слово Поэта)

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ Юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча;
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит;
Последний ключ, холодный ключ Забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

(А.С. Пушкин)

1980

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

три стихотворения А. Ахматовой
для сопрано и фортепиано

1. «Пора забыть верблюжий этот гам...»

Пора забыть верблюжий этот гам
И белый дом на улице Жуковской.
Пора, пора к берёзам и грибам,
К широкой осени московской.

Там всё теперь сияет, всё в росе,
И небо забирается высоко,
И помнит Рогачёвское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока...

2. «И в памяти чёрной, пошарив, найдёшь...»

И в памяти чёрной, пошарив, найдёшь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный и сладкий.
И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнётся презрительно Блок —
Трагический тенор эпохи.

3. «Он прав — опять фонарь, аптека...»

Он прав — опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит —
Когда он Пушкинскому Дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО

для смешанного хора без сопровождения

1. Ива и клёны

Полюбила солнце апреля
Молодая и нежная ива.
Не прошла и Святая неделя,
Распустилась бледная ива
В жаркой ласке солнца апреля.

Но недвижны старые клёны:
Их не греет солнце апреля,
Только иве дивятся зелёной,
Только шепчут под небом апреля
Обнажённые мшистые клёны:

«Не на радость, о бледная ива,
Полюбила ты солнце апреля:
Безнадёжно больное ревниво
И сожжёт тебя солнце апреля,
Чтоб другим не досталась ты, ива».

2. На воде

То луга ли, скажи, облака ли, вода ль
Околдована жёлтой луною:
Серебристая гладь, серебристая даль
Надо мной, предо мною, за мною...

Ни о чём не жалеть... Ничего не желать...
Только б маска колдуньи светилась
Да клубком её сказка катилась
В серебристую даль, на серебристую гладь.

3. Ноябрь

Как тускло пурпурное пламя,
Как мёртвы жёлтые утра!
Как сеть ветвей в оконной раме
Всё та ж сегодня, что вчера...

Одна утеха, что местами
Налёт белил и серебра
Мягчит пушистыми чертами
Работу тонкую пера...

В тумане солнце, как в неволе...
Скорей бы сани, сумрак, поле,
Следить кружение облаков, —

Да, упиваясь медным свистом,
В безбрежной зыбкости снегов
Скользить по линиям волнистым...

4. Желание

Когда к ночи усталой рукой
Допашу я свою полосу,
Я хотел бы уйти на покой
В монастырь, но в далёком лесу,

Где бы каждому был я слуга
И творенью Господнему друг,
И чтоб сосны шумели вокруг,
А на соснах лежали снега...

А когда надо мной зазвонит
Медный зов в беспросветной ночи,
Уронить на холодный гранит
Талый воск догоревшей свечи.

ДВЕ РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

для сопрано и фортепиано

1. Поморская песня

Отплывает милый оставляет, да,
Он на ласковы бедну слова.
На прощаньице милóй оставил, да,
Тонкий перстень новый золотой.

День его на рученьке носить я стану,
Ночь под сголовице колечко положу.
Всё-то под сголовице класть его я стану,
Чтобы увидеть милого во сне.

Поутру ранёшенько вставала, да,
Уливалась бедного слеза.
Все-то пуховые малы подушечки
Измочила бедного слеза.

2. «Есть как завтра да ненастье...»

Есть как завтра да ненастье,
Очень рада я была.
Дождик будет — моё счастье,
За малиною пойду.

Я бы милому сказала,
Чтобы он за мною шел...
Так Анюта рассуждала,
С поля идучи домой.

Завтра утром я проснуся
И в окошко погляжу.
Дождик будет — моё счастье,
За малиной пойду.

1982

ГОЛОСА СКРИПОК

вокальный цикл для тенора, скрипки и ударных
инструментов в четырёх частях.

Стихи А. Блока

1. «Мы были вместе...»

Мы были вместе, помню я...
Ночь волновалась, скрипка пела...
Ты в эти дни была моя,
Ты с каждым часом хорошела...

Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
К устам просился поцелуй,
Просились в сердце звуки скрипки...

2. «Скрипка стонет под горой...»

Скрипка стонет под горой.
В сонном парке вечер длинный,
Вечер длинный — Лик Невинный,
Образ девушки со мной.

Скрипки стон неутомимый
Напевает мне: «Живи...»
Образ девушки любимой —
Повесть ласковой любви.

3. «Ты из шёпота слов родилась...»

Ты из шёпота слов родилась,
В вечерующий сад забралась
И осыпала вишневый цвет,
Прозвенел твой весенний привет.
С той поры, что ни ночь, что ни день,
Надо мной твоя лёгкая тень,
Запах белых цветов среди садов,
Шелест лёгких шагов у прудов,
И тревожной бессонницы прочь
Не прогонишь в прозрачную ночь.

4. Голоса скрипок

Из длинных трав встаёт луна
Щитом краснеющим героя,
И буйной музыки волна
Плеснула в море зарево.

Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгливый,
Врываясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?

Учись вниманью длинных трав,
Разлейся в море зорь бесцельных,
Протяжный голос свой послав
В отчизну скрипок запредельных.

1983

АПОСТОЛ ПРАВДЫ

для смешанного хора без сопровождения. Стихи Т. Шевченко.

Переводы с украинского Н. Ушакова (1),

С. Гордеева (2), А. Суркова (3)

1. «Проходят дни, проходят ночи...»

Проходят дни, проходят ночи,
Проходит лето. Шелестит
Лист пожелтевший; гаснут очи,
Заснули думы, сердце спит.
И всё заснуло... И не знаю,
Живу ли я, иль доживаю,
Или по свету так влачусь,
Ведь уж не плачу, не смеюсь...

Доля, где ты? Доля, где ты?
По тебе тоскую!
Если доброй жалко, Боже,
Дай хоть злую, злую!
Но не дай спать ходячему,
Спать не просыпаться
И гнилою колодою
По свету валяться.
Дай мне жить, дай жить всем сердцем,
Чтоб людей любило,
А не дашь... так — злости, чтобы
Мир испепелила!
Страшно быть в оковах, страшно
Умирать в неволе,
Но страшней, куда страшнее
Спать на вольной воле —
Умереть и не оставить
Ни следа на свете,
Чтобы люди — жил ли, не жил —
Не смогли ответить!..
Доля, где ты? Доля, где ты?
По тебе тоскую!

Если доброй жалко, Боже,
То дай злую! злую!

2. «И день идёт, и ночь идёт...»

И день идёт, и ночь идёт.
За голову схватившись в муке,
Всё думаешь: когда ж придёт
Апостол правды и науки.

3. «Думы мои, думы мои...»

Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами!
Что вы встали на бумаге
Хмурыми рядами?
Что вас ветер не развеял
Пылью на просторе?
Что вас ночью, как ребёнка,
Не приспало горе?..

[.....]

Думы мои, думы мои,
Цветы мои, дети!
Я растил вас, я берёг вас.
Где ж вам быть на свете?
В край родной идите, дети,
К нам на Украину,
Под плетнями сиротами,
А я здесь уж сгину.

Там найдёте сердце друга,
Оно не лукаво,
Чистую найдёте правду,
А может, и славу...

Привечай же, мать-отчизна,
Моя Украина,
Моих деток неразумных,
Как родного сына!

ИЗ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

оратория для тенора, баса,
смешанного хора и камерного оркестра.
Текст древнерусской летописи.
Монтаж текста Г. Дмитриева

Прелюдия

Се начнемъ повѣсть сию.

1. «Откуда Руская земля стала есть».

...И быша три братья: Кий, Щекъ, Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града лѣтъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне...

И почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И идоша за море къ варягомъ, к руси.

«Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да пойдѣте княжить и володѣти нами».

И избрашася три братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша. Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ. И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля.

Интерлюдия I

2. «И прозваша Олга — вещей»

Умершо Рюрикови, предасть княжене свое Олгови, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми. И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ:

«Се буди мати градомъ русьскимъ». Сей же Олегъ нача города ставити.

Иде Олегъ на Греки, поя же множество воя. И прииде къ Царюграду; и греци замкоша Суд, а град затвориша. И повелѣ Олег воемъ своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса корабля. И бывшую покосну вѣтру, въспя парусы съ поля, и идяше къ граду. «Не погубляй града, не погубляй града, имемъся по дань, якоже хочещи». И устави Олегъ воя, и утвердиша миръ. И повѣси щит свой въ вратех, показуа побѣду, и поиде от Царяграда. И прозваша Олга — вещей.

Интерлюдия II

3. «Си бысть аки зоря предъ свѣтомъ»

...Деревлене убиша Игоря и дружину его!

Олга собра вои много и храбры, и устремися на Искоростѣнь градъ, яко тѣе бяху убили мужа ея. И стоя Ольга лѣто, и не можаше взяти града, и умысли сице: «Что хочете досѣдѣти? Хотите изъмерети гладомъ, не имучеся по дань?» «Ради ся быхомъ яли по дань, но хочещи мѣщати мужа своего». «Аз мѣстила уже обиду мужа своего, а уже не хоцю мѣщати». «Што хочещи у насъ?» «Мало у васъ прошю: дайте ми от двора по три голуби да по три воробьи». И собраша, и послаша к Ользѣ с поклономъ. Волга же повелѣ к коемуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь. И повелѣ Ольга, яко смерчеся,

пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. И не бѣ двора, идеже не горяше. И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати а́. Яко взя градъ и пожже ѝ, люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ их остави платити дань. «Пуще ны Игоревы смерти!»

Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду. И видѣвъ ю, рекъ ей царь: «Подобна еси царствовати въ градѣ с нами».

«Аз погана есмь, да аще мя хочещи крестити, крести мя сам».

И крести ю царь с патреархомъ.

И по крещеньи возва ю царь: «Хочю тя пояти собѣ женѣ». «Како хочещи мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею?» «Переключокала мя еси, Ольга». И дасть ей дары многи, и отпусти ю.

Си бысть предътекущая крестьянствѣи земли, аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ. Си бо съяше аки луна в нощи. Мы же рѣчѣмъ к ней: «Радуйся, руское познанье къ Богу, начатокъ примиренью быхомъ». Си первое вниде в царство небесное от Руси, сию бо хвалят руские сынове аки началницу: ибо по смерти моляше Бога за Русь.

4. «Володимерь же просвѣщенъ самъ, и сынове его, и земля его»

Володимерь просвѣщенъ самъ и сынове его, и земля его, Русская земля!

...И повелѣ Володимерь кумиры испровреци, овы исѣщи, а другия огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневу къ хвосту и влещи с горы. И вринуша ѝ въ Днѣпръ. Посемъ же посла Володимерь по граду, глаголя: «Аще не обрящется кто заутра на рѣчѣ, противень мнѣ да будетъ!» И снидеса бещисла людей. Влѣзоша в воду, и стаяху, попове молитвы творяху. И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ; а дьяволъ стения глаголаше: «Увы мнѣ, яко отсюда прогоним есмь! Не имам уже царствовати въ странах сихъ».

...И се печенѣзи придоша. И ста Володимеръ на сей сторонѣ Трубежи, а печенѣзи на оной. И рече князь печенѣжскый: «Выпусти ты свой мужъ, а я свой, да ся борета!» «Нету ли такого мужа, иже бы ся яль с печенѣжиномъ?» «Княже! Искусима: нѣту ли быка велика и силна?» И побѣже быкъ мимо, и похвати быка рукою за бокъ, и выня кожу с мясы. «Можеша ся с нимъ бороти!» И узрѣ ѿ печенѣзинъ и посмѣся, — бѣ бо середний тѣломъ. И ястася, и удави печенѣжина до смерти. И удари имъ о землю. И печенѣзи побѣгоша, и русь погнаша по них сѣкуще, и прогнаша я.

Интерлюдия III.

5. «Придоша иноплемьници на Русьску землю: половци мнози»

Придоша иноплемьници на Русьску землю: половци мнози! Се бо на ны Богъ попусти поганья, не яко милуя ихъ, но насъ кажа. Города вси опустѣша, села опустѣша. Прейдемъ поля, все тще нонѣ видимъ... Половци же люди раздѣлиша, мѣного роду хрестьянска: стражюще, печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и в жажи и в бѣдѣ, опустнѣвшие лица, почернѣвшие телесы; незнаемою страною, языкомъ испаленым, нази ходяще и боси, ноги имуща сбодены тернемъ; со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: «Азъ бѣхъ сего города», и други: «А язъ сея вси...»

И влѣзе сотона в сердце нѣкоторым мужем. И прелсти Давидъ Святополка: «Аще не имевъ Василка, то ни тобѣ княженья Киевѣ, ни мне в Володимери». И яста Василка, и повергоша ѿ, и связаша ѿ. И приступи торчинъ, держа ножъ и хотя ударити в око, и грѣшися ока, и перерѣза ему лице. И посем удари ѿ в око, и изья зѣницю, и посем в другое око, и изья другую зѣницю. «Сего не бывало есть в Русьской земли ни при дѣдѣх наших, ни при отцихъ, сякого зла».

Да никто же дерзнуть рещи, яко ненавидами Богомъ есмы! Да не будеть! Кого бо тако Богъ любить, якоже ны възлюбиль есть? Кого тако почель есть, якоже ны прославиль есть и възнесль? Никого же!

«Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли».

«Поистинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хотим погубити».

И вложи Богъ мысль добру в русьскыѣ князи: умыслиша дерзнути на половцѣ и поити в землю ихъ. И Богъ великый вложи ужась велику в половцѣ, и страх нападе на ня и трепеть от лица русских вой. Наши же с весельем на конѣх и пѣши поидоша к ним. Половци же, видѣвше устремленье руское на ся, не достигнувше, побѣгоша пред русскими полки. Наши же погнаша, секуще я. И придоша в Русь с славою и с побѣдой великою.

Интерлюдия IV

Постлюдия

«Ангель твой буди с тобою». «Ангель пред тобою предъидеть».

Игумень Силивестръ написах книги си Лѣтописецъ. А иже чтеть книги сия, то буди ми въ молитвахъ.

1984

ДВА НАСТРОЕНИЯ

для народного голоса без сопровождения

1. Русский звенидень

Звени, Солнце! Копья светлые мечи,
лей на Землю жизнедатные лучи.
Звени, знойный, краснощёкий,
ясный-ясный день!
Звенидень!
Звенидень!
Пойте, птицы! Пойте, люди! Пой, Земля!
Побегу я на весёлые поля.
Звени, знойный, чернозёмный,
полный-полный день.
Звенидень!
Звенидень!
Сердце радуйся и пояс развяжись!
Эй, душа моя, пошире распахнись!
Звени, знойный, кумачовый,
яркий-яркий день.
Звенидень!
Звенидень!
Звени, Солнце! Жизнь у каждого одна,
лучезарная, бегучая волна.
Звени, знойный, разудалый,
русский алый день.
Звенидень!
Звенидень!

В. Каменский

2. Веселье на Руси

Как несли за флягой флягу —
Пили огненную влагу.

Д'накачался —
Я.
Д'наплясался —
Я.

Дьякон, писарь, поп, дьячок
Повалили на лужок.

Эх —
Людам грех!
Эх — курам смех!

Трепаком-паком размашисто пошли: —
Трепаком, душа, ходи-валяй-вали:

Трепака да на лугах,
Да на межах, да во лесах —

Да обрабатывай!

По дороге ноги-ноженьки туды-сюды пошли,
Да по дороженьке вали-вали-вали —

Да притопатывай!

Что там думать, что там ждять:

Дунуть, плюнуть — наплевать:
Наплевать да растоптать:
Веселиться, пить да жрать.

Гомилетика, каноника —
Раздувай-дува-дувай, моя гармоника!

Дьякон пляшет —
— Дьякон, дьякон —

Рясой машет —
— Дьякон, дьякон —
Что такое, дьякон, смерть?
— «Что такое? То и это:
Носом — в лужу, пяткой — в твердь...»
.....

Раскидалась в ветре, — пляшет —
Полевая жердь: —

Веткой хлюпающей машет
Прямо в твердь.

Бирюзовою волною
Нежит твердь.

Над страной моей родною
Встала Смерть.

А. Белый

1985

КОСМИЧЕСКАЯ РОССИЯ

оратория для чтеца, солистов, смешанного хора,
магнитофонной ленты и симфонического оркестра.
Тексты К.Э. Циолковского и Ю.А. Гагарина, стихи
М. Ломоносова, А. Фета, В. Маяковского, народные.
Монтаж текста Г. Дмитриева

РАЗДЕЛ I: ЛИЦОМ К ЗВЁЗДАМ

1. «Верю...»

Верю в блестящее будущее человечества. Верю, что человечество не только наследует Землю, но и преобразует мир планет. Это удел земного человека.

К.Э. Циолковский

2. «Открылась бездна звезд полна...»

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
 Там разных множество светов;
 Несчетны солнца там горят,
 Народы там и круг веков:
 Для общей славы божества
 Там равна сила естества.

О вы, которых быстрый зрак
 Пронзает в книгу вечных прав,
 Которым малый вещи знак
 Являет естества устав,
 Вам путь известен всех планет, —
 Скажите, что нас так мятет?

Сомнений полон ваш ответ
 О том, что окрест ближних мест.
 Скажите ж, коль пространен свет?
 И что малейших дале звезд?
 Несведом тварей вам конец?
 Скажите ж, коль велик Творец?

М. Ломоносов

3. «Земля — колыбель...»

Земля — колыбель людского рода, но нельзя вечно оставаться в колыбели.

К.Э. Циолковский

* * *

На стоге сена ночью южной
 Лицом ко тверди я лежал,
 И хор светил, живой и дружный,
 Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон немая,
 Безвестно уносилась прочь,
 И я, как первый житель рая,
 Один в лицо увидел ночь.

Я ль нёсся к бездне полуночной,
Иль сонмы звёзд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Всё невозвратнее тону.

А. Фет

4. «Звёзды огромнеют...»

Звёзды огромнеют,
потому — ближе.
Туманна земля.
Только шумами дальними ухо лижет,
голоса в единое шумливо смеля.
Выше!
Тишь.
И лишь
просторы,
мирам открытые странствовать.
Подо мной,
надо мной
и насквозь светящее реянье.
Вот уж действительно
что называется — пространство!
Хоть руками щупай в 22 измерения.
Нет краёв пространству,
Времени конца нет.
Ничего не режут времени ножи.
Планеты сшибутся,
и видишь —
р́азом
разворачивается новая жизнь

грядущих планет туманом-газом.
Винти ещё!
Слышу
каким-то телескопическим ухом:
мажорно
мира жёрнов
басит.
Выворачивается из своей оси.
Уже за час различаю —
небо в приливе.
Наворачивается облачный валун на валун им.
Это месяц, значит, звёзды вывел
и сам
через час
пройдёт новолунием.
Каждая небесная сила
по-своему голосила.
Раз!
Раз! —
это близко,
совсем близко
выворачивается Марс.
Пачками колец
Сатурн
расшуршался в балетной суете.
Вымахивает за туром тур он
своё мировое фуэтэ.
По эллипсисам,
по параболам,
по кругам
засвистывают на невероятные лады.
Солнце-дирижёр,
прибрав их к рукам,
шипит —
шипенье обливаемой сковороды.
А по небесному стеклу,
будто с чудовищного пера,

скрип
пронизывает оркестр весь.
Это,
выворачивая чудовищнейшую спираль,
солнечная система свистит в Геркулес.
Настоящая какофония!

В. Маяковский

5. «Человечество не останется вечно на Земле...»

Человечество не останется вечно на земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе всё околосолнечное пространство.

К.Э. Циолковский

РАЗДЕЛ II: «ВИЖУ ЗЕМЛЮ...»

6. Космический старт (фонограмма)

7. «Во имя большого счастья человечества»

...Полёт проходил в это время над Сибирью, как раз попала в иллюминатор большая наша сибирская река. Хорошо были видны крупные лесные массивы, большие квадраты полей, луга, склоны, береговая линия, поверхность земли, освещённая солнцем; рельефно выглядят кучевые облака и тени от них. Хорошо видно, где пасмурно, где светит солнце, так что можно загорать...

В иллюминаторы корабля я видел небо, горизонт. Как ни странно, оно совершенно черное, и на этом фоне черного неба очень ярко, красиво, гораздо контрастнее выглядят звёзды, со-

звездия. И там, где сходится небо с краем Земли, очень нежный, приятный такой голубой ореол, который у самой поверхности Земли имеет нежно-голубой цвет, а потом плавно переходит в синий, фиолетовый и, наконец, в черный.

Затем корабль вошел в тень Земли. Это происходит очень быстро: то небо было чёрное, а Земля просматривалась очень хорошо, а потом вдруг ничего не стало видно.

Над Атлантическим океаном корабль вышел из тени Земли. Это происходит также очень быстро и резко. Можно было наблюдать, как ореол Земли несколько преобразуется: солнечные лучи при разрежении в земной атмосфере дают очень красивую радугу. Но она больше, чем мы наблюдаем на Земле, — величиной во всю земную атмосферу. Цвет яркий, поверхность оранжевая, затем все цвета радуги переходят в черный.

Я глядел на нашу планету с высоты космической орбиты, и наша Земля показалась мне с этой высоты не такой уж большой. Голубой шар, подёрнутый лёгкой дымкой атмосферы. Это мир, в котором мы живём, который мы перестраиваем во имя большого счастья человечества.

Ю.А. Гагарин

8. Космическая Россия

Покидая Дом, поклонись ему.
Обними Отца, приголуби Мать.
Пред тобою Путь — путь высок лежит:
Беспредельна Глубь, без числа — дорог.

Ты возьми с собой горсть родной земли —
С ней душе теплей, радостней уму.
Не бери меча — тяжек гнёт на нём:
Кто пойдёт с мечом, тот с мечом падёт.

Высоко летать — далеко ходить,
Далеко ходить — Правде послужить,
Правде послужить — Мир и Свет носить,
Мир и Свет носить — Человеком быть.

Ты выходишь в мир, человеческий сын, —
Так построй же Мир на своей Земле!
Расширяйся, круг братский всех людей, —
В том — России смысл, в том — России цель.

сл. народные

9. «Вселенная и жизнь одно и то же»

Вселенная и жизнь одно и то же. И причина, и органические существа вселенной, и их разум составляют одну и ту же любовь.

К.Э. Циолковский

10. «Нет конца жизни, конца разуму и совершенствованию человечества»

...Мрачные взгляды учёных о неизбежном конце всего живого на Земле не должны иметь теперь в наших глазах достоинства непреложной истины.

Лучшая часть человечества, по всей вероятности, никогда не погибнет, но будет переселяться от Солнца к Солнцу по мере их погасания. Через многие дециллионы лет мы, может быть, будем жить у Солнца, которое ещё теперь не возгорелось, а существует лишь в зачатке, в виде туманной материи, предназначенной от века к высшим целям.

Если мы уже теперь имеем возможность немного верить в бесконечность человечества, то что будет через несколько тысяч лет, когда возрастут наши знания и разум!

Итак, нет конца жизни, конца разуму и совершенствованию человечества. Прогресс его вечен. А если это так, то невозможно сомневаться и в достижении бессмертия.

Смело же идите вперед, великие и малые труженики земного рода, и знайте, что ни одна черта из ваших трудов не исчезнет бесследно, но принесёт вам в бесконечности великий плод.

К.Э. Циолковский

ENTRE ELLE ET MOI

камерная кантата для тенора и ансамбля инструментов.
 Французские стихи А.С. Пушкина (1),
 М.Ю. Лермонтова (2, 3), Ф.И. Тютчева (4, 5)

1. Tien et mien

«Tien et mien, — dit Lafontaine —
 Du monde a rompu le lien».
 Quant á moi, je n'en crois rien.
 Que serait ce, ma Climéne,
 Si tu n'étais plus la *mienne*,
 Si je n'étais plus le *tien*?

(Твой и мой)

«Твой и мой, — говорит Лафонтен, —
 Порвало связь в мире».
 Что до меня, я этому вовсе не верю.
 Что было бы, моя Климена,
 Если бы ты более не была *моя*,
 Если бы я более не был *твой*?)

2. L'attente

Je l'attends dans la plaine sombre;
 Au lion je vois blanchir une ombre,
 Une ombre qui vient doucement...
 Eh non! — trompeuse espérance —
 C'est un vieux saule qui balance
 Son tronc desséché et luisant.

Je me penche et longtemps j'écoute:
 Je crois entendre sur la route
 Le son qu'un pas léger produit...

Non ce n'est rien! C'est dans la mousse
Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profond...
Tout-à-coup, tremblant, je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.

(Ожидание)

Я жду её на сумрачной равнине; вдали я вижу белеющую
тьень, тень, которая тихо подходит... Но нет! — обманчивая
надежда. — Это старая ива, которая покачивает свой ствол,
высохший и блестящий.

Я наклоняюсь и слушаю долго: мне кажется, я слышу с
дороги звук, производимый лёгкими шагами. Нет, не то! Это
во мху шорох листа, поднимаемого ароматным ветром ночи.

Полный горькой тоски, я ложусь в густую траву и засыпаю
глубоким сном... Вдруг я просыпаюсь, дрожа: её голос шептал
мне на ухо, её уста целовали мой лоб.)

3. «Quand je te vois sourire...»

Quand je te vois sourire,
Mon coeur s'épanouit,
Et je voudrais te dire
Ce que mon coeur me dit.

Alors toute ma vie
A mes yeux apparaît,
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret.

Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé paraît vide,
Comme le ciel sans Dieu.

Et puis, caprice étrange,
Je me surprends bénir
Le beau jour, oh! mon ange,
Qu' tu m'as fait souffrir.

(«Когда я вижу тебя улыбающейся...»)

Когда я вижу тебя улыбающейся, моё сердце расцветает, и я хотел бы тебе сказать то, что говорит мне моё сердце.

Тогда вся моя жизнь предстаёт перед моими глазами; и я проклиная и молось и тайно плачу.

Потому что без тебя, моего единственного путеводителя, без твоего огненного взгляда, моё прошлое кажется пустым, как небо без Бога.

И — странная причуда! — я ловлю себя на том, что благословляю прекрасный день, — о ангел мой! — когда ты заставила меня страдать.)

4. «Nous avons pu tous deux, fatigués du voyage...»

Nous avons pu tous deux, fatigués du voyage,
Nous asseoir un instant sur le bord du chemin —
Et sentir sur nos fronts flotter le même ombrage,
Et porter nos regards vers l'horizon lointain.

Mais le temps suit son cours et sa pente inflexible
A bientôt séparé ce qu'il avait uni, —
Et l'homme, sous le fouet d'un pouvoir invisible,
A'enfonce, triste et seul, dans l'espace infini.

Et maintenant, ami, de ces heures passées,
De cette vie á deux, que nous est-il resté?
Un regard, un accent, des débris de pensées. —
Hélas, ce qui n'est plus a-t-il jamais été?

(«Устали мы в пути...»)

Устали мы в пути, и оба на мгновение
Присели отдохнуть, и ощутить смогли,
Как прикоснулись к нам одни и те же тени,
И тот же горизонт мы видели вдальи.

Но времени поток бежит неумолимо.
Соединив на миг, нас разлучает он.
И скорбен человек, и силою незримой
Он в бесконечное пространство погружён.

И вот теперь, мой друг, томит меня тревога:
От тех минут вдвоём, какой остался след?
Обрывок мысли, взгляд... Увы, совсем немного!
И было ли всё то, чего уж больше нет?

Перевод М.П. Кудинова)

5. «Comme en aimant le coeur devient pusillanime...»

Comme en aimant le coeur devient pusillanime,
Que de tristesse au fond et d'angoisse et d'effroi!
Je dis au temps qui fuit: arrête, arrête-toi,
Car le moment qui vient pourrait comme un âbîme
S'ouvrir entre elle et moi.
C'est là l'affreux souci, la terreur implacable,
Qui pése lourdement sur mon coeur oppressé.
J'ai trop vécu, trop de passé m'accable,
Que du moins son amour ne soit pas du passé.

(«Как робко любящее сердце!..»)

Как робко любящее сердце! Как с годами
Оно всё более охвачено тоской!
И время я прошу: о не беги, постой!
Ведь может каждый миг стать бездной между нами —
Между тобой и мной.
Неумолимый страх, гнетущая тревога
Легли на сердце мне и жгут его огнём.
Я слишком долго жил, дней прошлых слишком много, —
Так пусть твоя любовь не будет прошлым днём.

Перевод М.П. Кудинова)

ПОСЛЕДНИЙ ШМЕЛЬ

вокальный цикл для тенора и струнного трио.

Стихи И. Бунина

1. Прелюдия

2. «Ранний, чуть видный рассвет»

Ранний, чуть видный рассвет,
Сердце шестнадцати лет.

Снова дремотная мгла
Липовым цветом тепла.

Тих и таинственен дом
С крайним заветным окном.

Штора в окне, а за ней
Солнце вселенной моей.

3. Вальс

Похолодели лепестки
Раскрытых губ по-детски влажных, —
И зал плывёт, плывёт в протяжных
Напевах счастья и тоски.

Сиянье люстр и зыбь зеркал
Слились в один мираж хрустальный —
И веет, веет ветер бальный
Теплом душистых опухал.

4. В горах

Поэзия темна, в словах невыразима:
Как взволновал меня вот этот дикий скат,
Пустой кремнистый дол, загон овечьих стад,
Пастушеский костер и горький запах дыма!

Тревогой странною и радостью томимо,
Мне сердце говорит: «Вернись, вернись назад!»
Дым на меня пахнул, как сладкий аромат,
И с завистью, с тоской я проезжаю мимо.

Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовёт. Она в моём наследстве.
Чем я богаче им, тем больше я поэт.

Я говорю себе, почуяв тёмный след
Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве:
— Нет в мире разных душ и времени в нём нет!

5. Последний шмель

Чёрный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящий певучей струной,
Ты зачем залетаешь в жильё человечье
И как будто тоскуешь со мной?

За окном свет и зной, подоконники яркие,
Безмятежны и жарки последние дни.
Полетай, погуди — и в засохшей татарке,
На подушечке красной, усни.

Не дано тебе знать человеческой думы,
Что давно опустели поля,
Что уж скоро в бурьян сдует ветер угрюмый
Золотого сухого шмеля!

6. «И цветы, и шмели, и трава, и колосья»

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я всё — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слёз не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

7. Вечер

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно —
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.

В бездонном небе лёгким белым краем
Встаёт, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.

Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.

День вечереет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Всё во мне.

1987

СТАРОРУССКИЕ СКАЗАНИЯ

симфония-концерт для солистов
и смешанного хора без сопровождения.

Стихи И. Бунина

1. Святогор и Илья

На гривастых конях на косматых,
На золотых стременах на разлтых,
Едут братья, меньшей и старшой,
Едут сутки, и двое, и трое,
Видят в поле корыто простое,
Наезжают — ан гроб, да большой:

Гроб глубокий, из дуба долблёный,
С чёрной крышей, тяжёлой, томлёной,
Вот и поднял её Святогор,
Лёг, накрылся и шутит: «А в пору!
Помоги-ка, Илья, Святогору
Снова выйти на Божий простор!»

Обнял крышку Илья, усмехнулся,
Во всю грузную печень надулся,
Двинул кверху... Да нет, погоди!
«Ты мечом!» — слышен голос из гроба.
Он за меч — занимается злоба,
Загорается сердце в груди, —

Но и меч не берёт! С виду рубит,
Да не делает дела, а губит:
Где ударит — там обруч готов,
Нарастает железная скрепа, —
Не подняться из гробного склепа
Святогору во веки веков.

Кинул биться Илья — Божья воля.
Едет прочь вдоль широкого поля,
Утирает слезу... Отняла
Русской силы Земля половину:
Выезжай на иную путину,
На иные дела!

2. «Что ты мутный, светел-месяц?..»

Что ты мутный, светел-месяц?
Что ты низко в небе ходишь,
Не по-прежнему сияешь
На серебряные снега?

Не впервые мне, месяц, видеть,
Что окно её высоко,
Что краснеет там лампадка
За шелковой занавеской.

Не впервой я ворочаюсь
Из кружала наглый, пьяный
И всю ночь сижу от скуки
Под Кремлём с блаженным Ваней.

И когда он спит — дивуюсь!
А ведь кволый да и голый...
Всё смеётся, всё бормочет,
Что башка моя на плахе
Так-то весело подскочит!

3. Казнь

Туманно утро красное, туманно,
 Да всё светлей, белее на восходе,
 За тёмными, за синими лесами,
 За дымными болотами, лугами...
 Вставайте, подымайтесь, псковичи!

Роса дождём легла на пыль,
 На крыши изб, на торг пустой,
 На золото церковных глав,
 На мой помост среди площади...
 Точите нож, мочите солью кнут!

Туманно солнце красное, туманно,
 Кровавое не светит и не греет
 Над мутными, над белыми лесами,
 Над росными болотами, лугами...
 Орите позвончее, бирючи!

— Давай, мужик, лицо умыть,
 Сапог обуть, кафтан надеть,
 Веди меня, вали под нож
 В единый мах — не то держись:
 Зубами всех заем, не оторвут!

4. «Мне вечер, молодой...»

Мне вечер, молодой, скучен терем был,
 Тёмен свет-ночник, страшен Спасов лик.
 Вотчим-батюшка самоцвет укрыл
 В кипарисовый дорогой тайник!

А любезный друг далеко, в торгу,
 Похвάζεται для другой конём,
 Шубу длинную волочит в снегу,
 Светит ей огнём, золотым перстнём.

5. Петров день

Девушки-русалочки,
Нынче наш последний день!
Свет за лесом занимается,
Побледнели небеса,
Собираются с дубинами
Мужики из деревень
На опушку, к морю сизому
Холодного овса...
Мы из речки — на долину,
Из долины — по отвесу,
По берёзовому лесу —
На равнину,
На восток, на ранний свет,
На серебряный рассвет,
На овсы,
Вдоль по жемчугу
По сизому росы!
Девушки-русалочки,
Звонко стало по лугам.
Забелела речка в сумраке,
В алеющем пару,
Пнями пахнет лес берёзовый
По откосам, берегам, —
Густ и зелен он, кудрявый,
Поутру...
Поутру вода тепла,
Холодна трава седая,
Вся медовая, густая,
Да идут на нас с дрекольем из села.
Что ж! мы стаей на откосы,
На опушку — из берёз,
На бегу растреплем косы,
Упадём с разбега в росы
И до слёз
Щекотать друг друга будем,

Хохотать и, назло людям,
Мяť овёс!
Девушки-русалочки
Сойте, поглядите на рассвет:
Бел-восток алеет, ширится, —
Широко зарёй в полях,
Ни души-то нету, милые,
Только ранний алый свет
Да холодный крупный жемчуг
На стеблях...
Мы, нагие,
Всем чужие,
На опушке, на поляне,
Бледны, по пояс в пару, —
Нам пора, сестрицы, к няне,
Ко двору!
Жарко в небе солнце Божье
На Петров играет день,
До Ильи сулит бездожде,
Пыль, сухмень —
Будут знойные зарницы
Зáрить хлеб,
Будет омут наш, сестрицы,
Тёмен, слеп!

6. Сказание о деве Алисафии и храбром Егории

На песок у моря синего
Золотая верба клонится.
Алисафия за братьями
По песку морскому гонится.
«Что ж вы, братья, меня кинули?
Где же это в свете видано?»
— «Покорись, сестра: ты батюшкой
За морского Змея выдана».

— Воротитесь, братья милые!
Хоть ещё раз попрощаемся!»
— «Не гонись, сестра: мы к мачехе
Поспешаем, ворочаемся».

Золотая верба по ветру
Во все стороны клонилася.
На сырой песок у берега
Алисафия садилася.

Вот и солнце опускается
В огневую зыбь помория,
Вот и видит Алисафия:
Белый конь несёт Егория.

Он с коня слезает весело,
Отдаёт ей повод с плёткою:
«Дай уснуть мне, Алисафия,
Под своей защитой кроткою».

Лёг и спит, и дрогнет с холоду
Алисафия покорная.
Тяжелеет солнце рдяное,
Стала зыбь к закату чёрная.

Закипела она пеною,
Зашумела, закурчавилась:
«Встань, проснись, Егорий-батюшка!
Шуму на море прибавилось».

Поднялась волна и на берег
Шибко мчит глаза змеиные:
«Ой, проснись, не медли, суженый,
Ни минуты ни единые!»

Он не слышит, спит, покоится.
И заплакала, закрылася
Алисафия — и тяжкая
По щеке слеза скатилася.

И упала на Егория,
На лицо его, как олово.
И вскочил Егорий на ноги,
И срубил он Змею голову.

Золотая верба, звёздами
Отягчённая, склоняется,
С наречённым Алисафия
В Божью церковь собирается.

1988

STABAT MATER DOLOROSA

кантата для меццо-сопрано, чтицы, двух хоров, органа,
гитары и ударных инструментов.

Стихи А. Ахматовой («Реквием»)

Вместо предисловия

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было её лицом.

Посвящение

Перед этим горем гнутся горы,
Не течёт великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат —
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней.
По столице одичалой шли,

Там встречались, мёртвых бездыханней,
Солнце ниже и Нева туманней,
А надежда все поёт вдали.
Приговор. И сразу слёзы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идёт... шатается... одна...
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный мой привет.

Вступление

Это было, когда улыбался
Только мёртвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осуждённых полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки.
Звёзды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами чёрных марусь.

1. «Уводили тебя на рассвете»

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В тёмной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.

На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыть!
Буду я, как стрелецкие жёнки,
Под кремлёвскими башнями выть.

2. Ночь

Тихо льётся тихий Дон,
Жёлтый месяц входит в дом.
Входит в шапке набекрень.
Видит жёлтый месяц тень.
Эта женщина больна
Эта женщина одна,
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть чёрные сукна покроют,
И пусть унесут фонари...
Ночь.

3. «Показать бы тебе, насмешнице...»

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской весёлой грешнице,
Что случится с жизнью твоей —
Как трёхсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своей слезою горячею
Новогодний лёд прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука — а сколько там
Неповинных жизней кончается...

4. «Семнадцать месяцев кричу»

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Всё перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,
И звон кадилыйный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

5. «Лёгкие летят недели»

Лёгкие летят недели,
Что случилось, не пойму,
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели,
Как они опять глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоём кресте высоком
И о смерти говорят.

6. Приговор

И упало каменное слово
На мою ещё живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

А не то... Горячий шелест лета,
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

7. К смерти

Ты всё равно придёшь — зачем же не теперь?
Я жду тебя — мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядам
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом.
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой, —
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне всё равно теперь. Клубится Енисей,
Звезда Полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застилает.

8. «Уже безумие крылом...»

Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином
И манит в чёрную долину.

И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему,
Уже как бы чужому бреду.

И не позволит ничего
Оно мне унести с собою
(Как ни упрашивать его
И как ни докучать мольбою):

Ни сына страшные глаза —
Окаменелое страданье,
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного свиданья,

Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,
Ни отдалённый лёгкий звук —
Слова последних утешений.

9. Распятие

«Не рыдай Мене, Мати,
Во гробе зрящи.»

1

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А матери: «О, не рыдай Мене...»

2

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

Эпилог

1

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жёсткие страницы
Страдание выводят на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной,
Под красною ослепшею стеною.

2

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:
И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,
И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».
Хотелось бы всех поимённо назвать,
Да отняли список, и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,
И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ,
Пусть так же оне поминают меня
В канун моего погребального дня.
А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,

Согласье на это даю торжество,
Но только с условием: не ставить его
Ни около моря, где я родилась
(Последняя с морем разорвана связь),
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забуть громыхание чёрных марусь,
Забуть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слёзы струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

ЯСНЫЙ СВЕТ

для женского (детского) хора и флейты.

Стихи А. Блока

1. «Девушка пела в церковном хоре...»

Девушка пела в церковном хоре
 О всех усталых в чужом краю,
 О всех кораблях, ушедших в море,
 О всех, забывших радость свою.

Так пел её голос, летящий в купол,
 И луч сиял на белом плече,
 И каждый из мрака смотрел и слушал,
 Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
 Что в тихой заводи все корабли,
 Что на чужбине усталые люди
 Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок
 И только высоко, у Царских Врат,
 Причастный Тайнам, — плакал ребёнок
 О том, что никто не придёт назад.

2. Вербочки

Мальчики да девочки
 Свечечки да вербочки
 Понесли домой.

Огонёчки теплятся,
 Прохожие крестятся,
 И пахнет весной.

Ветерок удаленький,
 Дождик, дождик маленький,
 Не задуй огня!

В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

3. «Всюду ясность Божия...»

Всюду ясность Божия,
Ясные поля,
Девушки пригожие,
Как сама земля.

Только верить хочешь всё,
Что на склоне лет
Ты, душа, воротиться
В самый ясный свет.

4. «Свирель запела на мосту...»

Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
Звезду зелёную одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
В такую высоту.

Свирель поёт: взошла звезда,
Пастух, гони стада...
И под мостом поёт вода:
Смотри, какие быстрины,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видел никогда...

Такой глубокой тишины
Не слышал никогда...
Смотри, какие быстрины,
Когда ты видел эти сны?..

1989

СТЕНЫКА РАЗИН

кантата для меццо-сопрано, баритона,
магнитной ленты и ансамбля ударных инструментов.

Стихи М. Цветаевой

1.

Ветры спать ушли — с золотой зарёй,
Ночь подходит — каменной горой,
И с своей княжною из жарких стран
Отдыхает бешеный атаман.

Молодые плечи в охапку сгрёб,
Да заслушался, запрокинув лоб, —
Как гремит над жарким его шатром
Соловьиный гром.

2.

А над Волгой — ночь,
А над Волгой — сон.
Расстелили ковры узорные,
И возлёг на них атаман с княжной
Персиянкою — брови чёрные.

И не видно звёзд, и не слышно волн, —
Только вёсла да темь кромешная!
И уносит в ночь атаманов чёлн
Персиянскую душу грешную.

И услышала
Ночь — такую речь:

— Аль не хочешь, что ль,
Потеснее лечь?
Ты меж наших баб —
Что жемчужинка!

Аль уж страшен так?
Я твой вечный раб,
Персияночка!
Полоняночка!

А она — брови насупила,
Брови длинные,
А она — очи потупила
персиянские,
И из уст её —
Только вздох один:
— Джаль-Эддин!

А над Волгой — заря румяная,
А над Волгой — рай.
И грохочет ватага пьяная:
— Атаман, вставай!

Належался с басурманскою собакою!
Вишь, глаза-то у красавицы наплаканы!

А она — что смерть.
Рот закушен в кровь. —
Так и ходит атаманова крутая бровь.

— Не поладила ты с нашею постелью —
Так поладь, собака, с нашей купелью!

В небе-то — ясно,
Тёмно на дне.
Красный один
Башмачок на корме.

И стоит Степан — ровно грозный дуб,
Побелел Степан — аж до самых губ.
Закачался, зашатался. — Ох, томно!
Поддержите, нехристи, — в очах тёмно!

Вот и вся тебе персияночка,
Полоняночка.

3. Сон Разина

И снится Разину — сон:
Словно плачется болотная цапля.
И снится Разину — звон:
Ровно капельки серебряные каплют.

И снится Разину — дно —
Цветами, что плат ковровый,
И снится лицо одно —
Забывтое, чернобровое.

Сидит, ровно Божья мать,
Да жемчуг на нитку нижеет.
И хочет он ей сказать,
Да только губами движет...

Сдавило дыханье — аж
Стеклянный, в груди, осколок.
И ходит, как сонный страж,
Стеклянный — меж ними — полог.

Рулевой зарёю правил
Вниз по Волге-реке.
Ты зачем меня оставил
Об одном башмачке?

Кто красавицу захочет
В башмачке одном?
Я приду к тебе, дружок,
За другим башмачком!

И звенят-звенят, звенят-звенят запястья:
— Затонуло ты, Степаново счастье!

СЕМЬ ДЕТСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

для детского голоса (группы голосов)
в сопровождении фортепиано

1. Чистильщик

Подойди ко мне поближе,
Крепче ногу ставь сюда,
У тебя ботинок рыжий,
Не годится никуда.

Я его почищу кремом,
Чёрной бархаткой натру,
Чтобы жёлтым стал совсем он,
Словно солнце поутру.

2. Калоша

Для резиновой калоши
Настоящая беда,
Если день — сухой, хороший,
Если высохла вода.

Ей всего на свете хуже
В чистой комнате стоять:
То ли дело шлёпать в луже,
Через улицу шагать!

3. Муха

- Ты куда попала, муха?
- В молоко, в молоко.
- Хорошо тебе, старуха?
- Не легко, не легко.
- Ты бы вылезла немножко.
- Не могу, не могу.
- Я тебе столовой ложкой
Помогу, помогу.
- Лучше ты меня, бедняжку,
Пожалей, пожалей,
Молоко в другую чашку
Перелей, перелей.

4. Сахарная голова

Сахарная голова
Ни жива ни мертва —
Заварили свежий чай:
К нему сахар подавай!

5. Курицы и павы

Курицы-красавицы пришли к спесивым павам:
— Дайте нам хоть перышко, на радостях: кудах!
— Вот ещё!
Куда вы там?
Подумайте: куда вам?
Мы вам не товарищи: подумаешь! кудах!

6. Полотёры

Полотёр руками машет,
Будто он впрысядку пляшет.
Говорит, что он пришёл
Натереть мастикой пол.

Будет шаркать, будет прыгать,
Лить мастику, мебель двигать.
И всегда плясать должны
Полотёры-шаркуны.

7. Рояль

Мы сегодня увидали
Городок внутри рояля.
Целый город костяной,
Молотки стоят горой.

Блещут струны жаром солнца,
Всюду мягкие суконца,
Что ни улица — струна
В этом городе видна.

1990

ВСЕНОЩНОЕ БДЕНИЕ

для солистов и смешанного хора
без сопровождения в 14 частях.

Канонические тексты

1. Приидите, поклонимся

Аминь.

Приидите, поклонимся Цареве нашему Богу.

Приидите, поклонимся и припадем Христу Цареве нашему Богу.

Приидите, поклонимся и припадем Самому Христу, Цареву и Богу нашему.

Приидите, поклонимся и припадем Ему.

2. Благослови, душе моя, Господа.

Благослови, душе моя, Господа. Благословен еси, Господи. Господи Боже мой, возвеличился еси зело. ... на горах станут воды. Дивна дела Твоя, Господи. ... посреде гор пройдут воды. ... вся премудростию сотворил еси. ... Слава Ти, Господи, сотворившему вся.

3. Блажен муж

Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа.

Яко весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет. Аллилуиа...

Работайте Господеви со страхом и радуйтеся Ему с трепетом. Аллилуиа...

Блажени вси надеющиися Нань. Аллилуиа...

Воскресни, Господи, спаси мя, Боже мой. Аллилуиа...
Господне есть спасение, и на людех Твоих благословение
Твое. Аллилуиа...

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аллилуиа...
И ныне и присно и во веки веков. Аминь. Аллилуиа...
Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже.

4. Свете Тихий

Свете Тихий святяя славы Безсмертнаго Отца Небеснаго, Святаго, Блаженнаго, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа, Бога. Достоин еси во вся времена пет быти гласы преподобными. Сыне Божий, живот дай; темже мир Тя славит.

5. Ныне отпускаеши

Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром; яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей, свет во откровение языков, и славу людей Твоих Израиля.

6. Богородице Дево, радуйся

Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою; благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших.

7. Шестопсалмие

Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение.

Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою.

8. Хвалите имя Господне

Хвалите имя Господне, хвалите, раби Господа. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа.

Благословен Господь от Сиона, живой во Иерусалиме. Аллилуиа...

Исповедайтесь Господеви, яко Благ, яко в век милость Его. Аллилуиа...

Исповедайтесь Богу Небесному, яко в век милость Его. Аллилуиа...

9. Благословен еси, Господи

Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим.

Ангельский собор удивися, зря Тебе в мертвых вменившаяся, смертную же, Спасе, крепость разориша, и с Собою Адама воздвигша, и от ада вся свободжда.

Благословен...

Почто мира с милостивными слезами, о ученицы, растворяете? Блистайся во гробе Ангел мироносицам вещаше: видите вы гроб и уразумейте, Спас бо воскресе от гроба.

Благословен...

Зело рано мироносицы течаху ко гробу Твоему рыдающия, но предста к ним Ангел, и рече: рыдания время преста, не плачите, Воскресение же апостолом рците.

Благословен...

Мироносицы жены, с миры пришедша ко гробу Твоему, Спасе, рыдаху, ангел же рече, глаголя: что с мертвыми Живаго помышляете? Яко Бог бо воскресе от гроба.

Слава...

Поклонимся Отцу, и Его Сынове, и Святому Духу, Святой Троице во едином существе, с серафимы зовуще: Свят, Свят, Свят еси, Господи.

И ныне. Аминь.

Жизнодавца родши, греха, Дево, Адама избавила еси, радость же Еве в печали место подала еси; падшия же от жизни к сей направи из Тебя воплотивыйся Бог и Человек.

Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже.

10. Воскресение Христово видевши

Воскресение Христово видевши, поклонимся Святому Господу Иисусу, единому безгрешному. Кресту Твоему покланяемся, Христе, и святое Воскресение Твое поем и славим: Ты бо еси Бог наш, разве Тебе иного не знаем, имя Твое именуем. Приидите, вси вернии, поклонимся святому Христову Воскресению: се бо прииде Крестом радость всему миру. Всегда благословяще Господа, поем Воскресение Его: распятие бо претерпев, смертию смерть разруши.

11. Величит душа Моя Господа

Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем.

Честнейшую херувим и Славнейшую без сравнения серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем.

Яко призре на смирение рабы Своея, се бо от ныне ублажат Мя вси роди.

Честнейшую...

Яко сотвори Мне величие Сильный, и свято имя Его, и милость Его в роды родов боящимся Его.

Честнейшую...

Сотвори державу мышцею Своею, расточи гордыя мыслию сердца их.

Честнейшую...

Низложи сильныя со престол, и вознесе смиренныя; алчущия исполни благ, и богатящияся отпусти тщи.

Честнейшую...

Восприят Израиля отрока Своего, помянути милости, якоже глагола ко отцем нашим, Аврааму и семени его, даже до века.

Честнейшую...

12. Преблагословенна еси, Богородице Дево

Преблагословенна еси, Богородице Дево, Воплощшим бо ся из Тебе ад пленися, Адам възвася, клятва потребися, Ева свободися, смерть умертвися, и мы ожихом. Тем воспевающе вопием: благословен Христос Бог, благоволивый тако, слава Тебе.

13. Славословие великое

Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение. Хвалим Тя, благословим Тя, кланяем Ти ся, славословим Тя, благодарим Тя, великия ради славы Твоея. Господи, Царю Небесный, Боже Отче Вседержителю, Господи, Сыне Единородный, Иисусе Христе, и Святый Душе. Господи Боже, Агнче Божий, Сыне Отець, вземляй грех мира, помилуй нас; вземляй грехи мира, приими молитву нашу; седей одесную Отца, помилуй нас. Яко Ты един Свят, Ты еси един Господь, Иисус Христос, в славу Богу Отца, аминь.

На всяк день благословлю Тя, и восхваляю имя Твое во веки, и в век века.

Сподоби, Господи, в день сей без греха сохранитися нам. Благословен еси, Господи, Боже отец наших, и хвально и прославлено имя Твое во веки, аминь.

Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя. Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим.

Господи, прибежище был еси нам в род и род. Аз рех: Господи, помилуй мя, исцели душу мою, яко согреших Тебе.

Господи, к Тебе прибегах, научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой: яко у Тебе источник живота, во свете Твоем узрим свет. Пробави милость Твою ведущим Тя.

Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас (трижды).

Слава, и ныне. Святый Безсмертный, помилуй нас.

Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас.

14. Взбранной Воеводе

Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшися от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице, но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: радуйся, Невесто Неневестная.

1991

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

вокальный цикл для баритона и квинтета медных
духовых инструментов.

Стихи В. Набокова

1. «Людам ты скажешь: настало!»

Людам ты скажешь: настало!
Завтра я в путь соберусь...
(Голуби. Двор постоялый.
Ржавая вывеска: Русь.)

Скажешь ты Богу: я дома!
(Кладбище. Мост. Поворот.)
Будет старик незнакомый —
вместо дубка у ворот...

2. Расстрел

Бывает к ночи: только лягу,
в Россию поплывёт кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Проснусь, и в темноте, со стула
где спички и часы лежат,
в глаза как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.

Закрыв руками грудь и шею, —
вот-вот сейчас пальнёт в меня! —
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

Оцепенелого сознания
коснётся тиканье часов,
благополучного изгнания
я снова чувствую покров.

Но, сердце, как бы ты хотело
чтоб это вправду было так:
Россия, звёзды, ночь расстрела
и весь в черёмухе овраг!

3. Тайная вечеря

Час задумчивый строгого ужина...
Предсказанья измен и разлуки...
Озаряет ночная жемчужина
олеандровые лепестки.

Наклонился апостол к апостолу...
У Христа — серебристые руки.
Ясно молятся свечи, и по столу
ночные ползут мотыльки.

4. «О, как ты рвёшься в путь крылатый...»

О, как ты рвёшься в путь крылатый,
безумная душа моя,
из самой солнечной палаты
в больнице светлой бытия!

И бредя о крутом полёте,
как топчешься, как бьёшься ты
в горячечной рубашке плоти,
в тоске телесной тесноты!

Иль, тихая, в безумье тонком
гудишь-звенишь сама с собой,

вообразив себя ребёнком,
сосною, соловьём, совой.

Поверь же соловьям и совам,
терпи, самообман любя, —
смерть громыхнёт тугим засовом
и в вечность выпустит тебя.

5. Сон

Есть сон. Он повторяется как томный
стук замурованного. В этом сне
киркой работаю в дыре огромной
и нахожу обломок в глубине.

И фонарём на нём я освещаю
след надписи и наготу червя.
«Читай, читай!» — кричит мне кровь моя:
Р, О, С... — нет, я букв не различаю.

1993

MESSE IN D

для восьмиголосного смешанного хора
и вокального ансамбля без сопровождения.

Канонический латинский текст

1. Kyrie

Kyrie, eleison, Christe, eleison.

2. Gloria

Gloria in excelsis Deo. Et in terra pax hominibus bonae voluntatis. Laudamus te. Benedicimus te. Adoramus te. Glorificamus te. Gratias agimus tibi propter magnam gloriam tuam. Domine Deus, Rex caelestis, Deus Pater omnipotens. Domine, Fili unigenite, Jesu Christe. Domine Deus, Agnus Dei, Filius Patris. Qui tollis peccata mundi, miserere nobis. Qui tollis peccata mundi, suscipe deprecationem nostram. Qui sedes ad dexteram Patris, miserere nobis. Quoniam tu solus Sanctus. Dominus, Tu solus Dominus, tu solus Altissimus, Jesu Christe. Cum Sancto Spiritu, in gloria Dei Patris. Amen.

3. Credo

Credo in unum Deum, Patrem omnipotentem, factorem caeli et terrae, visibilium omnium et invisibilium. Et in unum Dominum Jesum Christum, Filium Dei unigenitum. Et ex Patre natum ante omnia saecula. Deum de Deo, Lumen de lumine, Deum verum de Deo vero. Genitum, non factum, consubstantialen Patri: per quem omnia facta sunt. Qui propter nos homines et propter nostram salutem descendit de caelis. Et incarnatus est de Spiritu Sancto ex Maria Virgine: et homo factus est. Crucifixus etiam

pro nobis: sub Pontio Pilato passus et sepultus est. Et resurrexit tertia die, secundum Scripturas. Et ascendit in caelum: sedet ad dexteram Patris. Et iterum venturus est cum gloria, iudicare vivos et mortuos: cujus regni non erit finis. Et in Spiritum Sanctum, Dominum et vivificantem: qui ex Patre Filioque procedit. Qui cum Patre et Filio simul adoratur et conglorificatur: qui locutus est per Prophetas. Et unam Sanctam catholicam et apostolicam Ecclesiam. Confiteor unum baptisma in remissionem peccatorum. Et exspecto resurrectionem mortuorum. Et vitam venturi saeculi. Amen.

4. Sanctus

Sanctus, Sanctus, Sanctus Dominus Deus Sabaoth. Peeni sunt caeli et terra gloria tua. Hosanna in excelsis. Benedictus qui venit in nomine Domini. Hosanna in excelsis.

5. Agnus Dei

Agnus Dei, qui tollis peccata mundi: miserere nobis. Dona nobis pasem.

1996

ПРАВЕДНАЯ РУСЬ

симфония для солистов и мужского хора без
сопровождения в пяти частях.

Стихи анонима XVI века (1), С. Бехтеева (из тетради
Великой княжны Ольги Николаевны) (3),
М. Волошина (5), Ю. Кублановского (2),
Ю. Кузнецова (4)

1. О Борисе и Глебе

Зря корабле напрасно приставаема,
Возописта прекрасная два брата Борисо и Глѣбо:
Брате Святополче, не погуби наю,
Еще бо есми велми млады!
Не подрѣжи лозы неплодныя,
Не сожни класа недозрѣлаго,
Не пролеи крови неповинныя,
Не сотвори плача матери наю!
Положени есмя в Вышегороде Руския земля,
Боже наше, слава тебѣ.

2. Прощание игумена Филиппа с Соловецким монастырем

Гляжу на двор и мысленно прощаюсь.

Гляжу на двор, где строится собор,
где иноки и братья тешут камень,
несут желтками сдобренный раствор,
усердствуют — и чую, дело жизни
окончится, должно быть, без меня.

Собор Преображения Господня!
Оплот Христовой веры в Соловках!

Ещё в зачатке каменные стены,
ещё не все поставлены леса,
а я уж вижу мощные апсиды,
и ярусы богатых закомар,
и звучные кресты на гордых главах.

Но надо ехать. Кончат без меня.
И без меня торжественный молебен
впервые в новых стенах прозвучит.
Прощай, обитель, в коей я молился,
нёс послушания, спасался, согрешал.
Прощай, родная сердцу солеварня
и церковь Богородицы, прощай,
с приделом Иоанна. Уезжаю.

Прощай, Святое озеро, всегда
дающее для наших трапез рыбу.
Прощайте заповедные леса,
никто из иноков не запятнал вас кровью
убитой дичи и не оглушил
предсмертным стоном бедного косоного.
Так будет впредь.

А мне пора в Москву.
Иль впрямь на драгоценную парчу
так трудно променять простую рясу?
Иван мне письма шлёт: «Озолочу!»
Я подзову его к иконостасу
иль сам взойду на плаху к палачу.

...Иль Грозный думает, что я лишь раб и вша,
что я польщусь на сан митрополита,
его дары руками вороша,
не замечая, сколько перебито?

Нет, русской церковью невозможно помыкать!
Помилуй, Бог! Чтоб этими руками
я крест давал Малюте целовать?
Есть Божий Промысел.
Прощаюсь с Соловками.

3. Молитва

Господи, помилуй. (*ostinato*)*

Пошли нам, Господи, терпенье,
В годину буйных, мрачных дней,
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжёлый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, смертный час.

И, у преддверия могилы,
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!

4. Осенняя годовщина**

С любовью к октябрю Россия увядает,
Она жива сегодня, завтра нет.
Зажги свечу и плачь!.. Уж осень отряхает
Кровавые листы — их так любил поэт.

* Добавление автора

** Авторское название — Годовщина октябрьского расстрела 93-го года. Стихотворению предпослан эпиграф: «Октябрь уж наступил...» А. Пушкин.

Народная слеза в осадок выпадает,
Народная тропа уходит на тот свет.

5. Заклинание (от усобиц)

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращённых в прах,
Из мук казнённых поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за неё за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Её куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах.
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

1997

ЗАВЕЩАНИЕ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ

для чтеца, солистов и смешанного хора
без сопровождения в 11 частях.

Тексты Н.В. Гоголя и канонические тексты

1. ЧТЕЦ: Находясь в полном присутствии памяти и здравого рассудка, излагаю здесь мою последнюю волю.

Возбранный Воеводо и Господи

ХОР: Возбранный Воеводо и Господи, ада победителю, яко избавлься от вечныя смерти, похвальная восписую Ти создание и раб Твой; но яко имеяй милосердие неизреченное, от всяких мя бед свободи, зовуща: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя.

(Кондак 1 из Акафиста Сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу)

2. ЧТЕЦ: Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения. Упоминаю об этом потому, что уже во время самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться... Будучи в жизни своей свидетелем многих печальных событий от нашей неразумной торопливости во всех делах, даже и в таком, как погребение, я завещаю это здесь в самом начале моего завещания, в надежде, что, может быть, посмертный голос мой напомнит вообще об осмотрительности. Предать же тело мое земле, не разбирая места, где лежать ему, ничего не связывать с оставшимся прахом; стыдно тому, кто привлечется каким-нибудь вниманием к гниющей персти, которая уже не моя: он поклонится червям, ее грызущим; прощу лучше помолиться покрепче о душе моей, а вместо всяких погребальных почестей угостить от меня простым обедом нескольких не имущих насущного хлеба.

Плачу и рыдаю

ХОР: Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду во гробех лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида. О чуде! Что сие еже о нас бысть таинство? Како предахомся тлению? Како сопрягохомся смерти? Воистину Бога повелешем, якоже писано есть, подающего преставльшемуся упокоение.

(Стихира зауспокойная)

3. ЧТЕЦ: Завещаю не ставить надо мной никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном. Кому же из близких моих я был действительно дорог, тот воздвигнет мне памятник иначе: воздвигнет он его в самом себе своей неколебимой твердостью в жизненном деле, бодреньем и освеженьем всех вокруг себя. Кто после моей смерти вырастет выше духом, нежели как был при жизни моей, тот покажет, что он, точно, любил меня и был мне другом, и сим только воздвигнет мне памятник. Потому что и я, как бы ни был сам по себе слаб и ничтожен, всегда ободрял друзей моих, и никто из тех, кто сходилса поближе со мной в последнее время, никто из них, в минуты своей тоски и печали, не видал унылого вида, хотя и тяжки бывали мои собственные минуты, и тосковал я не меньше других — пускай же об этом вспомнит всяк из них после моей смерти, сообразя все слова, мной ему сказанные, и перечтя все письма, к нему писанные за год перед сим.

Друзьям моим

ХОР: Иисусе, сыне Божий, помилуй мя.

СОЛИСТ: Благодарю вас много, друзья мои. Вами украсилась много жизнь моя. Считаю долгом сказать вам теперь напутственное слово: не смущайтесь никакими событиями, какие не случаются вокруг вас. Делайте каждый своё дело, молясь в тишине. Общество тогда только поправится, когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружаю-

щих. Всё придет тогда в порядок. Сами собой установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы, законные всему. И человечество двинется вперед.

(Текст Н.В. Гоголя из предсмертных записей)

4. ЧТЕЦ: Завещаю вообще никому не оплакивать меня, и грех себе возьмет на душу тот, кто станет почитать смерть мою какой-нибудь значительной или всеобщей утратой. Если бы даже и удалось мне сделать что-нибудь полезного и начал бы я уже исполнять свой долг действительно так, как следует, и смерть унесла бы меня при начале дела, замышленного не на удовольствие некоторым, но надобного всем, — то и тогда не следует предаваться бесплодному сокрушению. Если бы даже вместо меня умер в России муж, действительно ей нужный в теперешних её обстоятельствах, то и оттого не следует приходиться в уныние никому из живущих, хотя и справедливо то, что если рановременно похищаются люди всем нужные, то это знак гнева небесного, отъемлющего сим орудия и средства, которые помогли бы иным подвигнуться ближе к цели, нас зовущей. Не унынию должны мы предаваться при всякой внезапной утрате, но оглянуться строго на самих себя, помышляя уже не о черноте других и не о черноте всего мира, но о своей собственной черноте. Страшна душевная чернота, и зачем это видится только тогда, когда неумолимая смерть стоит перед глазами!

Молитва

ХОР: Господи! Спаси и помилуй бедных людей. Умилосердись, Создатель, и яви руку Свою над ними. Господи, выведи нас всех на свет из тьмы. Господи, отгони все обольщения лукавого духа, всех нас обольщающие. Господи, просвети нас, Господи, спаси нас. Господи, спаси бедных людей Твоих.

(Текст Н.В. Гоголя из предсмертных записей)

5. ЧТЕЦ: Завещаю всем моим соотечественникам (основываясь единственно на том, что всякий писатель должен оставить после себя какую-нибудь благую мысль в наследство читате-

лям), завещаю им лучшее из всего, что произвело перо моё, завещаю им моё сочинение, под названием «Прощальная повесть». Оно, как увидят, относится к ним. Его носил я долго в своём сердце, как лучшее своё сокровище, как знак небесной милости ко мне Бога. Оно было источником слёз, никому не зримых, ещё от времен детства моего. Его оставляю им в наследство. Но умоляю, да не оскорбится никто из моих соотечественников, если услышит в нём что-нибудь похожее на поученье.

Я совершу

ХОР: Молю тебя, жизнь души моей, мой гений! Ты от колыбели ещё пролетавший с своими гармоническими песнями мимо моих ушей, такие чудные, необъяснимые донныне зарождавший во мне думы, такие необъятные и упоительные лелеявший во мне мечты! О не разлучайся со мною! Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны. Я совершу...

(Текст Н.В. Гоголя из статьи «1834»)

6. ЧТЕЦ: Я писатель, а долг писателя — не одно доставление приятного занятия уму и вкусу; строго взыщется с него, если от сочинений его не распространится какая-нибудь польза душе и не останется от него ничего в поучение людям. Да вспомнят также мои соотечественники, что, и не бывши писателем, всякий отходящий от мира брат наш имеет право оставить нам что-нибудь в виде братского поученья, и в этом случае нечего глядеть ни на малость его звания, ни на бессилие, ни на самое неразумие его, нужно помнить только то, что человек, лежащий на смертном одре, может иное видеть лучше тех, которые кружатся среди мира. Несмотря, однако, на все таковые права мои, я бы всё не дерзнул заговорить о том, о чём они услышат в «Прощальной повести», ибо не мне, худшему всех душою, страждущему тяжкими болезнями собственного несовершенства, произносить такие речи. Но меня побуждает к тому другая, важная причина: соотечественники! страшно!.. Замирает от ужаса душа при одном только предслышании загробного величия и тех духовных высших творений Бога, перед которыми пыль всё

величие Его творений, здесь нами зримых и нас изумляющих. Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастая и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся...

Дьявол выступил уже без маски в мир

ХОР: Дьявол выступил уже без маски в мир... Что значит эта мода, ничтожная, незначащая, которая теперь, как полная хозяйка, уже стала распоряжаться в домах наших? Что значат эти бесчисленные приличия, которые стали сильнее всяких коренных постановлений? Что значат эти странные власти, образовавшиеся мимо законных, — посторонние, побочные влияния? Что значит, что уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода, а Божиим помазанникам остались в стороне? Люди тёмные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мнениями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые чертит исходящая снизу нечистая сила, — и мир это видит весь, и, как очарованный, не смеет шевельнуться? Что за страшная насмешка над человечеством!

И непонятной тоской уже загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь; всё мельчает и мелеет, и возрастает только один исполинский образ скуки, достигая с каждым днём неизмеримейшего роста. Всё глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится в Твоём мире!

(Текст Н.В. Гоголя из «Выбранных мест из переписки с друзьями», глава: Светлое Воскресение)

7. ЧТЕЦ: Может быть, «Прощальная повесть» моя подействует сколько-нибудь на тех, которые до сих пор ещё считают жизнь игрушкой, и сердце их услышит хотя отчасти строгую тайну её и сокровеннейшую небесную музыку этой тайны. Соотечественники!.. не знаю и не умею, как вас назвать в эту минуту. Прочь пустое приличие!

Начало любви

ХОР: Соотечественники, я вас любил; любил тою любовью, которую не выказывают, которую мне дал Бог, за которую благодарю Его, как за лучшее благодеяние... Как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны, и так в них мало прекрасного. Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри её и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви.

(Текст Н.В. Гоголя из «Выбранных мест из переписки с друзьями», главы: Завещание и Нужно любить Россию)

8. ЧТЕЦ: Соотечественники, я вас любил; любил тою любовью, которую не выказывают, которую дал мне Бог, за которую благодарю Его, как за лучшее благодеяние, потому что любовь эта была мне в радость и утешение среди наитягчайших моих страданий — во имя этой любви прошу вас выслушать сердцем мою «Прощальную повесть». Клянусь: я не сочинял и не выдумывал её, она выпелась сама собою из души, которую воспитал Сам Бог испытаньями и горем, а звуки её взялись из сокровенных сил нашей русской породы нам общей, по которой я близкий родственник вам всем.

Блаженны

*ХОР: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя (21 раз, ostinato)
 Блажени нищии духом, яко тех есть Царство Небесное;
 Блажени плачущие, яко тии утешатся;
 Блажени кротции, яко тии наследят землю;
 Блажени алчущие и жаждущии правды, яко тии насытятся;
 Блажени милостивии, яко тии помиловани будут;
 Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят;
 Блажени миротворци, яко тии сынове Божии нарекутся;*

Блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царство Небесное;

Блажени есте, егда поносят вам и ижденут, и рекут всяк зол глагол, на вы лжущи Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех...

(Мф. 5, 3–12)

9. ЧТЕЦ: Завещаю по смерти моей не спешить ни хвалою, ни осуждением моих произведений в публичных листах и журналах: всё будет так же пристрастно, как и при жизни. В сочинениях моих гораздо больше того, что нужно осудить, нежели того, что заслуживает хвалу. Все нападения на них были в основании более или менее справедливы. Передо мною никто не виноват; неблагодарен и несправедлив будет тот, кто попрекнёт мною кого-либо в каком бы то ни было отношении. Объявляю также во всеуслышанье, что кроме доселе напечатанного, ничего не существует из моих произведений: всё, что было в рукописях, мною сожжено, как бессильное и мертвое, писанное в болезненном и принуждённом состоянии. А потому, если бы кто-нибудь стал выдавать что-либо под моим именем, прошу считать это презренным подлогом. Но возлагаю вместо того обязанность на друзей моих собрать все мои письма, писанные к кому-либо, начиная с конца 1844 года, и, сделавши из них строгий выбор только того, что может доставить какую-нибудь пользу душе, а всё прочее, служащее для пустого развлечения, отвергнувши, издать отдельною книгою. В этих письмах было кое-что послужившее в пользу тем, к которым они были писаны. Бог милостив, может быть, послужат они в пользу и другим, и снимется чрез то с души моей хотя часть суровой ответственности за бесполезность прежде написанного.

Будьте не мёртвые, а живые души

ХОР: Будьте не мёртвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелазай инуде той тать есть и разбойник.

(Текст Н.В. Гоголя из предсмертных записей)

10. ЧТЕЦ: Завещаю... но я вспомнил, что уже не могу этим располагать. Неосмотрительным образом похищено у меня право собственности: без моей воли и позволения опубликован мой портрет. По многим причинам, которые мне объявлять не нужно, я не хотел этого, не продавал никому права на его публичное издание и отказывал всем книгопродавцам, доселе приступавшим ко мне с предложениями, и только в таком случае предполагал себе это позволить, если бы помог мне Бог совершить тот труд, которым мысль моя была занята во всю жизнь мою, и притом так совершить его, чтобы все мои соотечественники сказали в один голос, что я честно исполнил своё дело, и даже пожелали бы узнать черты лица того человека, который до времени работал в тишине и не хотел пользоваться незаслуженной известностью. С этим соединилось другое обстоятельство: портрет мой в таком случае мог распродаться вдруг во множестве экземпляров, принеся значительный доход тому художнику, который должен был гравировать его. Художник этот уже несколько лет трудится в Риме над гравированием бессмертной картины Рафаэля «Преображение Господне». Он всем пожертвовал для труда своего, — труда убийственного, пожирающего годы и здоровье, и с таким совершенством исполнил своё дело, подходящее ныне к концу, с каким не исполнял ещё ни один из гравёров. Но по причине высокой цены и малого числа знатоков эстамп его не может разойтись в таком количестве, чтобы вознаградить его за всё; мой портрет ему помог бы. Теперь план мой разрушен: раз опубликованное изображение кого бы то ни было делается уже собственностью каждого, занимающегося изданиями гравюр и литографий. Но если бы случилось так, что после моей смерти письма, после меня изданные, доставили бы какую-нибудь общественную пользу (хотя бы даже одним только чисто-сердечным стремлением её доставить) и пожелали бы мои соотечественники увидеть и портрет мой, то я прошу всех таковых издателей благородно отказаться от своего права; тех же моих читателей, которые по излишней благосклонности ко всему, что ни пользуется известностью, завели у себя какой-нибудь портрет мой, прошу уничтожить его тут же, по прочтении сих

строк, тем более что он сделан дурно и без сходства, и покупать только тот, на котором будет выставлено: «Гравировал Иорданов». Сим будет сделано, по крайней мере, справедливое дело. А ещё будет справедливей, если те, которые имеют достаток, станут вместо портрета моего покупать самый эстамп «Преображенья Господня», который, по признанию даже чужеземцев есть венец гравировального дела и составляет славу русскую.

Помилуй меня, грешного, прости Господи!

ХОР: Помилуй меня, грешного, прости Господи! Свяжи вновь сатану таинственную силою неисповедимого Креста!

(Текст Н.В. Гоголя из строк, написанных за несколько дней до кончины)

11. ЧТЕЦ: Завещанье моё немедленно по смерти моей должно быть напечатано во всех журналах и ведомостях, дабы, по случаю неведения его, никто не сделался бы передо мною невинно-виноватым и тем бы не нанёс упрека на свою душу.

Молитва Господня

ХОР: Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится Имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Яко Твое есть Царство и сила и слава, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

(Мф. 6, 9–13)

1998

АРФА СЕРАФИМА

вокальный цикл

для меццо-сопрано (баритона) и фортепиано.
Стихи А.С. Пушкина (с включение стихотворного послания Филарета, митрополита Московского)

1. Воспоминание

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда, —
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.

2. «Дар напрасный, дар случайный»

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

3. «Не напрасно, не случайно»

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога нам дана.
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из тёмных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.

Вспомнись мне, Забытый мною, —
Просияй сквозь сумрак дум, —
И созиждится Тобою
Сердце чисто, светлый ум!..

*(Стихи Филарета,
митрополита Московского)*

4. Арфа серафима

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слёз неожиданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнём душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

5. Зимнее утро

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,

Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

СИМФОНИЯ ЛИКОВ

для смешанного хора без сопровождения.

Стихи А. Майкова (1), А. Ахматовой (2),

К. Романова (3), А. Белого (4)

1. Видение святого благоверного князя Александра Невского

Не в силе Бог, а в правде (*ostinato*)*

[.....]

Тихо лампада пред образом Спаса горит;

Тихо игумен пред ним на молитве стоит;

Тихо бояре стоят по углам;

Тих и недвижим лежит, головой к образам,

Князь Александр, чёрной схимой покрыт...

Страшного часа все ждут: нет надежды, уж нет!

Слышится в келье порой лишь болящего бред.

Тихо лампада пред образом Спаса горит...

Князь неподвижно во тьму, в беспредельность глядит...

[.....]

Тьма, что завеса, раздвинулась вдруг перед ним...

Видит он: облитый словно лучом золотым,

Берег Невы, где разил он врага...

Вдруг возникает там город... Народом кишат берега...

Флагами веют цветными кругом корабли...

Гром раздаётся; корабль показался вдали...

Правит им кормчий с открытым высоким челом...

Кормчего все называют царём...

Гроб с корабля поднимают, ко храму несут,

Звон раздаётся, священные гимны поют...

* Добавлено автором.

Крышу открыли... Царь что-то толпе говорит...
Вот перед гробом земные поклоны творит...
Следом — все люди идут приложиться к мощам...
 В гробе ж, — князь видит, — он сам...

Тихо лампада пред образом Спаса горит...
 Князь неподвижен лежит...
Словно как свет над его просиял головой —
 Чудной лицо озарилось красой,
Тихо игумен к нему подошёл и дрожащей рукой
 Сердце ощупал его и чело —
И, зарыдав, возгласил: «Наше солнце зашло!»

2. Успение святой Евфросинии Московской

Плотно сомкнуты губы сухие,
Жарко пламя трёх тысяч свечей.
Так лежала княжна Евдокия
На душистой сапфирной парче.

И, согнувшись, бесслёзно молилась
Ей о слепеньком мальчишке мать,
И кликуша без голоса билась,
Воздух сиясь губами поймать.

А пришедший из южного края
Черноглазый, горбатый старик,
Словно к двери небесного рая,
К потемневшей ступеньке приник.

3. Святая Елизавета Феодоровна

Господи, отпусти им,
не ведят бо что творят (*ostinato*)*

Я на тебя гляжу, любуюсь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, видно под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!

Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.

Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту,
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

4. Святой Серафим

Плачем ли тайно в скорбях,
Грудь ли тоскою теснима —
В яснонемых небесах
Мы узнаём Серафима.
Что с тобой, радость моя, —
«Радость моя?»

Смотрит на нас
Ласково ликом туманным, лилейным.
Бледнолазурный атлас
В снежнокисейном.

Бледнолазурный атлас — тихо целует,
Бледнолазурный атлас — в уши нам дует:

* Добавлено автором.

«Вот ухожу в тихий час...
Снова узнаете горе вы!..»
С высей ложится на нас
Отблеск лазоревый.

Легче дышать
После таинственных знамений:
Светит нам благодать
Тучкой алого пламени.

1999

СВЯТИТЕЛЬ ЕРМОГЕН

опера-оратория для солистов,
хора и симфонического оркестра
в 10 сценах (картинах)
с Прологом и Эпилогом.

Тексты исторические, канонические и народные.

Стихи Ю. Кублановского.

Монтаж текста Г. Дмитриева

Действующие лица:

Ермоген,	- бас
Патриарх Московский и всея Руси	- меццо-сопрано
Рассказчица	- тенор
Гришка Расстрига	- сопрано
Царица Марфа Матвеевна	- низкий бас
Боярин Салтыков	- голоса мальчиков
Три ангела	(дискант и два альта)

ПРОЛОГ

Великая смута

(Рассказчица и народ)

Рассказчица: Всё по нашим грехам: как в Угличе пал, играя с ножом, царевич, так пошли чередою бедствия: моры, глады; Борис, ославленный принародно — при всех — убийцею. Над Кремлём воронье раскаркалось в дымке неба побагровевшего.

Хор: И худые до нас известия
долетать стали — дальше некуда:
мол, Дмитрий не помер мальчиком,
вырос, спутался как-то с ляхами
и идёт на Москву с Маринкою,
еретичкой, что, верно, вздумала
стать над нами теперь царицею.

Рассказчица: По грехам нашим — лихолетие.

Хор: И — огоньки пред Ликами
будто задул Малюта.
Воеет собака дикая. Это пришла ВЕЛИКАЯ
СМУТА.

(Ю. Кублановский)

СЦЕНА I

Молитва Ермогена

(Ермоген перед иконой Казанской Божией Матери и народ)

Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго! За всех молиши Сына Твоего, Христа Бога нашего, и всем твориши спастися, в державный Твой покров прибегающим. Всех нас заступи, о, Госпоже, Царице и Владычице, иже в напастех и в скорбех и в болезнях, обремененных грехи многими, предстоящих и молящихся Тебе умиленною душою и сокрушенным сердцем пред Пречистым Твоим образом со слезами, и невозвратно надежду имущих на Тя избавления всех зол. Всем полезная даруй и вся спаси, Богородице Дево: Ты бо еси Божественный Покров рабом Твоим.

(Молитва Патриарха Ермогена Пресвятой Богородице и Приснодеве Марии пред ея иконою «Казанская», текст канонический.)

СЦЕНА II

«Самозванец в Кремле куражится»
(Народ, Рассказчица, Ермоген)

Хор: Самозванец в Кремле куражится.
Повсеместно до нас доносится
еретиков, охальников
с гонором речь не русская.
Вот уж костёл задумали
тут возводить. Дмитрию
по сердцу чужебесие.

О времена продажные!
Даже отцы духовные
в прелести, в колебании
с видимым соглашаются,
съехавшись на позорное
Митьки коронование:
рвётся к престолу бестия
вместе с своей шляхеткою.

Рассказчица: ...Тут-то впервые слышится
внятный протест святителя —
праведника Казанского
именем Ермоген.

Ермоген: «Как иноверке — русскою
мыслимо стать царицею?
Белый затмится свет.
Вам моего, предатели,
ворогов прихлебатели,
благословенья нет!»

(Ю. Кублановский)

СЦЕНА III

Гришка Расстрига

(Народ, стрельцы, Самозванец, царица Марфа Матвеевна)

Хор: Ты Боже, Боже, Спас милостивой!
К чему рано над нами прогневался,
Сослал нам, Боже, прелестника,
Злаго Расстригу Гришку Атрепьева.

Уже ли он, Расстрига, на царство сел,
Называется Расстрига прямым царём;
Царём Димитрием Ивановичем Углецким.

Недолго Расстрига на царстве сидел,
Похотел Расстрига жениться,
Не у себя-то он в каменной Москве,
Брал он, Расстрига, в проклятой Литве,

У Юрья пана Седомирскова
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу-безбожницу.

На вешней праздник, Николин день,
В четверг у Расстриги свадьба была,*
А в пятницу праздник Николин день
Князи и бояра пошли к заутрени,
А Гришка Расстрига он в баню с женой;

На Гришки рубашка кисейная,
На Маринке соян хрущетоу камки.
А час-другой поизойдучи,
Уже князи и бояра от заутрени,

А Гришка Расстрига он из бани с женой.
Выходит Расстрига на Красный крылец,
Кричит-ревёт зычным голосом:

* Здесь и далее отмечены грубые нарушения Самозванцем православной традиции. (Прим. составителя)

Расстрига: «Гой еси, ключники мои
приспешники!

Народ: Приспешников
кличет!

Приспевайте кушанье разное,

Слышь, разное!

А и посное и скоромное:

Стой, стой, стой:
как и посное
и скоромное?

Заутра будет ко мне гость дорогой,
Юрья пан са паньєю».

Юрья пан
са паньєю?

Хор: А втапоры стрельцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
В Боголюбов монастырь металися
К царице Марфе Матвеевне:

Стрельцы: «Царица ты, Марфа Матвеевна!
Твое ли чадо на царстве сидит,
Царевич Димитрей Иванович?»

Хор: А втапоры царица заплакала
И таковы речи во слезах говорила:

*Царица
Марфа
Матвеевна:* «А глупы, стрельцы, вы, недогадливы!
Какое мое чадо на царстве сидит?
На царстве у вас сидит Расстрига,
Гришка Атрепьев сын.

Потерен мой сын,
царевич Димитрей Иванович, на Угличе
От тех от бояр Годуновых,
Ево мощи лежат в каменной Москве
У чудных Сафеи Премудря.
У тово ли-та Ивана Великова
Завсегда звонят во царь-колокол,

Соборны попы собираются,
За всякия праздники совершают понафиды
За память царевича Димитрия Ивановича,
А Годуновых бояр проклинаят завсегда».

Хор:

Тут стрельцы догадалися,
Все оне собиралися,
Ко Красному царскому крылечку металися,
И тут в Москве збунтовалися.

А Гришка Расстрига дагадается,
Сам в верхни чердаки убирается
И накрепко запирается,
А злая ево жена Маринка-безбожница
Сорокою обвернулася
И из полат вон она вылетела.

Народ: Держи! Держи! Держи!..

А Гришка Расстрига втапоры догадлив был,
Бросался он со тех чердаков на копыя вострыя
Ко тем стрельцам, удалым молодцам.
И тут ему такова смерть случилась.

(«Гришка Расстрига», текст русской народной исторической песни из собрания И. Киреевского с добавлениями автора.)

СЦЕНА IV

«Бог покарал крамольника» *(Рассказчица и народ; Ермоген)*

Рассказчица: Бог покарал крамольника:
кончилось дело подлое
лютой резнёй в Кремле.
Лето пришло зелёное.
И Ермоген молитвенник —
наш Патриарх теперь.

Рассказчица,
хор:

А государем сделался
Шуйский — кажись, спокойствие
к нам, наконец, пришло.
Нет же! Опять разбойники
И супостаты двинулись
к Первопрестольной... Вновь
новый Дмитрий в Тушине
с прежней Маринкой; русское
дело опять в беде.

Лавра, оплот Отечества,
осаждена поляками.
Лучшие люди гибнущей
родины разобщены.

Рассказчица: Лишь Патриарх в незыблемой
крепости и молитвенном
духе — один за всех.

Ермоген: «Звать на престол задумали
польского королевича —
и позовут, боюсь.
О помощи, Владычица,
и заступись за Русь!»

(Ю. Кублановский)

СЦЕНА V

Монолог Ермогена

Аз смиренный Ермоген, Божиею милостию Патриарх Богом спасаемого града Москвы и всеа Руси, воспоминаю вам, бывшим православным христианом, — ныне же не ведаем как вас и назвати...

Вы же, забыв обещания православныя крестьянсия нашаея веры, в нем же родихомся, в нем же крестихомся, и воспитахом-

ся, и возрастахом, преступивше крестное целование и клятву, еже стояти за дом Богородицы и за Московское государство до крови и до смерти, ко врагом креста Христова приставши...

Не достает ми слово, болезнует ми душа, болезнует сердце, и вся внутренняя утерзается, и вся состави мои содрагают, и плачуся, глаголю и рыданием вопию: помилуйте, помилуйте, едиnorodныя братия и чада, своя душа и своя родителя отшедшая и живья, отец своих и матерей, и жены своя, и чада, и сродники, и други, возникните, и вразумейте, и возвратитесь! Видите бо Отечество чюждими росхищаемо, и святыя иконы и церкви обругаемы, и неповинных кровь проливаема, еже вопиет к Богу прося отомщения.

Вспомяните, на Кого воздвизаете оружие, — и не на Бога ли, не жребия ли Пречистыя Богородица и великих чюдотворцев, не на своих ли единоплеменных братию? Не свое ли Отечество разоряете?

Заклинаю же вы именем Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа отстати такового начинания!

Мы чаем, что здрогнетесь, и воспрянете, и убоитися праведного и нелицемерного Судии Бога, и к покаянию прибегнете, и отпущение винам своим испросите...

*(Из «Воззваний ко всему русскому народу
Патриарха Ермогена»)*

СЦЕНА VI

«Раз на Страстной повздорили...»

*(Рассказчица и народ на площади;
Ермоген в подземельи Чудова монастыря)*

Хор: ...Раз на Страстной повздорили
наши ребята с ляхами —
тут и рвануло:
бой, крики, резня на улицах,
церкви и избы в пламени —
щепкой горит Москва.

Рассказчица: Доосквернялись, дожили,
сделались погорельцами.
У Ермогена в Чудове
зареве на стене.

Отче там в заточении.
У страстотерпца отняты
даже перо с бумагою,
только не вера, нет.
Жизнь, что лампада, теплится
Пред Чудотворной: ревностны,
хоть и горьки, мольбы.

Ермоген: «Кончится наваждение.
Верю в освобождение
духа из сей тюрьмы.
Силы сойдут бесовские.
Еретиков кремлевские
Сбросят с себя холмы!
Жизнь и её течение,
жертва, беда, мучение —
для христиан азы.
Выйти на муку крестную,
славу стяжать небесную,
словно испить росы».

(Ю. Кублановский)

СЦЕНА VII

В заточении

*(Ермоген и боярин Салтыков
в подземельи Чудова монастыря.)*

Салтыков: Ты, Ермоген, по городам писал грамоты, повелевал людям ополчаться и идти под Москву; отпиши к ним теперь, чтобы не ходили. Иначе сам умрёшь злою смертью! (Замахивается ножом.)

Ермоген: Ты обещаешь мне злою смерть; но через неё я чаю получить венец мученический и жизнь вечную! Сие крестное знамение против ножа твоего, да взыдет вечная клятва на главу изменника!

Салтыков: Ты дал им оружие в руки, ты можешь и смирить их!

Ермоген: Всё смирится, когда ты, изменник, с своею Литвою исчезнешь; но в царственном граде видя ваше злое господство, в святых храмах кремлевских оглашаясь латинским пением, благословляю достойных вождей православных утолить печаль Отечества и Церкви. Идущим ко Москве на спасение — да будет милость от Бога и благословение от нашего смирения!

*(Из «Истории Государства Российского»
Н.М. Карамзина)*

СЦЕНА VIII

Тайное послание

(Патриарх Ермоген в подземельи Чудова монастыря.)

В Нижний Новгород благословение от Патриарха Ермогена Московского и всея Руси — мир вам и прощение и разрешение.

...Да писати бы вам в Казань к митрополиту Ефрему, чтоб писал в полки к боярам учительную грамоту, да к казацкому войску, чтоб они стояли крепко о вере!

Отнюдь на царство проклятого Маринки паньина сына не благословляю.*

...И на Вологду ко властем, да и к рязанскому воеводе, да и во все города грамоты пишете, чтоб уняли грабеж, корчму,** имели б чистоту душевную и братство, и промышляли б, как реклись, души свои положить за Пречистой дом, и за чудотворцов, и за веру.

Отнюдь Маринкин на царство не надобен, — проклят от святого Собору и от нас.

...А прислати прежних же безстрашных людей — свияжанина Родиона Мосеева да Ратмана Пахомова и им бы в полках говорити безстрашно; а хотя и буде и постраждете, и вам в том Бог простит и разрешит в сем веце и в будущем.*** А велети им говорити моим словом.

...А вам всем от нас благословенье, что стоите неподвижно за веру; а аз должен за вас Бога молить.

(Из «Грамоты в Нижний Новгород, с повелением написать в Казань и другие города, чтоб отнюдь не упрочивали царства сыну Маринкину, а стояли бы все за веру, не щадя живота своего».)

* Речь идет о планах изменников возвести на российский престол сына (младенца) Марины Мнишек и Лжедмитрия II.

** Т. е. пьянство.

*** Посланные фактически обрекались на мученическую смерть, т. к. казацкие вожди поддерживали изменников. (Прим. сост.)

СЦЕНА IX

«И полетел на Среднюю» (*Рассказчица и народ*)

Рассказчица: И полетел на Среднюю
Волгу наказ святителя.
Новое ополчение вместе с Казанскою
чудной за нас Заступницей
движется на Москву.

Дело спасенья родины
лучшие взяли граждане,
веруя, на себя.

Рассказчица,
хор: ...А патриарха нашего
голодом морят недруги.
Старец святой кончается;
сквозь решето окна
видит: уходят бестии,
лошади запинаются,
прочь — с пепелищ Московии,
той, что у нас одна.

Три ангела: Смерти бояться нечего.
Утро мудрее вечера.
Светел Успенский храм.

Рассказчица,
хор: Жить предстояло заново,
Выбрав царём Романова,
остепененным нам.

(*Ю. Кублановский*)

СЦЕНА X

Моление ко Святителю*(Народ на Соборной площади Кремля.)*

Хор: О преславный угодниче Божий, святителю отче наш Ермогене. Приими наше твоей славе со-
радование, яко воздыхание души, жаждет бо неотъемлемая радости, и умоли венчавшаго тя славою Господа низпослати и нам от бед, скорбей и болезней, обдержавших ны, скорое избавление, даровати же благодать утешения и радования, да с веселием выну поем Богу: Аллилуйя.

(Из «Акафиста святителю и чудотворцу Ермогену», текст канонический.)

ЭПИЛОГ

«Не вершинами горными...»*(Народ на Соборной площади Кремля)*

Хор: Не вершинами горными
с хрусталём ледников,
не морями просторными
с гребешками валов,
не степей разнотравием,
не излуками рек —
Русь сильна Православием.
Верой жив человек.

Да, с такими красотами
стран других не найдёшь:
пахнет сено болотами,
сад — вощёными сотами,
райским яблочком то ж.

Мы — смутьяны, негодники.
Но в решительный час
постояли Угодники
вместе с нами — за нас.
Слышно с клиросов пение.
Средь святынь дорогих
станем проще, смиреннее,
но и крепче других.

Русь сильна Православием.
Слава!

Русь сильна Православием.
Слава!

Русь сильна Православием.
Слава!

(Ю. Кублановский)

2000

ПОЗДНИЕ ПЕСНИ

для баса и фортепиано.

Стихи А. Твардовского

1. «Ты дура, смерть...»

Ты дура, смерть: грозишься людям
Своей бездонной пустотой,
А мы условились, что будем
И за твоею жить чертой.

И за твоею мглой безгласной,
Мы — здесь, с живыми заодно.
Мы только врозь тебе подвластны, —
Иного смерти не дано.

И нашей связаны порукой,
Мы вместе знаем чудеса:
Мы слышим в вечности друг друга
И различаем голоса.

И как бы ни был провод тонок —
Между своими связь жива.
Ты это слышишь, друг-потомок?
Ты подтвердишь мои слова?..

2. «На дне моей жизни...»

На дне моей жизни,
на самом доньшке
Захочется мне
посидеть на солнышке,
На тёплом пёнушке.

И чтобы листва
красовалась палая
В наклонных лучах
недалёкого вечера.
И пусть оно так,
что морока немалая —
Твой век целиком,
да об этом уж нечего.

Я думу свою
без помехи подслушаю,
Черту подведу
стариковскою палочкой:
Нет, всё-таки нет,
ничего, что по случаю
Я здесь побывал
и отметился галочкой.

3. Матери

И первый шум листвы ещё неполной,
И след зелёный по росе зернистой,
И одинокий стук валька на речке,
И грустный запах молодого сена,
И отголосок поздней бабьей песни,
И просто небо, голубое небо —
Мне всякий раз тебя напоминают.

ЧЕТЫРЕ РОМАНСА НА СТИХИ ИВАНА АЛЕКСЕЕВИЧА БУНИНА

для тенора и фортепиано

1. «Смотрит месяц ненастный...»

Смотрит месяц ненастный, как сыплются жёлтые листья,
Как проносится ветер в беспомощно-зыбком саду.

На кусты и поляны в тоске припадают деревья:

«Пронеси, вольный ветер, скорей эту жуткую ночь!»

С неземною печалью глядит затуманенный месяц...

Ветер в жутком восторге проносится в чёрных кустах:

«Достигайте в несчастьи радости мук беспредельных!

Приготовьтесь к Великому мукой великих потерь!»

2. Хризантемы

На окне, серебряном от инея,

За ночь хризантемы расцвели.

В верхних стёклах — небо ярко-синее

И застреха в снеговой пыли.

Всходит солнце, бодрое от холода,

Золотится отблеском окно.

Утро тихо, радостно и молодо.

Белым снегом всё запушено.

И всё утро яркие и чистые

Буду видеть краски в вышине,

И до полдня будут серебристые

Хризантемы на моём окне.

3. «Лес шумит невнятным ровным шумом...»

Лес шумит невнятным, ровным шумом...
Лепет листьев клонит в сон и лень...
Петухи в далёкой караулке
Распевают про весенний день.

Лес шумит невнятным, тихим шумом...
Хорошо и беззаботно мне
На траве, среди берёз зелёных,
В тихой и безвестной стороне!

4. «Настанет день — исчезну я...»

Настанет день — исчезну я,
А в этой комнате пустой
Всё то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой.

И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку,
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно,
И море ровной синевой
Манить в простор пустынный свой.

ПРЕПОДОБНЫЙ САВВА ИГУМЕН

монастырская кантата для диаконского чтения
и мужского хора без сопровождения.

Текст из Пролога в переводе с церковнославянского

А.С. Пушкина, канонические тексты, стихи

А.С. Пушкина и Ю. Кублановского.

Монтаж текста Г. Дмитриева

1. «На тихих берегах Москвы...» (прелюдия)

Хор: На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.

Кругом простёрлись по холмам
Вовек не рубленные рощи,
Издавна почивают там
Угодника святые мощи.

А.С. Пушкин

Диакон: *Преподобный Отец наш Савва от юности своей Христа возлюбил, а мир возненавидел и, пришед к преподобному Сергию, принял Ангельский образ и стал подвизаться, угождая Богу постом, бдением, молитвами, смиренномудрием и всеми добродетельми, желая небесная блага приять от Господа. Многие искушения претерпел он от бесов, но победил их помощью Вышнего и над страстями воцарился.*

2. На молитве

Хор: Если сердце любовью полнится,
Значит веруем — не лукавим.
Рождество Твое, Богородице
Дево, славим!

Спорит ветер с лапами листопада
за слюдой оконца... А тут в ночи,
словно сторожевой огонёк посада,
в глубине рубиновая лампада.

Многогрешный, кайся, а не ловчи.

Вразумитель наш преподобный Сергей
уделит божественных нам энергий
и пошлёт за Волгу, на Соловки.
А кому и тут подвизаться любо —
подмосковного подле клёна, дуба
над широкой поймой Москва-реки.

Пусть живём несуразно, истово,
Но в решительный судный час
Заступись, заступись, Пречистая,
Перед Сыном своим за нас.

Ю. Кублановский

Диакон: Тогда, по наставлению учителя своего, великого
Сергия, отошел он от обители Святыя Троицы
и поселился в пустыне на горе, называемой Сто-
рожи, в верху Москвы-реки, в расстоянии одно-
го поприща от Звенигорода и сорока от града
Москвы. Там святой иночествовал в безмолвии,
терпя ночные морозы и тяготу вара дневного.
Услыша о добродетельном житии его, многие
иноки и люди мирские от различных мест начали
к нему приходить, дабы жить при нем и от него
пользоваться. И принимал он всех с любовию, и

был им образец смирения и иноческих трудов, сам черпая и нося воду и другие потребности правя, научая тем братию не лениться и не губить дней своих Праздностию, изобретательницей всего злаго.

3. Пастырь

Хор:

Много в душах разора...

Вот и искал затвора
смолоду и потом
смирennemудрый Савва —
стал же с годами авва
строгим игуменом.

Много теперь заботы:

всюду кипят работы,
в руки Отец берёт
посох любви Христовой,
и, вразумляя Словом,
стадо своё пасёт.

Ю. Кублановский

Диакон:

Потом некий Христолюбивый Князь, пришед к блаженному Отцу Савве, умолил его построить храм на том месте и сумму, нужную на создание оного, дал святому. И святой прошение Князя исполнил и построил храм честного и славного Рождества Пречистой Богоматери и обитель пречудесную и великую для душеспасительного пребывания в ней иноков. Там он добре пас во имя Христа собранное стадо, водя оно на пажить духовную, и быв некогда единокжителем Божественному Сергию, сотворил многие добрые дела о Господе.

4. Строительство храма

Хор: Аллилуйя, аллилуйя,
аллилуйя, аллилуйя,
слава Тебе, Боже, слава Тебе!

Не огород городим,
а на желтках разводим
с мелом напополам
добрый раствор для стройки,
бодро снуём по стойким
лестницам и лесам.

Аллилуйя, аллилуйя,
аллилуйя, аллилуйя,
слава Тебе, Боже, слава Тебе!

Дабы срастись могли бы
белого камня глыбы
в нерукотворный дом —
в храм Рождества Пречистой,
трудимся здесь и в мгlistый
сумрак, молясь о том.

Аллилуйя, аллилуйя,
аллилуйя, аллилуйя,
слава Тебе, Боже, слава Тебе!

*текст канонический
и стихи Ю. Кублановского*

Диакон: В поздней старости впал он в болезнь телесную и, недолго пострадав, призвал братию и поучал их Божественным писаниям, наказывающим хранить чистоту телесную, иметь братолюбие, украшаться смирением и прилежать посту и молитве. Тогда поставил им в Игумены одного из учеников своих и всем братием заповедал пребывать у игумена в послушании и в повиновении.

Наконец, дав им всем мир и последнее целование, в добром исповедании предал душу в руке Божию декабря 3-го дня, во всем благоугодив владыке своему, Христу.

5. Успение

Хор: Жизнь князей в сражениях и ловитвах.
Чернецов — в служениях и молитвах,
где всегда на выдохе «Отче наш».

Под прикрытием хвойных ветвей зелёных
свят источник около стен белёных,
но уже желтеет окрестный кряж.

И опять подуют ветра, завьюжит.
Престарелый авва обедни служит,
Продолжая пестовать, вразумлять

и молить о Родине и народе.
Заболев, соборуется, отходит,
чтобы в славе святости воссиять.

Ю. Кублановский

Диакон: Услышав о преставлении Святого, Князя и Бояре, и окрест живущие, и все Христолюбивые граждане Звенигорода стеклись с великой любовью на погребение Отца, принесли с собою больных своих, и, проводив его псалмопением надгробным, положили его с честью в им построенной церкви Пресвятой Богородицы, на правой стороне.

6. Чудотворец

Хор: Стал по смерти праведник чудотворцем:
как-то раз уже под осенним солнцем
старец спас растерянного царя
Алексей Михалыча на охоте
от медведя, в лиственной позолоте
появись и знаменье сотворя.

Шли века
и его рука
ко Христу вела нас издалека.

В наши дни, когда на душе тревога,
у родного горе стоит порога,
в душах многих веры огонь погас
и темна до времени переправа
через Лету дней, преподобный Савва
Сторожевский, Бога моли о нас!

Посегодня
праведника рука
ко Христу ведёт нас издалека.

Ю. Кублановский

Диакон: Честные его мощи и до нынешнего дня многие и
различные исцеления источают приходящим с
верою, во славу Христа, Бога нашего, угодниками
своими и по преставлении их преславные чудеса
творящего, Ему же слава ныне, и присно, и во
веки веков.

7. «Пение всеумиленное...»

Хор: Пение всеумиленное приносим ти, преблаженне
отче Савво, и со дерзновением молим: вознеси
ко Господу о спасении душ наших твою святую
молитву. Да сподобимся вечно в радости бла-
женной воспевати Богу: Аллилуйя.

*(текст канонический из «Акафиста Преподобному
Савве Сторожевскому, чудотворцу»)*

8. «На тихих берегах Москвы...» *(постлюдия)*

Хор: На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.

Кругом простёрлись по холмам
Вовек не рубленные рощи,
Издавна почивают там
Угодника святые мощи.

(А.С. Пушкин)

Диакон: Аминь.

2001

ПЕСНИ ПАЛАДИНА

вокальный цикл для тенора

и фортепиано.

Стихи А. Блока

1. «Ты была у окна...»

Ты была у окна,
И чиста и нежна,
Ты царила над шумной толпой.
Я стоял позабыт
И толпою сокрыт
В поклоненьи любви пред тобой.

Мне казалось тогда,
Что теперь и всегда
Ты без мысли смотрела вперёд.
А внизу, у окна,
Как морская волна,
Пред тобой колыбался народ.

Поклоненьем горда,
Ты казалась всегда
Одинокой и властной мечтой.
И никто не слышал,
Как твой голос звучал, —
Ты в молчаньи владела толпой.

Я стоял позабыт
И толпою сокрыт.
Ты без мысли смотрела вперёд,
И чиста, и нежна;
А внизу, у окна,
Вкруг меня волновался народ.

2. «Я к людям не выйду навстречу...»

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.
Пред Тобою Одною отвечу,
За то, что всю жизнь молчал.

Молчаливые мне понятны,
И люблю обращённых в слух:
За словами — сквозь гул невнятный
Просыпается светлый Дух.

Я выйду на праздник молчанья,
Моего не заметят лица.
Но во мне — потаённое знание
О Любви к Тебе без конца.

3. «Бегут неверные дневные тени»

Бегут неверные дневные тени.
Высок и внятен колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив — и ждёт твоих шагов.

Ты здесь пройдёшь, холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветок весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятен колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарён — я жду твоих шагов.

4. «Я, изнурённый и премудрый...»

Я, изнурённый и премудрый,
Восстав от тягостного сна,
Перед Тобою, Златокудрой,
Склоняю долу знамена.

Конец всеведущей гордыне. —
Прошедший сумрак разлюбя,
Навеки преданный Святыне,
Во всём послушаюсь Тебя.

Зима пройдёт — в певучей выюге
Уже звенит издалека.
Сомкнулись царственные дуги,
Душа блаженна, Ты близка.

5. «Я искал голубую дорогу...»

Я искал голубую дорогу
И кричал, оглушённый людьми,
Проходя к золотому порогу,
Затихал пред Твоими дверьми.

Проходила ты в дальние залы,
Величава, тиха и строга.
Я носил за Тобой покрывало
И смотрел на Твои жемчуга.

6. «Тебя скрывали туманы...»

Тебя скрывали туманы,
И самый голос был слаб.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный раб!

Тебя венчала корона
Ещё рассветных причуд.

Я помню ступени трона
И первый твой строгий суд.

Какие бледные платья!
Какая странная тишь!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь...

Кто знает, где это было?
Куда упала Звезда?
Какие слова говорила,
Говорила ли ты тогда?

Но разве мог не узнать я
Белый речной цветок,
И эти бледные платья,
И странный, белый намёк?

7. «Будет день, словно миг веселья...»

Будет день, словно миг веселья.
Мы забудем все имена.
Ты сама придёшь в мою келью
И разбудишь меня ото сна.

По лицу, объятому дрожью,
Угадаешь думы мои.
Но всё прежнее станет ложью,
Чуть займутся Лучи Твои.

Как тогда, с безгласной улыбкой
Ты прочтёшь на моём челе
О любви неверной и зыбкой,
О любви, что цвела на земле.

Но тогда — величавей и краше,
Без сомнений и дум приму
И до дна исчерпаю чашу,
Сопричастный Дню Твоему.

8. «Покраснели и гаснут ступени»

Покраснели и гаснут ступени.
Ты сказала сама: «Приду».
У входа в сумрак молений
Я открыл моё сердце. — Жду.

Что скажу я тебе — не знаю.
Может быть, от счастья умру.
Но огнём вечерним сгорая,
Привлеку и тебя к костру.

Расцветает красное пламя.
Неожиданно сны сбылись.
Ты идёшь. Над храмом, над нами —
Беззакатная глубь и высь.

9. «Запевающий сон, зацветающий цвет...»

Запевающий сон, зацветающий цвет,
Исчезающий день, погасающий свет.

Открывая окно, увидел я сирень.
Это было весной — в улетающий день.

Раздышались цветы — и на тёмный карниз
Передвинулись тени ликующих риз.

Задыхалась тоска, занималась душа,
Распахнул я окно, трепеща и дрожа.

И не помню — откуда дохнула в лицо,
Запевая, сгорая, взошла на крыльцо.

10. «Встану я в утро туманное...»

Встану я в утро туманное,
Солнце ударит в лицо.
Ты ли, подруга желанная,
Всходишь ко мне на крыльцо?

Настежь ворота тяжёлые!
Ветром пахнуло в окно!
Песни такие весёлые
Не раздавались давно!

С ними и в утро туманное
Солнце и ветер в лицо!
С ними подруга желанная
Всходит ко мне на крыльцо!

11. «Ты была светла до странности...»

Ты была светла до странности
И улыбкой — не проста.
Я в лучах твоей туманности
Понял юного Христа.

Проглянул сквозь тучи прежние
Яркий отблеск неземной.
Нас колышет безмятежнее
Изумрудною волной.

Я твоей любовной ласкою
Озарён — и вижу сны.
Но, поверь, считаю сказкою
Небывалый знак весны.

12. «Разгадал я какие цветы...»

Разгадал я, какие цветы
Ты растила на белом окне.
Испугалась, наверное, ты,
Что меня увидала во сне:

Как хожу среди белых цветов
И не вижу мерцания дня.
Пусть он радостен, пусть он суров —
Всё равно ты целуешь меня...

Ты у солнца не спросишь, где друг,
Ты и солнце боишься впустить:
Раскалённый блуждающий круг
Не умеет так страстно любить.

Утром я подошёл и запел,
И не скроешь — услышала ты,
Только голос ответный звенел,
И, качаясь, белели цветы...

13. «Я — меч, заострённый с обеих сторон»

Я — меч, заострённый с обеих сторон.
Я правлю, архангел, Её судьбой.
В щите моём камень зелёный зажжён.
Зажжён не мной, — Господней рукой.

Ему непомерность мою вручу,
Когда отыду на вечный сон.
Ей в мире оставлю мою свечу,
Оставлю мой камень, мой здешний звон.

Поставлю на страже звенящий стих.
Зелёный камень Ей в сердце зажгу.
И камень будет Ей друг и жених,
И Ей не солжёт, как я не лгу.

14. «Здесь память волны святой...»

Здесь память волны святой
 Осталась пенистым следом.
 Беспечальный иду за Тобой —
 Мне путь неизвестный ведам.

Когда и куда поведёшь,
 Не знаю, но нет сомнений,
 Что погибла прежняя ложь,
 И близится *вихрь видений*.

Когда настанет мой час,
 И смолкнут любимые песни,
Здесь печально скажут: «Угас»,
 Но *Там* прозвучит: «Воскресни!»

15. «Когда я уйду на покой от времён...»

Когда я уйду на покой от времён,
 Уйду от хулы и похвал,
 Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон,
 Которым я цвёл и дышал.

Я знаю, не вспомнишь, Ты, Светлая, зла,
 Которое билось во мне,
 Когда подходила Ты, стройно-бела,
 Как лебедь, к моей глубине.

Не я возмущал Твою гордую лень —
 То чуждая сила его.
 Холодная туча смущала мой день, —
 Твой день был светлей моего.

Ты вспомнишь, когда я уйду на покой,
 Исчезну за синей чертой, —
 Одну только песню, что пел я с Тобой,
 Что Ты повторяла за мной.

16. «Вот он — ряд гробовых ступеней»

Вот он — ряд гробовых ступеней.
И меж нас — никого. Мы вдвоём.
Спи ты, нежная спутница дней,
Залитых небывалым лучом.

Ты покоишься в белом гробу.
Ты с улыбкой зовёшь: не буди.
Золотистые пряди на лбу.
Золотой образок на груди.

Я отпраздновал светлую смерть,
Прикоснувшись к руке восковой,
Остальное — бездонная твердь
Схоронила во мгле голубой.

Спи — твой отдых никто не прервёт.
Мы — окрай неизвестных дорог.
Всю ненастную ночь напролёт
Здесь горит осиянный чертог.

17. «Мне страшно с Тобой встречаться»

Мне страшно с Тобой встречаться.
Страшнее Тебя не встречать.
Я стал всему удивляться,
На всём уловил печать.

По улице ходят тени,
Не пойму — живут, или спят.
Прильнув к церковной ступени,
Боюсь оглянуться назад.

Кладут мне на плечи руки,
Но я не помню имён.
В ушах раздаются звуки
Недавних больших похорон.

А хмурое небо низко —
Покрыло и самый храм.
Я знаю: Ты здесь. Ты близко.
Тебя здесь нет. Ты — там.

18. «Любил я нежные слова»

Любил я нежные слова.
Искал таинственных соцветий.
И, прозревающий едва,
Ещё шумел, как в играх дети.

Но, выходя под утро в луг,
Твердя невнятные напевы,
Я знал Тебя, мой вечный друг,
Тебя, Хранительница-Дева.

Я знал, задумчивый поэт,
Что ни один не ведал гений
Такой *свободы*, как обет
Моих невольничьих Служений.

2002

ШЕСТЬ ХОРОВ НА СТИХИ РУССКИХ ПОЭТОВ

для смешанного хора без сопровождения

1. «Есть наслаждение и в дикости лесов»

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском берегу,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.

Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,

И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов
И как молчать об них, не знаю.

К. Батюшков

2. Молитва

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вера,
Как пламя молитвы!
Но, Боже, и вере
Могила темна!

Что слух мой заменит?
Потухшие очи?
Глубокое чувство

Остывшего сердца?
Что́ будет жизнь духа
Без этого сердца?
На крест, на могилу,
На небо, на землю,
На точку начала
И цели творений
Творец Всемогущий
Накинул завесу,
Налóжил печать:
Печать та на веки,
Её не расторгнут
Миры, разрушаясь,
Огонь не растопит,
Не смоев вода!..
Прости ж мне, Спаситель!
Слезу моей грешной
Вечерней молитвы:
Во тьме она светит
Любовью к Тебе...

А. Кольцов

3. Благовест

Среди дубравы
Блестит крестами
Храм пятиглавый
С колоколами.

Их звон призывный
Через могилы
Гудит так дивно
И так уныло!

К себе он тянет
Неодолимо,

Зовёт и манит
Он в край родимый,

В край благодатный,
Забывтый мною, —
И, непонятной
Томим тоскою,

Молюсь и каюсь я,
И плачу снова,
И отрекаюсь я
От дела злого;

Далёко странствуя
Мечтой чудесною,
Через пространства я
Лечу небесные;

И сердце радостно
Дрожит и тает,
Пока звон благостный
Не замирает...

А.К. Толстой

4. Святый Боже

Святый Боже,
Святый Крепкий,
Святый Безсмертный,
Помилуй нас!

Трисвятая
Эта песня
Душе явилась
В великий час.

Там в Царьграде,
В час, как с Проклом

Толпа молилась,
Земля тряслась.

Отрок юный
Духом чистым
Вознёсся к небу
И слышал глас:

Святой Боже,
Святой Крепкий,
Святой Безсмертный,
Помилуй нас!

В небе ангел
Пел с другими,
Сияли хоры,
Горел алмаз.

Юный отрок
Всем поведал
И песнь ответно
С земли неслась.

Стало тихо,
Чуть пропели.
Земля окрепла
В великий час.

Святой Боже,
Святой Крепкий,
Святой Безсмертный,
Помилуй нас!

К. Бальмонт

5. Не надо звуков

Дух Божий веет над землёю.
 Недвижен пруд, безмолвен лес;
 Учись великому покою
 У вечеряющих небес.

Не надо звуков: тише, тише,
 У молчаливых облаков
 Учись тому теперь, что выше
 Земных желаний, дел и слов.

Д. Мережковский

6. На Пасху

Как на Красную Пасху, на Пасху Великую
 Собирались отцы, собирались пустынники,
 Приходили в обитель, звенели веригами
 И молодые монахи, и древние схимники.

И во Храме Пречистой душой возносились,
 Не таили слёз радости в день Воскресения,
 Обымали друг друга, любовью светились
 Той Пасхальной порой своего Избавления.

А под утро незваные гости являлись,
 Обнажали мечи, полагали всех рядышком.
 Хоть на Пасху поклоны всегда отменялись, —
 Как один, ударяли челом землю-матушку.

Кто на схиме лежал, кто на зálитой мантии,
 Как вином упились за трапезой брачною.
 Кто-то выдохнул: «Пасха Священная, братие».
 И заплакал, увидев венцы огнезračные.

Иеромонах Роман

2003

БРАТСКИЕ ПЕСНИ

кантата для баса и мужского хора без сопровождения.

Стихи А. Хомякова

1. «Подвиг есть и в сраженьи...»

Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпении,
Любви и мольбе.

Если сердце заняло
Перед злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цепью стальной;
Если скорби земные
Жалом в душу впились, —
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись.
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилья
Выше мраков земных,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской.

2. «Не говорите: «То былое...» *

Не говорите: «То былое,
То старина, то грех отцов,
А наше племя молодое
Не знает старых тех грехов».
Нет! этот грех — он вечно *с нами*,
Он *в нас*, он в жилах и крови,
Он сросся *с нашими* сердцами —
Сердцами, мёртвыми к любви.

За всё, за всякие страданья,
За всякий погранный закон,
За тёмные отцов деянья,
За тёмный грех своих времён,
За все беды родного края, —
Пред Богом благости и сил
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил!

3. Вечерняя песнь

Солнце сокрылось; дымятся долины;
Медленно сходят к ночлегу стада;
Чуть шевелятся лесные вершины,
Чуть шевелится вода.

Ветер приносит прохладу ночную;
Тихою славой горят небеса...
Братья, оставим работу денную,
В песни сольем голоса...

Ночь на востоке с вечерней звездой;
Тихо сияет струёй золотою
Западный край.

* Используются начальные и заключительные строфы стихотворения. Выделенные курсивом слова у Хомякова читаются: «с вами», «в вас», «с вашими».

Господи, путь наш меж кáмней и терний,
Путь наш во мраке... Ты, свет невечерний,
Нас осияй!

В мгле полунощной, в полуденном зное,
В скорби и радости, в сладком покое,
В тяжелой борьбе —

Всюду сияние солнца святого,
Божия мудрость и сила и слово,
Слава Тебе!

2004

9 МАЯ

симфонический мемориал Победы
для баритона, смешанного хора, органа
и симфонического оркестра.

Стихотворение А. Твардовского
и канонический текст

Баритон: Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...
[.....]

Хор: Христос воскрес из мертвых,
смертию смерть поправ,
и сущим во гробех живот даровав.
[.....]
...но всё же, но всё же, но всё же, но всё же...

Баритон: ... смертию смерть поправ...

КИТЕЖ ВСПЛЫВАЮЩИЙ
симфония-концерт для солистов
и смешанного хора без сопровождения.
Стихи Ю. Кузнецова

1. Колесо

Колесо навстречь криво катится,
Быстрым-быстрое, и внутри пятно.
Стал я спрашивать: — Ты откуда
Оторвалося? Куда держишь путь? —
Но молчит оно, мимо катится,
Только звон гудит, только пыль стоит.
Прокатилось, промоталось
По плакун-траве и по трын-траве.

2. «Шёл старик по глухой стороне»

Шёл старик по глухой стороне
И за ветер держался.
— Где ты был?
— На гражданской войне,
Перед Богом сражался.
— А поведай, на чьей стороне
Ты сражался-держался?
— Я не помню, — ответил он мне, —
Но геройски сражался.

3. Последние кони

Се — последние кони! Я вижу последних коней.
Что увидите вы?
Воронья! Как мчатся! Сильней и сильней!
Разнесут до Москвы!

Словно мне говорят: ничего! Мы покажем себя,
Разогнать бы печаль.
Божьей дланью срывает мне шапку со лба.
А! Мне шапки не жаль.

Топот, ржанье, окраина... Хутор мелькнул.
Дед, я знаю, один.
Вышел он, поглядел и рукою махнул:
— Пропадай, сукин сын!

4. Возвращенье

Шёл отец, шёл отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернёт...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идёт
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука —
Фронтовые.

Всякий раз, когда мать его ждёт, —
Через поле и пашню
Столб клубящейся пыли бредёт,
Одинокий и страшный.

5. Косынка

Весна ревнует русскую глубинку.
Люби и помни, родина моя,
Как повязала синюю косынку
И засмеялась девочка твоя.

Всё лето грезит знойная глубинка
Живой водой и мёртвою водой.
И выгорает синяя косынка
На голове у девки молодой.

Туманит осень серую глубинку,
И с головы у женщины седой
Срывает ветер смертную косынку,
Косым углом проносит над водой.

Забиле снегом бедную глубинку,
И унесло за тридевять морей
Косым углом летящую косынку —
Седой косяк последних журавлей.

Опять весна — и в русскую глубинку
Весёлый ветер гонит журавлей.
И надевает синюю косынку
Та девочка, которой нет живей.

6. «Солнце родины смотрит в себя»

Солнце родины смотрит в себя.
Потому так таинственно светел
Наш пустырь, где рыдает судьба
И мерцает отеческий пепел.

И чужая душа ни одна
Не увидит сиянья над нами:
Это Китеж, всплывая со дна,
Из грядущего светит крестами.

БОГАТЫРСКИЕ ПЕСНИ

для баса и фортепиано.

Стихи Ю. Кузнецова

1. Поединок

Противу Москвы и славянских кровей
На полную грудь рокотал Челубей,
 Носясь среди мрака,
И так заливался: — Мне равного нет!
— Прости меня, Боже, — сказал Пересвет, —
 Он брешет, собака!

Взошёл на коня и ударил коня,
Стремнину копы на зарю накрена,
 Как вылитый витязь!
Молитесь, родные, по белым церквам.
Всё навье проснулось и бьёт по глазам.
 Он скачет. Молитесь!

Всё навье проснулось — и пылью и мглой
Повыело очи. Он скачет слепой!
 Но Бог не оставил.
В руке Пересвета прозрело копьё —
Всевидающий Глаз озарил остриё
 И волю направил.

Глядели две рати, леса и холмы,
Как мчались навстречу две пыли, две тьмы,
 Две молнии света —
И сшиблись... Удар достигнул до луны!
И вышло, блистая, из вражьей спины
 Копьё Пересвета.

Задумались кони... Забыт Челубей.
Немало покрыто великих скорбей
 Морщинистой сетью.

Над русскою славой кружит вороньё.
Но память мою направляет копьё
И зрит сквозь столетья.

2. «Завижу ли облако в небе высоком...»

Завижу ли облако в небе высоком,
Примечу ли дерево в поле широком —
Одно уплывает, одно засыхает...
А ветер гудит и тоску нагоняет.

Что вечного нету — что чистого нету.
Пошёл я шататься по белому свету.
Но русскому сердцу везде одиноко...
И поле широко, и небо высоко.

3. Сито

Наша истина — сито полное,
В чьих руках оно, ты не спрашивай...
Сито частое мать с гвоздя брала,
Против солнышка муку сеяла,
Из муки простой вышел хлеб святой.
Старший ел его да похваливал,
Средний ел его да побрякивал,
Младший ел его да помалкивал,
Да на вольный свет всё поглядывал.
Вон звезда горит, вон ещё одна,
Много в небе дыр, да не выскочить.
Крепко дух сидит в белых косточках.
Вон старик идёт, еле тащится,
Из него давно дух повыскочил,
Из него давно песок сыплется.
Мать сыра земля — наша истина,
Через девицу сеет восточки,

Через матушку сеет косточки,
 Через старицу сеет высевки.
 Мать сыра земля не про нас с тобой.
 Через белый свет, через истину
 Племена прошли — не задумались,
 Времена прошли — словно не были.
 Мы пройдем насквозь — не задержимся,
 Ничего от нас не останется,
 Что останется — будет лишнее.

4. Богатырь и карлик *(русская лубочная картинка)*

Во вселенной убого и сыро,
 На отшибе лубочный пустырь.
 Через тёмную трещину мира
 Святорусский летит богатырь.

Облака, что бродячие горы,
 Ключья пены со свистом летят.
 Белый всадник не чувствует опоры,
 Под копытами бездна и смрад.

Он летит над змеиным болотом,
 Он завис в невечернем луче.
 И стреляет кровавым помётом
 Мерзкий карлик на левом плече.

Может быть, он указы бросает
 И рукой его бьёт по плечу.
 Может быть, свою душу спасает:
 «Осторожно! Я тоже лечу».

Облик карлика выбит веками,
 И кровавые глазки торчком...
 Эх, родной! Не маши кулаками.
 Сбрось его богатырским щелчком.

2005

«И В ДЕНЬ ПОБЕДЫ...»

диптих для меццо-сопрано (или баритона)
и фортепианного квинтета.

Стихи А. Ахматовой и И. Эренбурга

1. «И в День Победы, нежный и туманный...»

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.

Она с колен подняться не спешит,
Дохнёт на почку и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

А. Ахматова

2. 9 мая 1945 года

Она была в линиялой гимнастёрке,
И ноги были до крови натёрты.

Она пришла и постучалась в дом.
Открыла мать. Был стол накрыт к обеду.
«Твой сын служил со мной в полку одном,
И я пришла. Меня зовут Победа».

Был чёрный хлеб белее белых дней,
И слёзы были соли солоней.

Все сто столиц кричали вдалеке,
В ладоши хлопали и танцевали.
И только в тихом русском городке
Две женщины, как мёртвые, молчали.

И. Эренбург

ДВЕ ПЕСНИ АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КОЛЬЦОВА

для баритона и фортепиано

1. «Увижу ль я девушку...»

Увижу ль я девушку,
Увижу ль я красную —
Забьётся неволею
Сердечко удалое
Любовью сердечною.

«Полюбишь ли, девушка,
Полюбишь ли, красная,
Без модной учтивости
Любовию верною
Удалова молодца?»

Ах, что же ты, девушка,
Ах, что же ты, красная,
Стыдишься? Аль, милая,
Любить не намерена
Удалова молодца?»

«Любила б я молодца,
Любила б удалова;
Но мне ли, сироточке,
Бескровной и бедненькой,
Ласкаться любовию?»

Желаю ль я, девушка,
Желаю ль я, красная,
Палат раззолоченных,
Искусством украшенных
И блеском обманчивых?»

«Люблю тебя, милую,
Люблю тебя, юную,

За характер добренький,
За стыдливость детскую,
Всем девицам сродную».

2. «Что, дремучий лес...»

Что, дремучий лес,
Призадумался,
Грустью тёмною
Затуманился?

[.....]

Одичал, замолк...
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвремяе.

Так-то, тёмный лес,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень чёрная.

Знать, во время сна
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули.

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

КУЛИКОВСКИЙ ТРИПТИХ

для мужского хора без сопровождения.

Канонические тексты.

1. Благоверному князю Димитрию Донскому (тропарь)

Велика обрѣте в бедах тя поборника земля Русская, языки побеждающа: якоже на Доне Мамаеву низложил еси гордыню, на подвиг сей прияв благословение преподобнаго Сергия, тако, княже Димитрие, Христу Богу молися даровати нам велию милость.

2. Александру Пересвету и Андрею Ослябе, схимонахам, воинам (кондак)

Чистотою душевною Божественне вооружився и непрестанные молитвы, яко копие, вручив крепко, пробол еси бесовская ополчения, Александре Пересвете*, отче наш, моли непрестанно о всех нас.

3. Преподобному Сергию Радонежскому (кондак I, из Акафиста)

Возбранный от Царя сил Господа Иисуса данный России воеводу и чудотворче предивный, преподобне отче Сергие! Прославляюще мы прославльшаго тя славы Господа, благодарственное пение воспеваем ти, ибо молитвами твоими от нашествия иноплеменник и скорбных обстояний нас присно избавляеши, яко имея дерзновение ко Господу от всяких нас бед свободы, да зовем ти: Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

* При повторении — Андрее Ослябя.

ЗЕМЛЯ ВЫСОКА

симфония тропарей
для солистов и мужского хора.
Канонические тексты

1. Преподобному князю Даниилу, Московскому чудотворцу, и родителю его, благоверному князю Александру Невскому

Приидите, празднoлюбных собoри, Богом поставленнии святители со иереи, монаси со всем христолюбивым множеством, светлый лик составльше, Давидскую воспоем песнь доброплодной отрасли Александрoвой, Богоблаженному князю Даниилу: сей бо, насажден в блаженном доме oтца своего, яко финикс высоковерхий, в добродетелех процвел, и даже до представления верен бысть подражатель всех дел родителя своего, и ныне с ним в Небесех купно ликовствуя, молится непрестанно сохранитися oтечеству своему и державе нашей, победу на супостаты даруяй молитвами своими.

2. Преподобному Никите Столпнику, Переяславскому чудотворцу *(Творение царя Иоанна, деспота Российского)*

Христову мученику тезоименит был еси, преподобне, многи подвиги и труды претерпел еси Христа ради, Его же ради вериги носил еси, блаженне: Того ныне о нас моли, Никито преподобне, душевныя наша и телесныя страсти уврачевати, иже верою и любовию почитающих присно память твою. Аминь.

3. Преподобному Илие Муромцу, Киево-Печерскому

Чудна дела Господня во святых Его, яко воин непобедимый явился еси, Илие Муромский, вся силы души и тела положив противу враг Руси Православныя, сего ради не насладися славою мирскою, но вступил еси в воинство духовное, преподобне.

4. Преподобной Евфросинии, игумении Полоцкой

Превитавши от земли Полотския, отечество свое, яко Авраам наследовавши, Евфросиние, землю высокообразну, Горний Сион; темже тело твое душевным благомужеством, страданием постным яко жертву приносила еси милосердием Своим Давшему Себе за человеки Жертву благоприятну.

5. Праведному Иоанну Кронштадтскому, чудотворцу

Днесь пастырь Кронштадтский предстоит Престолу Божию и усердно молит о верных Христа Пастыреначальника, обетование давшаго: созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ей.

2006

ВЛАДИМИРСКАЯ БОГОМАТЕРЬ

для смешанного хора без сопровождения.

Стихи М. Волошина

Не на троне — на Её руке,
Левой ручкой обнимая шею, —
Взор во взор, щекой припав к щеке,
Неотступно требует... Немею —
Нет ни сил, ни слов на языке...
А Она в тревоге и в печали
Через зыбь грядущего глядит
В мировые рдеющие дали,
Где закат пожарами повит.
И такое скорбное волненье
В чистых девичьих чертах, что Лик
В пламени молитвы каждый миг
Как живой меняет выраженье.

[.....]

Не на троне — на Её руке,
Левой ручкой обнимая шею, —
Взор во взор, щекой припав к щеке,
Неотступно требует... Немею —
Нет ни сил, ни слов на языке...

2007

ВОСКРЕСНОЕ ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ПЕНИЕ

(по чину Божественной литургии
святителя Иоанна Златоустого) для солистов
и смешанного хора (двух хоров) в 22 частях.

Канонические тексты

1. Начало и Великая ектения

- Диакон:* Благослови, владыко.
- Хор:* Аминь.
- Диакон:* Миром Господу помолимся.
- Хор:* Господи, помилуй.
- Диакон:* О свышнем мире и спасении душ наших, Господу помолимся.
- Хор:* Господи, помилуй.
- Диакон:* О мире всего мира, благостоянии Святых Божиих Церквей и соединении всех, Господу помолимся.
- Хор:* Господи, помилуй.
- Диакон:* О святем храме сем и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в онь, Господу помолимся.
- Хор:* Господи, помилуй.
- Диакон:* О великом господине и отце нашем Святейшем Патриархе Кирилле и о господине нашем Высокопреосвященнейшем митрополите Ювеналии, честнем пресвитерстве, во Христе диаконстве, о всем причте и людех, Господу помолимся.

- Хор:* Господи, помилуй.
- Диакон:* О Богохранимей стране нашей, властех и воинстве ея, Господу помолимся.
- Хор:* Господи, помилуй.
- Диакон:* О граде сем, всяком граде, стране и верою живущих в них, Господу помолимся.
- Хор:* Господи, помилуй.
- Диакон:* О благорастворении воздушных, о изобилии плодов земных и временех мирных, Господу помолимся.
- Хор:* Господи, помилуй.
- Диакон:* О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их, Господу помолимся.
- Хор:* Господи, помилуй.
- Диакон:* О избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды, Господу помолимся.
- Хор:* Господи, помилуй.
- Диакон:* Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию.
- Хор:* Господи, помилуй.
- Диакон:* Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми помянувшие, сами себе и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим.
- Хор:* Тебе, Господи.
Аминь.

2. **Благослови, душе моя, Господа** (*двухорное*)

- I.* Благослови, душе моя, Господа.
 Благословен еси, Господи.
 Благослови, душе моя, Господа,
 и вся внутренняя моя имя святое Его.
- II.* Благослови, душе моя, Господа,
 и не забывай всех воздаяний Его.
- I.* Очищающего вся беззакония твоя,
 исцеляющего вся недуги твоя.
- II.* Избавляющего от истления живот твой,
 венчающего тя милостию и щедротами.
- I.* Исполняющего во благих желание твое:
 обновится яко орля юность твоя.
- II.* Щедр и милостив Господь,
 долготерпелив и многомилостив.
- I.* Благослови, душе моя, Господа,
 и вся внутренняя моя, имя святое Его.
 Благословен еси, Господи.

3. **Аминь, Слава и Хвали, душе моя, Господа** (*двухорное*)

Аминь. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

- I.* Хвали, душе моя, Господа. Восхваляю Господа в живо-
 те моем, пою Богу моему, дондеже есмь.
- II.* Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них-
 же несть спасения.
- I.* Изыдет дух его, и возвратится в землю свою: в той
 день погибнут вся помышления его.
- II.* Блажен, емуже Бог Иаковль помощник его, упование
 его на Господа Бога своего.

- I.* Сотворшаго небо и землю, море и вся, яже в них.
- II.* Хранящаго истину в век, творящаго суд обидимым, дающаго пищу алчущим.
- I.* Господь решит окованныя, Господь умудряет слепцы.
- II.* Господь возводит низверженныя, Господь любит праведники.
- I.* Господь хранит пришельцы, сира и вдову примет, и путь грешных погубит.
- II.* Воцарится Господь во век, Бог твой, Сионе, в род и род. И ныне и присно, и во веки веков.
Аминь.

4. Песнь Господу Иисусу Христу

Единородный Сыне и Слове Божий, Безсмертен Сый, и изволивый спасения нашего ради воплотиться от Святыя Богородицы и Приснодевы Марии, непреложно вочеловечивыйся; распныйся же Христе Боже, смертию смертью поправый, един Сый Святыя Троицы, прославляемый Отцу и Святому Духу, спаси нас. Аминь.

5. Во Царствии Твоем и Блаженны (двухорное)

- I.* Во Царствии Твоем помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем.
Блажени нищии духом, яко тех есть Царство Небесное.
- II.* Блажени плачущии, яко тии утешатся.
- I.* Блажени кротции, яко тии наследят землю.
- II.* Блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся.
- I.* Блажени милостивии, яко тии помиловани будут.

-
-
-
-
- II.* Блажени чистии сердцем, яко тии Бога ўзрят.
- I.* Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся.
- II.* Блажени изгн́ани правды ради, яко тех есть Царство Небесное.
- I.* Блажени есте, егда понóсят вам, и изженúт, и рекут всяк зол глагол на вы, лжуще Мене ради.
- II.* Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех.
- I.* Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.
- II.* И ныне и присно и во веки веков. Аминь.

6. Приидите, поклонимся...

Приидите, поклонимся и припадем ко Христу. Спаси ны, Сыне Божий, воскресый из мертвых, поющия Ти: аллилуия.

7. Господи, спаси благочестивыя и Трисвятое

Диакон: Господи, спаси благочестивыя.

Хор: Господи, спаси благочестивыя.

Диакон: И услыши ны.

Хор: И услыши ны.

Диакон: И во веки веков.

Хор: Аминь.

Святы́й Боже, Святы́й Крепкий, Святы́й Безсмертны́й, помилуй нас. *(Трижды)*

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Святой Безсмертный, помилуй нас.

Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас.

8. Ектения об оглашенных

Диакон: Помолитесь, оглашеннии, Гóсподеви.

Хор: Господи, помилуй.

Диакон: Вернии, о оглашенных помолимся, да Господь помилует их.

Хор: Господи, помилуй.

Диакон: Огласит их словом истины.

Хор: Господи, помилуй.

Диакон: Откроет им Евангелие правды.

Хор: Господи, помилуй.

Диакон: Соединит их Святей Своей, Соборней и Апостольстей Церкви.

Хор: Господи, помилуй.

Диакон: Спаси, помилуй, заступи и сохрани их, Боже, Твоею благодатию.

Хор: Господи, помилуй.

Диакон: Оглашеннии, главы ваша Гóсподеви приклоните.

Хор: Тебе, Господи.

Аминь.

9. Херувимская песнь и Яко да Царя

Аминь. Иже Херувимы тайно образующе и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение.

Аминь. Яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо доноси́ма чинми. Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

10. Символ веры

Верую во Единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым./

И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век./

Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, Единосущна Отцу, Имже вся быша./

Нас ради, человек, и нашего ради спасения сшедшаго с Небес,/

и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася./

Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна./

И воскресшаго в третий день по Писанием./

И восшедшаго на Небеса, и сидяща одесную Отца./

И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца./

И в Духа Святаго, Господа Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки./

Во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь./

Исповедую едино Крещение во оставление грехов./

Чаю воскресения мертвых/

и жизни будущаго века./

Аминь.

11. Милость мира

Милость мира, Жертву хваления.//
И со духом твоим.//Имамы ко Господу.

12. Достойно и праведно есть

Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней.

13. Свят, Свят, Свят Господь Саваоф (двухорное)

Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь Небо и земля славы Твоя. Осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне, осанна в вышних.

14. Тебе поем

Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш.

15. Достойно есть

Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем.

16. Отче наш (двухорное)

Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится Имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.

17. Един Свят и Хвалите Господа с небес (двухорное)

Един Свят, един Господь Иисус Христос, во славу Бога Отца. Аминь.

Хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа.

18. Благословен Грядый во Имя Господне

Благословен Грядый во Имя Господне,
Бог Господь и явился нам.

19. Видехом Свет Истинный

Видехом Свет Истинный, прияхом Духа Небеснаго, обретохом веру истинную, Нераздельней Троице покланяемся: Та бо нас спасла есть.

20. Буди Имя Господне

Аминь.

Буди Имя Господне благословенно отныне и до века.
(Трижды)

21. Слава, и ныне

Аминь.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Господи, помилуй. *(Трижды)*

Благослови.

22. Многолетны

Диакон: Великаго Господина и Отца нашего Кирилла, Святейшаго Патриарха Московскаго и всея Руси, и Господина нашего Высокопреосвященнейшаго Ювеналия, митрополита Крутицкаго и Коломенскаго, братию святаго храма сего и вся православныя христианы, Господи, сохрани их на многая лета.

Хор: Многая лета! *(множественно)*

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

для баритона и фортепиано

1. Осенний космос

Старинная осень, твой стих изжит,
Твоя сторона пуста.
Ночами под деревом воздух визжит
От падающего листа.

И ветер, донесший раскат зимы,
Все стёкла задул в селе.
Деревья тряхнуло вон из земли,
А листья — назад, к земле.

Не воздух, не поле, не голый лес,
А бездны меж нас прошли.
Горит под ногами лазурь небес —
Так мы далеки от земли.

Но тише, подруга моя! Жена!
Минута раздумья есть.
То дождь пошёл, то почти тишина...
Такого не перенести.

Шёл дождь прямой, шёл дождь прямой,
Всё было прямым, прямым.
Шёл дождь прямой, шёл дождь прямой,
Внезапно он стал косым.

Всё стало косым под косым дождём:
Забор, горизонт, холмы,
И дом, потемневший мгновенно дом,
И мы перед ним, и мы!

2. Воскресение

Грянул колокол в ночь воскресенья
После многих смертельных ночей.
Я стоял, ожидая спасенья,
В белой роще зажжённых свечей.

Храм сиял среди праха и тлена,
Где моя пропадала душа.
За кого ты молилась, Елена,
Молодыми губами дрова?

В этом мире ни дна ни покрывки,
И не видно лица твоего.
Вместо глаз только тёмные вспышки,
И они не от мира сего.

Высшей волей всё стронулось с места.
И душа, о высоком скорбя,
В эту ночь вместе с Богом воскресла,
Но заметила только тебя.

3. «То не лето красное горит»

То не лето красное горит,
Не осенний пламень полыхает, —
То любовь со мною говорит,
И душа любви благоухает.

Пролетают где-то стороной
Городские грохоты и свисты.
И стоят в окне передо мной
Все мои желания и мысли.

Все они певучи и легки,
Все они цветны и ароматны,
Все они отсюда далеки,
Все передо мной — и невозвратны.

Я уже не знаю, сколько лет
Жизнь моя другую вспоминает.
За окном потусторонний свет
Говорит о том, что смерти нет,
Все живут, никто не умирает!

4. Гулянка

Гитара-балалайка,
Победная струна.
Достань гостям, хозяйка,
Зелёного вина.
Я топну-перетопну
С пятки на носок.
Я хлопну-перехлопну
Запад о восток.
Пускай шумит хозяин,
Пустая трын-трава.
Ребята, мы гуляем
До самого утра.
А чтобы спозаранку
Не шибко горевать,
Мы старую гулянку
Не станем продлевать.
А головой качнём
И новую начнём.
Мы топнем-перетопнем
С пятки на носок.
Мы хлопнем-перехлопнем
Запад о восток.

2008

КАРТИНКИ ИЗ СТАРИННОЙ КНИЖКИ

для меццо-сопрано и фортепиано.

Стихи И. Бунина

Заставка-запев (фортепиано)

1. Сорока

Меркнет свет в небесах.
Скачет князь мелколесьем, по топям, где сохнет осока.
Реют сумерки в чёрных еловых лесах,
А по ёлкам мелькает, сверкает — сорока.

Станет князь, поглядит:
Нет сороки! Но сердце недоброе чует.
Снова скачет — и снова сорока летит,
Перелесьем кочует.

Болен сын... Верно, хуже ему...
Погубили дитя перехожие старцы-калики!
Ночь проходит... И что-то теперь в терему?
Скачет князь — и всё слышит он женские крики.

А в лесу всё темней,
А уж конь устаёт... Поспешай, — недалёко!
Вон и терем... Но что это? Сколько огней!
— Нагадала сорока.

«Цветок засохший, безуханный...» (фортепиано)**2. Слепой**

Вот он идёт просёлочной дорогой,
Без шапки, рослый, думающий, строгий,
С мешками, с палкой, в рваном армячишке,
Держась рукой за плечико мальчишки.

И звонким а́льтом, жалобным и страстным,
Поёт, кричит мальчишка, — о прекрасном
Об Алексие, Божьем человеке,
Под недовольный, мрачный бас калеки.

«Вы пожалейте, — плачет альт, — бездомных!
Вы наградите, люди, сирых, тёмных!»
И бас грозит: «В аду, в огне сгорите!
На пропитанье наше сотворите!»

И, угрожая, властным, мерным шагом
Идёт к избушке ветхой над оврагом,
Над скудной балкой вдоль иссохшей речки,
А там одна старуха на крылечке.

И крестится старуха и дрожащей
Рукою ищет грошик заваливший
И жалко плачет, сморщивая брови,
Об окаянной грешнице Прасковье.

Листая страницы (фортепиано)

3. «Ты, светлая ночь, полнолунная высь!»

Ты, светлая ночь, полнолунная высь!
Подайся, засов, — распахнишь,
Тяжёлая дверь, на морозный простор,
На белый сияющий двор!

Ты, звонкая ночь, сребролунная даль!
Ах, если б не крепкая паль,
Не ржавый замок, не лихой волкодав,
Не батюшкин ласковый нрав!

4. «Уж как на́ море, на́ море»

Уж как на́ море, на́ море,
На синем камени,
Нагая краса сидит,
Белые ноги в волне студит,
Зазывает с пути корабельщиков:
«Корабельщики, корабельщики!
Что вы по свету ходите,
Понапрасну ищите
Самоцветного яхонта-жемчуга?
Есть одна жемчужина —
Моя нагая краса,
Уста жаркие,
Груди холодные,
Ноги лёгкие,
Лядвии тяжёлые!
Есть одна утеха не постылая —
На руке моей спать-почивать,
Слушать песни мои унывные!»
Корабельщики плывут, не слушают,
А на сердце тоска-печаль,

На глазах слёзы горячие.
 Ту тоску не заспать, не забыть
 Ни в пути, ни в пристани,
 Не отдумать дó веку.

Смех русалки (фортетиано)

5. «Мимо острова в полночь фрегат проходил»

«Мимо острова в полночь фрегат проходил:
 Слева месяц над морем светил
 Справа остров темнел — пропадали вдали
 Дюны скудной родимой земли.

Старый дом рыбака голубою стеной
 Там мерцал над кипящей волной.
 Но в заветном окне не видал я огня:
 Ты забыла, забыла меня!»

«Мимо острова в полночь фрегат проходил:
 Поздний месяц над морем светил,
 Золотая текла по волнам полоса
 И как в сказке неслись паруса.

Лебединую грудь белели они,
 И мерцали на мачтах огни.
 Но в светлице своей не зажгла я огня:
 Ты забудешь, забудешь меня!»

6. Отрава

Свекровь-госпожа в терему до полдён заспалась:
 Спи, рóдная, спи, я одна, молода, убралась!
 Серьгу и кольцо я в бору колдуну отдала,
 Питьё на меду да на сладком корню развела.

И чёрен и смолен зелёный за теремом бор.
Сынок твой воротится, сыщёт под лавкой топор:
«Сынок, не буди меня: клонит старуху ко сну.
Сруби мне два дерева — ель да рудую сосну».

— Ин, ель на постель, а сосну? — «А её на кровать:
На бархате смольном в гробу золотом почивать,
На хвое примятой княгиню положите вы,
С болотною мятой округ восковой головы...»

Уж как же я буду за церковью выть, голосить!
Уж как же я выйду наране покосы косить!
В коралл, в костенику я косы свои уберу,
Шальною и дикой завьюсь, заматаюсь в бору!

Страница за страницей (фортепиано)

7. Скоморохи

Весёлые скоморохи,
Люди сметливые,
Поломайтесь, позабавьте
Свет боярина!

Скучно ему во палате!
Днём он выспался,
Шашки, сказки да побаски
Уж приелися.

На лежаночке в павлинах
Сел он, батюшка,
В жёлтом стёганом халате,
В ярь-мурмулочке.

Шибче, шибче, скоморохи!
Ишь как ожил он!
Глаза узкие, косые
Засветились,

Всё лицо его тугое
 Смехом сморщилось,
 Корешки зубов из рта
 Зачернелися...
 Ах, не даром вы, собаки,
 Виды видывали!
 Шибче, шибче! Чтоб соседи
 Нам завидовали!

8. После битвы

Воткнув копьё, он сбросил шлем и лёг.
 Курган был жёсткий, выбитый. Кольчуга
 Колола грудь, а спину полдень жёг...
 Осенней сушью жарко дуло с юга.

И умер он. Окостенел, застыл,
 Припав к земле тяжёлой головою.
 И ветер волосами шевелил,
 Как ковылём, как мёртвою травною.

И муравьи закопошились в них...
 Но равнодушно всё вокруг молчало,
 И далеко среди полей нагих
 Копьё, в курган воткнутое, торчало.

Апофеоз (фортепиано)

9. Баба-Яга

Гулкий шум в лесу нагоняет сон —
 К ночи на море пал сырой туман.
 Окружён со всех с четырёх сторон
 Тёмной осенью островок Буян.

А ещё темней — мой холодный сруб,
Где ни вздуть огня, ни топить не смей,
А в окно глядит только бурый дуб,
Под которым смерть закопал Кощей.

Я состарилась, изболелась вся —
Десять сот годов берегу ларец!
Будь огонь в светце — я б погрелася,
Будь дрова в печи — похлебала б щец.

Да огонь — в морях мореходу весть,
Да на много вёрст слышен дым от лык...
Чёрт тебе велел к чёрту в слуги лезть,
Дура старая, неразумный шлык!

Выцветшими чернилами (фортениано)

10. Сиротка

Шла сиротка пыльною дорогой,
На степи боялась заблудиться.
Встретился прохожий, глянул строго,
К мачехе велел ей воротиться.

Долгими лугами шла сиротка,
Плакала, боялась тёмной ночи.
Повстречался ангел, глянул кротко
И потушил ангельские очи.

По пригоркам шла сиротка, стала
Подниматься тропочкой неровной.
Встретился Господь у перевала,
Глянул милосердно и любовно.

«Не трудись, — сказал Он, — не разбудишь
Матери в её могиле тесной:
Ты моей, сиротка, дочкой будешь», —
И увел сиротку в рай небесный.

**«И ВМЕСТО ТОЧКИ
Я ПОСТАВЛЮ СОЛНЦЕ...»**

вокальный цикл для меццо-сопрано и фортепиано.

Стихи Ю. Кузнецова

1. «Полюбите живого Христа...»

Полюбите живого Христа,
Что ходил по росе
И сидел у ночного костра,
Освещённый, как все.

Где та древняя свежесть зари,
Аромат и тепло?
Царство Божье гудит изнутри,
Как пустое дупло.

Ваша вера суха и темна,
И хромает она.
Костыли, а не крылья у вас,
Вы разрыв, а не связь.

Так откройтесь дыханью куста,
Содроганью зарниц
И услышите голос Христа,
А не шорох страниц.

2. Цветущий шиповник

Встал куст шиповника, дрожа
Гудящими шмелями,
Как будто зримая душа,
Наполненная снами.

Ещё до ягод далеко,
До сладкого мороза.

Шмелями дышит глубоко
Куста живая грёза.

Благоуханье, цвет и дрожь...
Но, глядя своевольно,
Души незрелой не тревожь,
А то ужалит больно.

3. **Полынь**

Степь да степь. Сияющая синь.
И сухая бабочка порхает.
Дымчатую чуткую полынь
Тронешь — и она благоухает.

Тишина стоит из века в век —
Синяя, громовая, густая.
Тут прошёл недавно человек
И как будто в воздухе растаял.

Но слегка примятая полынь
От его следов благоухает.
А кругом сияющая синь,
И живая бабочка порхает.

4. «Течёт река имён и лиц»

Течёт река имён и лиц
В разорванную даль.
Как два потока в ней сошлись
И радость, и печаль.

Там бьют подземные ключи
И светит божество.
Туда заброшены ключи
От сердца моего.

5. «Есть у меня в душе одна вершина...»

Есть у меня в душе одна вершина
С певучим эхом... Дремлет жизнь моя,
Но чутко отзывается и длинно
На первый луч иного бытия.

Ещё душа темна наполовину,
Но властный луч иного бытия
Заставил петь и трепетать долину,
Но этот трепет слышу только я.

6. Птицы в снегу

Снег... И сквозь снег наугад
Чёрные птицы летят.

Чья ты, душа, и куда
Мимо летишь навсегда?

7. «Поэзия есть свет...»

Поэзия есть свет, а мы пестры..
В день Пушкина я вижу ясно землю,
В ночь Лермонтова — звёздные миры.
Как жизнь одну, три времени приемлю.
Я знаю, где-то в сумерках святых
Горит моё разбитое оконце,
Где просияет мой последний стих,
И вместо точки я поставлю солнце.

ПРОРОК

вокальный цикл

для баритона и фортепиано.

Стихи М.Ю. Лермонтова

1. Сон

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая ещё дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их жёлтые вершины
И жгло меня — но спал я мёртвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жён, увенчанных цветами,
Шёл разговор весёлый обо мне.

Но, в разговор весёлый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа её младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана,
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струёй.

2. «Слышу ли голос твой»

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

3. «Будь со мною, как прежде бывала»

Будь со мною, как прежде бывала;
 О, скажи мне хоть слово одно;
Чтоб душа в этом слове сыскала,
 Что хотелось ей слышать давно;

Если искра надежды хранится
 В моём сердце — она оживёт;
Если может слеза появиться
 В очах — то она упадёт.

Есть слова — объяснить не могу я,
 Отчего у них власть надо мной;
Их услышав, опять оживу я,
 Но от них не воскреснет другой;

О, поверь мне, холодное слово
 Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого
 Ядовитое жало змеи!

4. Пророк

С тех пор как вечный Судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи;

Завет Предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звёзды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

2009

ПОЭТ

вокальный цикл

для баритона и фортепиано.

Стихи Н. Заболоцкого

1. «Уступи мне, скворец, уголок»

Уступи мне, скворец, уголок,
Посели меня в старом скворешнике.
Отдаю тебе душу в залог
За твои голубые подснежники.

И свистит и бормочет весна.
По колено затоплены тополи.
Пробуждаются клёны от сна,
Чтоб, как бабочки, листья захлопали.

И такой на полях кавардак,
И такая ручьёв околёсица,
Что попробуй, покинув чердак,
Слома голову в рощу не броситься!

Начинай серенаду, скворец!
Сквозь литавры и бубны истории
Ты — наш первый весенний певец
Из берёзовой консерватории.

Открывай представленье, свистун!
Запрокинься головкою розовой,
Разрывая сияние струн
В самом горле у рощи берёзовой.

Я и сам бы стараться горазд,
Да шепнула мне бабочка-странница:
«Кто бывает весною горласт,
Тот без голоса к лету останется».

А весна хороша, хороша!
Охватило всю душу сиренями.
Поднимай же скворешню, душа,
Над твоими садами весенними.

Поселись на высоком шесте,
Польхая по небу восторгами,
Прилепись паутинкой к звезде
Вместе с птичьими скороговорками.

Повернись к мирозданию лицом,
Голубые подснежники чествуя,
С потерявшим сознание скворцом
По весенним полям путешествуя.

2. «Когда вдали угаснет свет дневной»

Когда вдали угаснет свет дневной
И в чёрной мгле, склоняющейся к хатам,
Всё небо заиграет надо мной,
Как колоссальный движущийся атом, —

В который раз томит меня мечта,
Что где-то там, в другом углу вселенной,
Такой же сад, и та же темнота,
И те же звёзды в красоте нетленной.

И может быть, какой-нибудь поэт
Стоит в саду и думает с тоскою,
Зачем его я на исходе лет
Своей мечтой туманной беспокою.

3. «В лепестках акварели»

Посредине панели
Я заметил у ног
В лепестках акварели
Полумёртвый цветок.

Он лежал без движенья
В белом сумраке дня,
Как твоё отраженье
На душе у меня.

4. Подаяние

Это было давно.
Исхудавший от голода, злой,
Шёл по кладбищу он
И уже выходил за ворота.
Вдруг под свежим крестом,
С невысокой могилы сырой
Заприметил его
И окликнул невидимый кто-то.

И седая крестьянка
В заношенном старом платке
Поднялась от земли,
Молчалива, печальна, сутула,
И творя поминанье,
В морщинистой тёмной руке
Две лепёшки ему
И яичко, крестясь, протянула.

И как громом ударило
В душу его, и тотчас
Сотни труб закричали
И звёзды посыпались с неба.
И, смятенный и жалкий,
В сиянье страдальческих глаз,

Принял он подаянье,
Поел поминального хлеба.

Это было давно.
И теперь он, известный поэт,
Хоть не всеми любимый,
И понятый также не всеми, —
Как бы снова живёт
Обаянием прожитых лет
В этой грустной своей
И возвышенно чистой поэме.

И седая крестьянка,
Как добрая старая мать,
Обнимает его...
И бросая перо, в кабинете
Всё он бродит один
И пытается сердцем понять
То, что могут понять
Только старые люди и дети.

«Я УСТАЛ ОТ ДВАДЦАТОГО ВЕКА»

вокальный цикл для баритона и фортепиано
на стихи русских поэтов

1. Соль земли

Торжественно кончается весна,
И розы, как в эдеме, расцвели.
Над океаном блеск и тишина,
И в блеске — паруса и корабли...
...Узнает ли когда-нибудь она,
Моя невероятная страна,
Что было солью каторжной земли?
А впрочем, соли всюду грош цена:
Просыпали — метёлкой подмели.

Г. Иванов

2. Жизни

Не возьмёшь моего румянца —
Сильного — как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.
Не возьмёшь мою душу живу!
Так, на полном скаку погонь —
Пригибающийся — и жилу
Перекусывающий конь
Аравийский.

М. Цветаева

3. Предчувствие грозы

Колют ресницы. В груди прикипела слеза.
 Чую без страха, что будет и будет гроза.
 Кто-то чудной меня что-то торопит забыть.
 Душно — и всё-таки до смерти хочется жить.

С нар приподнявшись на первый раздавшийся звук,
 Дико и сонно ещё озираясь вокруг,
 Так вот бушлатник шершавую песню поёт
 В час, как полоской заря над острогом встаёт.

О. Мандельштам

4. «По мне Пролеткульт не заплачет»

По мне Пролеткульт не заплачет,
 И Смольный не сварит кутью.
 Лишь вечность крестом обозначит
 Предсмертную песню мою.

Да где-нибудь в пёстром Судане
 Нубиец, свершивши намаз,
 О раненом солнце-тимпане
 Причудливый сложит рассказ!

[.....]

Недаром мерещится Мекка
 Олёнецкой серой избе...
 Горящий венец человека
 Задуть ли самумной судьбе?!

От смертных песков есть притины —
 Узорный оазис-изба...
 Грядущей России картины —
 Арабская вязь и резьба,

В кряжистой тайге — попугаи,
 Горилла — за вязкой лаптей...

Я грежу о северном рае
Плодов и газельих очей!

Н. Клюев

5. «Я разорву кустов кольцо»

Я разорву кустов кольцо,
Уйду с поляны.
Слепые ветки бьют в лицо,
Наносят раны.

Роса холодная течёт
По жаркой коже,
Но остудить горячий рот
Она не может.

Всю жизнь шагал я без тропы,
Почти без света.
В лесу пути мои слепы
И неприметны.

Заплакать? Но такой вопрос
Решать же надо.
Текут потоком горьких слёз
Все реки ада.

В. Шаламов

6. «Я устал от двадцатого века»

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек.

Я давно уже ангел, наверно,
Потому что, печалью томим,
Не прошу, чтоб меня легковерно
От земли, что так выглядит скверно,
Шестикрылый унёс серафим.

В. Соколов

2010

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

для баритона и фортепиано

1. Элегия

Всё тот же мир. Но скука входит
В пустое сердце, как игла,
Не потому, что жизнь проходит,
А потому, что жизнь прошла.

И хочется сказать — мир чуждый,
Исчезни с глаз моих скорей —
«Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей!»

2. «Эмалевый крестик в петлице»

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.

Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...

3. «Весело вам?»

Звёзды синеют. Деревья качаются.
Вечер как вечер. Зима как зима.
Всё прощено. Ничего не прощается.
Музыка. Тьма.

Все мы герои и все мы изменники,
Всем, одинаково, верим словам.
Что ж, дорогие мои современники,
Весело вам?

4. «О нет, не обращаюсь к миру я»

О нет, не обращаюсь к миру я
И вашего не жду признания.
Я попросту хлороформирую
Поэзией своё сознание.

И наблюдаю с безучастием,
Как растворяются сомнения,
Как боль сливается со счастьем
В сияньи одеревенения.

5. «Если бы я мог забыться»

Если бы я мог забыться,
Если бы, что так устало,
Перестало сердце биться,
Сердце биться перестало,

Наконец — утомилось,
Навсегда окаменело,
Но — как Лермонтову снилось —
Чтобы где-то жизнь звенела...

...Что любил, что не допето,
Что уже не видно взглядом,
Чтобы было близко где-то,
Где-то близко было, рядом...

ЗИМНИЙ ПУТЬ

вокальный цикл для баритона и фортепиано.

Стихи С. Есенина

1. Серебристая дорога

Серебристая дорога,
Ты зовёшь меня куда?
Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда.

Грусть ты или радость теплишь?
Иль к безумью правишь бег?
Помоги мне сердцем вешним
Долюбить твой жёсткий снег.

Дай ты мне зарю на дровни,
Ветку вербы на узду.
Может быть, к вратам Господним
Сам себя я приведу.

2. «Не бродить, не мять в кустах багряных...»

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зёрна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах мёда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котёнок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж кто выдумал твой гибкий стан и плечи —
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

3. «Ветры, ветры, о снежные ветры»

Ветры, ветры, о снежные ветры,
Заметите мою прошлую жизнь.
Я хочу быть отроком светлым
Иль цветком с луговой межи.

Я хочу под гудок пастуший
Умереть для себя и для всех.
Колокольчики звёздные в уши
Насыпает вечерний снег.

Хороша бестуманная трель его,
Когда топит он боль в пурге.
Я хотел бы стоять, как дерево,
При дороге на одной ноге.

Я хотел бы под конские храпы
Обниматься с соседним кустом.

Подымайте ж вы, лунные лапы,
Мою грусть в небеса ведром.

4. «Голубая кофта. Синие глаза»

Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Крутит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель».

5. «Душа грустит о небесах»

Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зелёный шевелится.

То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звёзды слов
На их листве первоначальной.

Понятен мне земли глагол,
Но не страхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.

Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.

2011

ШЕСТЬ РОМАНСОВ

на стихи поэтов Серебряного века
для баритона и фортепиано

1. В городских сумерках

Люблю вечерний свет, и первые огни,
И небо бледное, где звёзд ещё не видно.
Как странен взор людей в медлительной тени,
Им на меня глядеть не страшно и не стыдно.

И я с людьми как брат, я всё прощаю им,
Печальным, вдумчивым, идущим в тихой смене,
За то, что вместе мы на грани снов скользим,
За то, что и они, как я, — причастны тени.

В. Брюсов

2. И будет вскоре...

И будет вскоре весенний день,
И мы поедем домой, в Россию...
Ты шляпу шёлковую надень:
Ты в ней особенно красива...

И будет праздник... большой, большой,
Каких и не было, пожалуй,
С тех пор, как создан весь шар земной,
Такой смешной и обветшалый...

И ты прошепчешь: «Мы не во сне?..»
Тебя со смехом ущипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целую!

И. Северянин

3. Канцона

Храм Твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже Твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют.

Точно благовест Твой, весна
По весёлым идёт полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам.

Если, Господи, это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою.

Перед той, что сейчас грустна,
Появись, как Незримый Свет,
И на всё, что спросит она,
Ослепительный дай ответ.

Ведь отрадней пения птиц,
Благодатней ангельских труб
Нам дрожанье милых ресниц
И улыбка любимых губ.

Н. Гумилёв

4. Не повторится

Освещена последняя сосна.
Под нею тёмный кряж пушится.
Сейчас погаснет и она.
День конченый — не повторится.

День кончился. Что было в нём?
Не знаю, пролетел, как птица.
Он был обыкновенным днём,
А всё-таки — не повторится.

З. Гиппиус

5. Без слов

Ты показала мне без слов,
Как вышел хорошо и чисто
Тобою проведённый шов
По краю белого батиста.

А я подумал: жизнь моя,
Как нить, за Божьими перстами
По лёгкой ткани бытия
Бежит такими же стежками.

То виден, то сокрыт стежок,
То в жизнь, то в смерть перебегая...
И, улыбаясь, твой платок
Перевернул я, дорогая.

В. Ходасевич

6. Гимн

Я посох мой доверил Богу
И не гадаю ни о чём.
Пусть выбирает Сам дорогу,
Какой меня ведёт в Свой дом.

А где тот дом — от всех сокрыто,
Далече ль он — утаено.
Что в нём оставил я — забыто,
Но будет вновь обретено,

Когда, от чар земных излечен,
Я повернусь туда лицом,
Где — знает сердце — буду встречен
Меня дождавшимся Отцом.

Вяч. Иванов

ИСПАНСКИЕ ПЕСНИ

для баритона и фортепиано.

Стихи Федерико Гарсиа Лорки

в пер. с испанского

А. Гелескула

1. Наяву

Мать Гюго читала.
Догорал в закате
голый ствол каштана.
Словно рыжий лебедь,
выплывший из тины,
умирало солнце
в сумерках гостиной.
Зимними полями,
дымными от стужи,
плыли за отарой
призраки пастушьи.
В этот день я розу
срезал потаённо.
Пламенную розу
сумрачного тона,
как огонь каштана
за стеклом балкона.

2. О девушке, ветре и прочих

Дёревцо, деревцо
к засухе зацвело.

Девушка к роще масличной
шла вечереющим полем,
и обнимал её ветер,
ветренный друг колоколен.

На андалузских лошадаках
ехало четверо конных,
пыль оседала на куртках,
на голубых и зелёных
«Едем, красавица, в Кордову!»
Девушка им ни слова.

Три молодых матадора
с горного шли перевала,
шёлк отливал апельсином,
сталь серебром отливала.
«Едем, красотка, в Севилью!»
Девушка им ни слова.

Когда опустился вечер,
лиловою мглой омытый,
юноша вынес из сада
розы и лунные мирты.
«Радость, идём в Гранаду!»
И снова в ответ ни слова.

Осталась девушка в роще
срывать оливки в тумане,
и ветер серые руки
сомкнул на девичьем стане.

Дёревцо, деревцо́
к засухе зацвело.

3. Ноктюрн из окна

В окно постучала полночь,
и стук её был беззвучен.

На смуглой руке блестели
браслеты речных излучин.

Рекою душа играла
под синей ночью кровлей.

А время на циферблатах
уже истекало кровью.

4. Газелла об утреннем рынке

*Я под аркой Эльвиры
буду ждать на пути,
чтоб узнать твоё имя
и, заплавав, уйти.*

Что за луны льдом озёрным
на лице твоём застыли?
Как в заснеженной пустыне
твой костёр собрать по зёрнам?
Твой хрусталь колючим тёрном
кто задумал оплести?..

*Я под аркой Эльвиры
буду ждать на пути,
чтобы взгляд твой пригубить
и, заплавав, уйти.*

Ранит голос твой весенний
среди рыночного крика!
Сумасшедшая гвоздика,
затерявшаяся в сене!
Как близка ты в отдаленье,
а вблизи — не подойти...

*Я под аркой Эльвиры
буду ждать на пути,
чтобы бёдер коснуться
и, заплавав, уйти.*

5. За поворотом

Хочу вернуться к детству моему.
Вернуться в детство и потом — во тьму.

Простимся, соловей?
Ну что ж, пока!..
Во тьму и дальше.
В чашечку цветка.

Простимся, аромат?
И поспеши..
В ночной цветок.
И дальше, вглубь души.

Прощай, любовь?
Всего тебе, всего!
(От вымершего сердца моего...)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Именной указатель авторов текстов

Анненский Иннокентий Фёдорович (1855-1909)

Четыре стихотворения
Иннокентия Анненского 1980

Ахматова Анна Андреевна (1889-1966)

Александрю Блоку 1980

Stabat Mater dolorosa 1988

Симфония ликов 1998

(№ 2: *Успение святой Евфросинии Московский*)

«И в День Победы...» 2005

(№ 1: *«И в День Победы, нежный и туманный...»*)

Базен Эрве (1911-?)

Два гротеска 1963

(№ 1: *Вши. Пер. с французского...*)

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867-1942)

Шесть хоров на стихи русских поэтов 2002

(№ 4: *Святый Боже*)

Батюшков Константин Николаевич (1787-1855)

Шесть хоров на стихи русских поэтов 2002

(№ 1: *«Есть наслаждение и в дикости лесов»*)

Белый Андрей (1880-1934)

Два настроения 1984

(№ 2: *Веселье на Руси*)

Симфония ликов (№ 4: Святой Серафим)	1998
Бехтеев Сергей Сергеевич (1879-1954)	
Праведная Русь (№ 3: Молитва)	1996
Блок Александр Александрович (1880-1921)	
Голоса скрипок	1982
Ясный свет	1988
Песни палладина	2001
Брюсов Валерий Яковлевич (1873-1924)	
Шесть романсов на стихи поэтов Серебряного века (№ 1: В городских сумерках)	2011
Бунин Иван Алексеевич (1870-1953)	
Последний шмель	1985
Старорусские сказания	1987
Четыре романа на стихи Ивана Алексеевича Бунина	2000
Картинки из старинной книжки	2008
Вели Орхан (?)	
Два гротеска (№ 2: «Для вас!..» Пер. с турецкого...)	1963
Волошин Максимилиан Александрович (1877-1932)	
Праведная Русь (№ 5: Заклинание (от усобиц))	1996
Владимирская Богоматерь	2006

- Гагарин Юрий Алексеевич (1934-1968)**
Космическая Россия **1985**
(№ 6: *Космический старт*
№ 7: «*Во имя большого счастья человечества*»)
- Гамзатов Расул Гамзатович (1923-?)**
Два стихотворения Расула Гамзатова **1966**
(Перевод с аварского Н. Гребнева)
- Гиппиус Зинаида Николаевна (1869-1945)**
Шесть романсов на стихи
поэтов Серебряного века **2011**
(№ 4: *Не повторится*)
- Гоголь Николай Васильевич (1809-1852)**
Завещание Николая Васильевича Гоголя **1997**
- Грубин Франтишек (?)**
Шесть детских песен **1977**
(№ 4: *Ласточки. Пер. с чешского А. Эппеля*)
- Гумилёв Николай Степанович (1886-1921)**
Шесть романсов на стихи
поэтов Серебряного века **2011**
(№ 3: *Канцона*)
- Дворжак Ладислав (?)**
Шесть детских песен **1977**
(№ 5: *Художники. Пер. с чешского Ю. Вронского*)
- Дементьев Андрей Дмитриевич (р. 1928)**
Памяти Александра Сергеевича Пушкина **1979**
(Эпиграмма: *Интермеццо (Слово Современника)*)

Деснос Робер (1900-1945)

Три детских стихотворения Робера Десноса
(перевод с французского М. Кудинова) **1969**

Есенин Сергей Александрович (1895-1925)

Зимний путь **2010**

Заболоцкий Николай Алексеевич (1903-1958)

Поэт **2009**

Иванов Вячеслав Иванович (1866-1949)

Шесть романсов на стихи
поэтов Серебряного века **2011**
(№ 6: *Гимн*)

Иванов Георгий Владимирович (1894-1958)

«Я устал от двадцатого века» **2009**
(№ 1: *Соль земли*)

Пять стихотворений Георгия Иванова **2010**

Иеромонах Роман (?)

Шесть хоров на стихи русских поэтов **2002**
(№ 6: *На Пасху*)

Каллаган Морли (Callaghan Morley) (?)

Любимая и потерянная **1975**
(пер с английского Е. Коротковой)

Каменский Василий Васильевич (1884-1961)

Два настроения **1984**
(№ 1: *Русский звенидень*)

Клюев Николай Алексеевич (1887-1937)

«Я устал от двадцатого века» **2009**
 (№ 4: «По мне Пролеткульт не заплачет»)

Кольцов Алексей Васильевич (1809-1842)

Шесть хоров на стихи русских поэтов **2002**
 (№ 2: *Молитва*)

Две песни Алексея Васильевича Кольцова **2005**

Кублановский Юрий Михайлович (р.?)

Праведная Русь **1996**
 (№ 2: *Прощание игумена Филиппа с Соловецким монастырём*)

Святитель Ермоген **1999**
 (Пролог: *Великая Смута*
 Сцена II: «Самозванец в Кремле куражится...»
 Сцена IV: «Бог покарал крамольника...»
 Сцена VI: «Раз на Страстной повздорили...»
 Сцена IX: «И полетел на Среднюю...»
 Эпилог: «Не вершинами горними...»)

Преподобный Савва игумен **2000**
 (№ 2: *На молитве*
 № 3: *Пастырь*
 № 4: *Строительство храма*
 № 5: *Успение*
 № 6: *Чудотворец*)

Кузнецов Юрий Поликарпович (1941-2003)

Праведная Русь **1996**
 (№ 4: *Осенняя годовщина*)

Богатырские песни **2004**

Китеж всплывающий **2004**

Четыре стихотворения Юрия Кузнецова	2007
«И вместо точки я поставлю солнце»	2008
Ладонщиков Георгий... (?)	
Шесть детских песен (№ 1: <i>Поутру</i>)	1977
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814-1841)	
Три романа на стихи Михаила Юрьевича Лермонтова	1978
«Любил и я в былые годы»	1978
Entre elle et moi (№2: <i>L'attende</i> № 3: « <i>Quand je te vois sourire...</i> »)	1985
Пророк	2008
Ли Бо (701-762)	
Песни одинокого путника (Пер. с китайского А. Гитовича)	1961
Ломоносов Михаил Васильевич (1711-1765)	
Космическая Россия (№ 2: « <i>Открылась бездна звезд полна...</i> »)	1985
Лорка Федерико Гарсиа (1898-1936)	
Испанские песни	2011
Майков Аполлон Николаевич (1821-1897)	
Симфония ликов (№ 1: <i>Видение святого благоверного князя Александра Невского</i>)	1998

Мандельштам Осип Эмильевич (1891-1938)

- Семь детских стихотворений
Осипа Мандельштама 1989
- «Я устал от двадцатого века» 2009
(№ 3: *Предчувствие грозы*)

Маяковский Владимир Владимирович (1893-1930)

- Космическая Россия 1985
(№ 4: «*Звёзды огромнеют...*»)

Межелайтис Эдуардас (1919-?)

- «Ты спросишь...» 1964
(Пер. с литовского Б. Слуцкого)

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866-1941)

- Шесть хоров на стихи русских поэтов 2002
(№ 5: *Не надо звуков*)

Михайлов Михаил Ларионович (1829-1865)

- Песни безвременья 1975
(№ 2: «*Те же всё унылые картины...*»)

Набоков Владимир Владимирович (1899-1977)

- Тайная вечеря 1991

Незвал Витезслав (1900-1958)

- Шесть детских песен 1977
(перевод с чешского И. Токмаковой)
(№ 6: *Скоро осень*)

-
-
-
- Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877/78)**
- Песни безвременья 1975
 (№ 4: «Смолкли честные, доблестно павшие...»
 № 5: «Душно! без счастья и воли...»)
- Никитин Иван Саввович (1824-1861)**
- Песни безвременья 1975
 (№ 1: «Тяжкий крест несём мы, братья...»
 № 3: *На старом кургане*)
- Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837)**
- Сапожник 1968
- Нравоучительные истории
 (совместно с Н.М. Языковым) 1978
- Памяти Александра Сергеевича Пушкина 1979
 (*Эпилוג: Исход (Слово Поэта)*)
- Entre elle et moi 1985
 (№ 1: «*Tien et tien...*»)
- Арфа серафима 1998
 (№ 1: *Воспоминание*
 № 2: «*Дар напрасный, дар случайный...*»
 № 4: *Арфа серафима*
 № 5: *Зимнее утро*)
- Преподобный Савва игумен 2000
 (№№ 1,8: «*На тихих берегах Москвы...*»)
- Рерих Николай Константинович (1874-1947)**
- Священные знаки 1975
- Романов Константин Константинович (К. Р.) (1858–1915)**
- Симфония ликов 1998
 (№ 3: *Святая Елизавета Феодоровна*)

Рубцов Николай Михайлович (1936-1971)

Три стихотворения Николая Рубцова 1978

Северянин Игорь (1887-1941)

Шесть романсов
на стихи поэтов Серебряного века 2011
(№ 2: «И будет вскоре...»)

Скучайте Рамуне (?)

Шесть детских песен 1977
(№ 3: *Земляничка. Пер. с литовского Э. Александровой*)

Соколов Владимир Николаевич (1928–1997)

«Я устал от двадцатого века» 2009
(№6: «Я устал от двадцатого века»)

Татарин Виталий Михайлович (р. 1931)

Поучительная история 1972

Твардовский Александр Трифонович (1910-1971)

Перевозчик 1976

Поздние песни 2000

9 мая 2004

Толстой Алексей Константинович (1817-1875)

Шесть хоров на стихи русских поэтов 2002
(№ 3: *Благовест*)

Тувим Юлиан (1894-1953)

Шесть детских песен 1977
(№ 2: *Черешни. Перевод с польского Д. Самойлова*)

-
-
-
-
- Тютчев Федор Иванович (1803-1873)**
- Три стихотворения Федора Ивановича Тютчева 1967
- Entre elle et moi 1985
(№ 4: «*Nous avons pu tous deux...*»
№ 5: «*Comme en aimant la coeur...*»)
- Фет Афанасий Афанасьевич (1820-1892)**
- Космическая Россия 1985
(№ 3: «*На стоге сена ночью южной*»)
- Филарет, митрополит Московский (1783-1867)**
- Арфа серафима 1998
(№ 3: «*Не напрасно, не случайно*»)
- Ходасевич Владислав Фелицианович (1886-1939)**
- Шесть романсов на стихи
поэтов Серебряного века 2011
(№ 5: *Без слов*)
- Хомяков Алексей Степанович (1804-1860)**
- Братские песни 2003
- Хьюз Ленгстон (1902-1967)**
- Три стихотворения Ленгстона Хьюза 1972
(Пер. с английского М. Зенкевича)
- Цветаева Марина Ивановна (1892-1941)**
- Стенька Разин 1989
- «Я устал от двадцатого века» 2009
(№ 2: *Жизни*)

Циолковский Константин Эдуардович (1857-1935)

- Космическая Россия **1985**
(№ 1: «Верю...»
№ 3: «Земля-колыбель...»
№ 5: «Человечество не останется вечно на земле...»
№ 9: «Вселенная и жизнь одно и то же.»
№ 10: «Нет конца жизни, конца разуму
и совершенствованию человечества»)

Шаламов Варлам Тихонович (1907-1982)

- «Я устал от двадцатого века» **2009**
(№ 5: «Я разорву кустов кольцо»)

Шевченко Тарас Григорьевич (1814-1861)

- Апостол правды **1983**
(Пер. с украинского Н. Ушакова,
С. Гордеева, А. Суркова)

Эренбург Илья Григорьевич (1891-1967)

- «И в День Победы» **2005**
(№ 2: 9 мая 1945 года)

Языков Николай Михайлович (1803-1846/47)

- Нравоучительные истории **1978**
(совместно с А.С. Пушкиным)

Компьютерный дизайн и верстка *Шумилин С.*

Подготовлено к печати 04.12.11